

Библиотека советской фантастики

ВИКТОР КОЛУПАЕВ

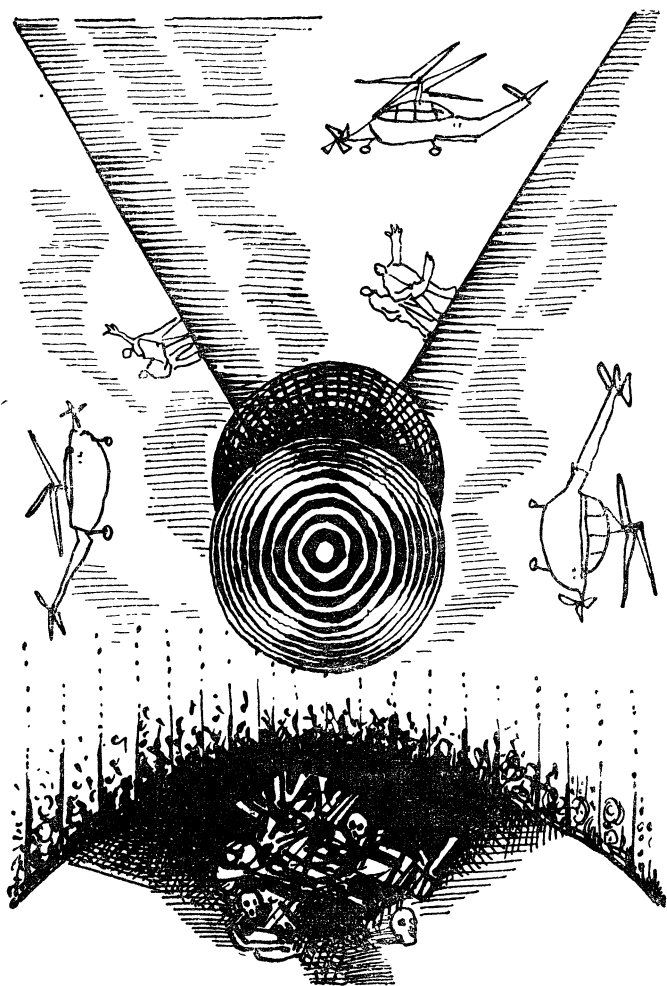
КАЧЕЛИ ОТШЕЛЬНИКА

Колупаев Виктор Дмитриевич родился в 1936 году в городе Алдане Якутской АССР. Он окончил Томский политехнический институт. Сейчас живет и работает в Томске.

Впервые как автор-фантаст В. Колупаев выступил с рассказом «Билет в детство» в журнале «Вокруг света». Это произошло в 1969 году. Затем его рассказы публикуются в журналах «Аврора» и «Вокруг света», в сборниках издательства «Молодая гвардия» «Фантастика, 69—70» и «Фантастика, 71». В 1972 году вышла первая книга Виктора Колупаева «Случится же с человеком такое!..» (издательство «Молодая гвардия»). Это сборник фантастических рассказов о космосе («Поющий лес», «Весна света», «Жемчужина») и прежде всего о человеке, его чувствах, душевных качествах; о перемещении во времени («Сентябрь», «Девочка», «Газетный киоск») — и опять о человеке, о его ответственности перед будущим; о таланте человека («Зачем жил человек», «Настройщик роялей») — и о проблемах морали, проблемах творчества.

Новая книга В. Колупаева по темам близка первому сборнику, но рассказывает она о том же космосе и путешествиях во времени по-новому.

Библиотека советской фантастики

ВИКТОР КОЛУПАЕВ

**КАЧЕЛИ
ОТШЕЛЬНИКА**

Повесть, рассказы

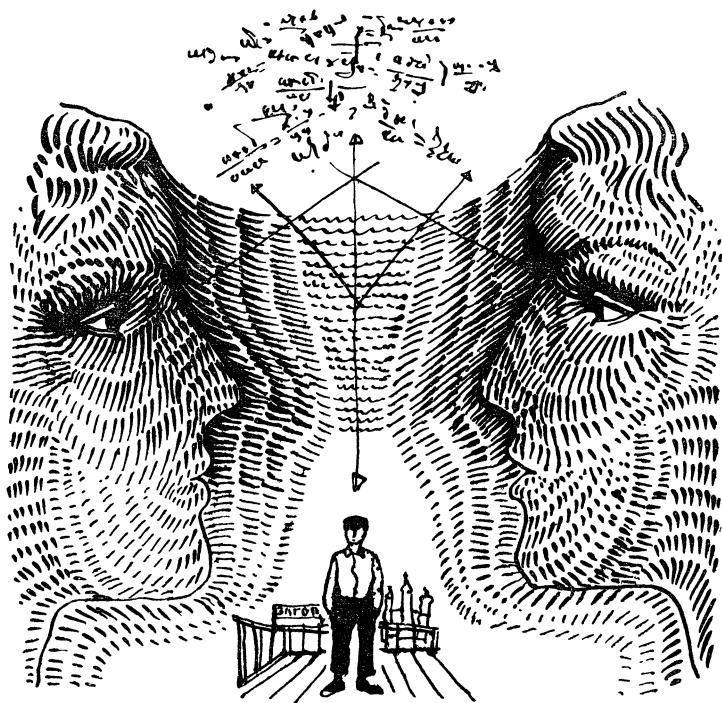
МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1974

**P2
K61**

К $\frac{70302-093}{078(02)-74}$ 159—74

© Издательство «Молодая гвардия», 1974 г.

БИЛЕТ В ДЕТСТВО

Этот вокзал не был похож на все другие. Здесь никто никого не встречал и не провожал. Никто не суетился, не спешил и не опаздывал. Здесь не было камер хранения и носильщиков, потому что никто из пассажиров даже на одно мгновение не захотел бы расстаться со своим багажом, состоящим из воспоминаний о прошлом и мыслей о будущем.

Сюда приходили после глубоких раздумий. Одни — предчувствуя приближающуюся смерть; другие — перед тем как навсегда улететь с Земли; третьи — чтобы полнее осознать сущность своего «Я», сравнить себя с эталоном, на который еще не налипли комья сомнений, страха, зависти, пошлости и себялюбия, который еще не согнулся под тяжестью повседневных забот и волнений.

Были и такие, что приходили сюда от безделья. Но вокзал не прощал людям насмешек и оскорблений. На них страшно было смотреть, когда они возвращались, так стыдились они своего настоящего. Но этих было мало, или они просто не решались появляться здесь.

Я уже давно ощутил потребность встретиться с самим собой, задать самому себе несколько вопросов и самому же на них ответить. Эта потребность росла во мне с каждым днем, и однажды я не выдержал и пошел на вокзал.

— Билет в детство, пожалуйста, — сказал я в окошечко кассы и через пять минут уже сидел в жестком вагончике допотопной конструкции, с нетерпением ожидая свистка паровоза.

В купе рядом со мной оказалась старушка с корзиной фруктов и конфет. Волнение, с которым она поминутно перебирала ее содержимое, могло рассмешить кого угодно, но только не в этом поезде. Ее можно было понять. Ведь она ехала к маленькой девочке, в свое детство, наверняка давно и прочно забытое. Дети любят сладкое — только это она и помнила из всего, с чем ей предстояло очень скоро встретиться.

Напротив сидели мужчина с поседевшими висками и старик. Я знал этого мужчину по его портретам из журналов. Это был известный пианист. Перед каждым концертом он ездил в свое детство. Утверждали, что именно это делает его концерты неповторимыми, уди-

вительными, но я слабо верил в эту версию. Многие музыканты ездили в свое детство, но что-то мало среди них было гениев.

Старик сидел, положив руки на массивную трость. Он вез в подарок своему детству только мудрый взгляд своих уставших глаз.

Поезд тронулся... Мимо проносились телеграфные столбы, размеренно стучали колеса, изредка раздавался свисток паровоза. Кто-то в соседнем купе потребовал у проводника холодного пива и потом долго ворчал, возмущаясь плохим обслуживанием.

Прошел грустный и задумчивый час. Вдали за поворотом уже можно было различить платформу.

— Приехали. Станция, — объявил проводник.

Все начали торопливо собираться и сбились в проходе.

— Суздаль! — удивленно сказала моя соседка.

Это был Загорск. Для меня это был Загорск. А для нее — Суздаль. Для старика — Пенза или Сызрань. Каждый приехал в город своего детства. Я уже видел золоченые купола Троице-Сергиевской лавры. А кто-то видел тайгу, стремительное течение Енисея, ленивую гладь Онежского озера.

Загорск... А я даже и не знал, что это мой город. Я не помнил своего детства.

Вагон быстро опустел. Старушка увидела в толпе встречавших пухленькую девочку, замахала ей платком и заплакала. Пианист положил руку на плечо мальчугану, и они пошли к виадук, очень серьезные и сосредоточенные. На платформе было шумно и тесно, но постепенно люди расходились.

Меня никто не встречал. Я несколько раз махал рукой мальчишкам, но к ним почти тотчас же кто-нибудь подходил. Каждый раз это оказывался не я. Трудно представить, каким ты был в детстве, тем более что у

меня не сохранилось ни одной фотографии того времени. Я вообще сомневался, были ли они.

Через десять минут около поезда почти никого не осталось. Только на самом краю платформы десятилетний мальчишка в майке и не по размеру больших брюках сосредоточенно пинал носком ободранного ботинка стаканчик из-под мороженого.

— Сашка! — крикнул я.

Но он, даже не взглянув в мою сторону, спрыгнул с платформы, пересек железнодорожные пути и скрылся за углом здания.

Я так ждал встречи со своим детством, так надеялся, что это поможет мне обрести утраченную в последнее время уверенность в себе, поможет мне лучше понять свои поступки. Эта встреча была необходима мне.

А он не пришел...

Искать его в городе не имело смысла. Я бесцельно проболтался на вокзале около часа, дожидаясь, когда объявят посадку на обратный поезд.

Весь путь до Усть-Манска меня не покидало ощущение какой-то невосполнимой утраты. Почему он не пришел? Почему? Соседи по купе были погружены в свои мысли, лишь одна женщина все время пыталась рассказать о своих проказах сорокалетней давности, но никак не могла найти внимательного слушателя.

Не успел я сойти с поезда на вокзале в Усть-Манске, как меня вызвали к диспетчеру.

— Простите, — сказал молодой парень в железнодорожной форме, когда я вошел в диспетчерскую и назвал свою фамилию. — Мы виноваты в том, что испортили вам настроение. Что-то произошло с системами волноводов темпорального поля. А может быть, темпограмма не дошла до адресата, и поэтому он не пришел вас встречать.

— Он мог и не захотеть со мной встретиться. — Я махнул рукой, собираясь выйти.

— В следующий раз это не повторится, — заверили меня. — Мы все проверим. Можете ехать в детство хоть завтра.

— Вряд ли в ближайший месяц у меня будет свободное время, — ответил я и вышел не попрощавшись.

Мы ставили один важный эксперимент, и времени действительно не хватало.

И все же на следующий день я снова был на вокзале, снова ехал в дряхлом вагончике, снова стоял на пустеющем перроне.

На краю платформы, как и вчера, я увидел мальчишку.

— Сашка! — крикнул я. — Это же ты! — Я чувствовал, я твердо знал это.

Он хотел прыгнуть с платформы, но передумал и остался стоять, глядя себе под ноги. Я бегом кинулся к нему, схватил за плечи, сжал. И вдруг он прижался к моей груди. На секунду, не более. Затем оттолкнул меня и, глядя исподлобья, сказал:

— Так вот ты какой?!

В его голосе было очень много от взрослого мужчины. И вообще для мальчика он выглядел очень серьезным.

— Сашка! Значит, ты все-таки узнал меня?

— Еще бы. Но только я не Сашка. Меня все зовут Роланом... Ну то есть Ролькой.

— Но ведь меня-то зовут Александром. Значит, и ты — Сашка.

Он пожал плечами.

Я в свои сорок лет выглядел еще крепким человеком. А он был нескладный и худой.

— Послушай, Сашка. Я буду звать тебя Александром, а не Роланом. — Здесь он снова пожал плечами,

как бы говоря: «Как хочешь». — Почему ты такой тощий, чертяка?! Тебе надо заниматься спортом, иначе долго не протянешь.

На мгновение мне показалось, что его глаза смеются надо мной, и я тоже расхохотался. Какую глупость я только что ляпнул! Ведь я стою перед ним живой и здоровый. Как же в таком случае он может долго не протянуть? Вот ерунда-то.

Он тоже засмеялся, и мы дошли до самого виадука, даже не пытаясь что-либо сказать друг другу из-за расправившего нас смеха.

Привокзальная площадь была не такой, какой я ее привык видеть. Бывая в Загорске, я почти всегда заходил в кафе «Астра». Но сейчас его еще не было и в помине. Справа доносился гомон базарчика, который не могли заглушить даже паровозные гудки.

— Ну ладно, Сашка, — сказал я. — Трудно ведь сразу вести себя так, чтобы кому-нибудь из нас не было смешно. Я еще не раз попаду впросак. И это вовсе не означает, что мы с тобой не должны где-нибудь пообедать.

— Я не хочу, — сказал Сашка. — Нас уже кормили.

«А что он думает на самом деле? — попытался сообразить я. — Если бы я хотел есть, то никогда бы не отказался, если бы предложение исходило от такого человека, как я сам. Ага! Но ведь я-то взрослый человек, я все понимаю. А он?»

— Не хочешь так не хочешь, — сказал я. — Расскажи-ка лучше, как ты живешь? Кто твои друзья?

— Только не надо допросов, — ответил он, и я понял, что мои вопросы действительно похожи на анкету, на которую нельзя ответить искренне.

Мы подошли к базарчику, и я спросил:

— А мороженого хочешь?

— Ага! — радостно ответил он.

— С орехами или пломбир?

— Ну да, с орехами! Такого и не бывает.

— Посмотрим, — загадочно сказал я, но у женщины, продававшей мороженое, действительно не было ни того, ни другого. Я спросил ее на всякий случай, но лучше бы я этого не делал. Она вдруг раскричалась на меня: «Ишь чего захотел!» Сашка потянул меня за руку.

— Пойдем...

Но я все же купил порцию обыкновенного молочного мороженого. Сашка взял его, глядя в сторону, но мне еще пришлось раза два сказать ему: «Ешь, чего ты?», прежде чем он развернул бумажку. И тут же, как мне показалось, он забыл про меня. Сразу стало видно, как он хотел это мороженое. Обыкновенный десятилетний мальчишка. Он закапал мороженым свои широченные брюки.

— А ты научился лечить неизлечимые болезни? — неожиданно спросил он меня.

Я растерялся.

— Откуда ты это можешь знать? Ведь я занимаюсь этим всего лет двадцать. И начал совершенно случайно. Неужели я думал об этом еще тридцать лет назад?

— Но ведь я — это ты, — сказал он. — Только в детстве. Я знаю про тебя больше, чем ты про меня, потому что я всегда хотел, чтобы ты был похож на меня, чтобы ты занимался тем, чем хочу заниматься я. Я этого очень хочу.

В нем как-то странно сочетались детская наивность и суровость взрослого.

— Нет, Сашка, я еще не научился лечить неизлечимые болезни. Но я думаю, что скоро это станет возможным.

— Правда? — обрадовался он.

— Правда, — я потрепал его по макушке. — Но только мне очень не хватает времени. Тебе хорошо. Ты еще не замечаешь, как быстро бежит время.

Он бросил на меня стремительный взгляд, чуть насмешливый и странный, словно он знал что-то, что очень важно для меня, но еще не считал нужным сообщить это мне. Выцветшие брюки сидели на нем мешком. Рубашка в клеточку выгорела. «Не сладко же тебе приходится», — подумал я.

— Мне тоже не хватает времени, — сказал он наконец.

— Вот как?! — рассмеявшись спросил я. — И чем же ты занимаешься, что у тебя не хватает времени?

— Я хочу, чтобы ты получился счастливым...

— Ну что ж. Считай, что я таким и получился. Только знаешь ли ты, что такое счастье?

Он не ответил на мой вопрос, словно и не слышал его.

— И еще я хочу, чтобы люди становились счастливее от того, что ты есть.

Вот уж этого-то я не знал наверняка. Счастливы ли люди от того, что я есть? Нет, я не мог это утверждать с уверенностью...

— Ты очень серьезный, Сашка. Это все-таки плохо в твоём возрасте.

— Это хорошо.

— Не будем спорить. А почему ты вчера не подошел ко мне?

— Ты ведь тоже не сразу приехал ко мне. А почему я должен был сразу броситься к тебе? Я тебя тоже ждал.

— Прости.

Мне показалось, что между нами внезапно возникла стена отчуждения, что мы чужие друг другу и что я

никогда не смогу его понять, этого десятилетнего мальчишку, то ли потому, что взрослые вообще плохо понимают детей, то ли потому, что он умнее меня. Но последнее я отбросил сразу же, потому что еще не мог согласиться, что с годами глупею. Во всяком случае, до встречи с ним это мне и в голову не приходило.

Мы долго бродили по городу. Я узнал, что и он не помнит отца и мать, что он живет в интернате. Его неразговорчивость, некоторую скрытность я отнес за счет того, что это была наша первая встреча. Трудно говорить много и только веселое, когда впервые увидел сам себя.

Позже я понял, что хотя он и говорил меньше, чем я, но именно он направлял наш разговор. Он экзаменовал меня, делая это незаметно, ненавязчиво. И я вынужден был согласиться, что он чем-то все-таки умнее меня. Не суммой знаний, которые я накопил за свои сорок лет. Конечно, нет! Может быть, своей системой мышления, своей способностью точно знать, что же он хочет, своей удивительной собранностью и иронией. Грустной-грустной, не мальчишеской иронией.

Мы договорились встретиться еще. Я уехал с вечерним поездом. В последнюю минуту, когда я уже был в тамбуре вагона, он весело засмеялся, несколько раз лихо подпрыгнул и крикнул:

— А ты ничего! Не совсем такой, как мне хотелось, но все же ничего. Пока!

И стена отчуждения исчезла между нами. И снова это сделал он. Сделал, когда сам захотел.

— Пока, Сашка! — крикнул я.

Поезд тронулся. Как мне было легко! Радость, непонятная, странная, необыкновенная, распирала мою грудь.

И все-таки я не знал, не мог предполагать, как нужна была мне эта встреча. Я стал работать так, как не

работал уже давно. Небывалое вдохновение овладело мной. Теперь я был уверен, что эксперимент пройдет удачно. Я сделаю то, о чем мечтал еще в детстве.

Несколько месяцев промелькнуло незаметно. Целый ряд больших и маленьких удач, бессонные ночи, мимолетные сомнения, ожесточенные споры и захватывающие обсуждения, встречи и командировки. Наш институт работал над очень трудной и важной проблемой. Мы разрабатывали мгновенные нехирургические методы лечения травм на расстоянии. Короче об этом можно рассказать на примере. Человек упал с обрыва и разбился. Пока его доставят в ближайшую клинику, будет уже поздно. Мы разрабатывали методику и аппаратуру, которая позволяла этот мешок костей и боли превратить снова в человека, так что он даже не успевал почувствовать боли. Человек падал с обрыва и тут же вставал совершенно целым и невредимым.

Мы хотели уменьшить количество нелепых смертей. И у нас это уже получалось. Теперь я могу сказать: «Да, люди будут счастливее от того, что я есть». Сказать только Сашке, то есть самому себе, и никому больше.

Только через полгода я снова выбрал время и купил билет в детство... Сашка на вокзал не пришел.

«Детская нелепая выходка, — подумал я. — Обиделся, что я долго не приезжал». А у меня было что рассказать ему из того, о чем он мечтал.

Расстроенный, я вернулся в Усть-Манск. На вокзале меня снова пригласили в диспетчерскую.

— Что-нибудь с темпограммой? — с надеждой спросил я.

— Нет, темпограмму мы послали. Дело вот в чем... У вас не было детства... Это невероятно, но это так.

— Что за ерунда! Ведь я видел... я уже разговаривал с Сашкой.

— Это был не Сашка, то есть это были не вы в детстве. Это был Ролан Евстафьев.

Ролан Евстафьев? Я не знал такого, но фамилия была мне знакома.

— У вас не было детства.

— Но почему же тогда он приходил встречать меня? Да нет же! Это именно он, то есть я. Я это чувствую.

— У вас не было детства. Это случается по разным причинам. Очень редко, но случается.

Мне дали стакан воды. Наверное, вид у меня был растерянный и жалкий. Я плюхнулся в кресло, не в силах выйти сейчас на улицу. Меня не тревожили и больше ничего не говорили. Да и что они могли сказать? Они выяснили, что у меня не было детства. Почему и как это произошло, они не знают. И помочь тут они мне ничем не могут.

Когда у человека бывает трудное детство, говорят, что у него не было детства. Война, тяжелая болезнь, жестокое отношение окружающих людей... Да! Но у меня-то не было детства в прямом смысле, как мне только что сказали.

Я немного пришел в себя. Настолько, чтобы нормально двигаться, не вызывая подозрительных взглядов прохожих.

Через час я добрался до своей лаборатории. Было уже довольно поздно, и в комнате работало только человека два или три. Я сел за свой стол и попытался собраться с мыслями. Через некоторое время лаборатория опустела. Может быть, перед уходом они что-нибудь и говорили мне, но я не слышал... Только за стеной раздавался стрекот печатающей машинки. Это Елена Дмитриевна перепечатывала материалы наших экспериментов.

Я сидел за столом и вспоминал. Выискивал в своей

памяти факты и сопоставлял их, и вспоминал, вспоминал.

Двадцать лет назад я очень долго болел. Во время болезни я потерял память. Я не помнил ни друзей, ни знакомых, ни самого себя до этой болезни. Странно, но в моей памяти отчетливо сохранились все знания и опыт начинающего молодого ученого. Исчезло только то, что касалось лично меня. Я как бы родился заново. Ко мне часто приходила одна девушка, Лена Евстафьева. Елена Дмитриевна Евстафьева. Двадцать лет она работает моим секретарем. Однажды вечером, это было уже после болезни, примерно через год, она вдруг заплакала за своим столиком, заставленным телефонными аппаратами и заваленным деловыми бумагами и папками. Я приподнял за подбородок ее мокрое от слез лицо.

— Я все равно люблю тебя, — сказала она.

Это было так неожиданно. И потом, почему «все равно»?

Она встала и ушла. Ушла из института единственный раз в жизни раньше меня. На мой безмолвный вопрос она ответила:

— Не спрашивай. Ничего не было.

И я ничего не спросил у нее. Почти два десятка лет мы работаем вместе, и я ни разу не нашел времени поговорить с ней о ней самой и обо мне. Нет... Я просто боялся услышать от нее что-то... Что? Не знаю...

Замуж она не вышла. Я был женат, но недолго и неудачно.

Лена Евстафьева.

Я не помнил первой половины своей жизни, но был уверен, что Лены в ней не было.

Я набрал номер справочной и попросил продиктовать мне списки лиц, работавших в институте двадцать лет назад. Тогда это была еще просто большая лабо-

ратория. Монотонный голос называл фамилии... Абрамов... Волков... Ролан Евстафьев.

Стой. Он работал здесь же. Я продолжал вспоминать. Нет. Я не помнил такого.

Перебирая личные дела, я узнал, что Ролан Евстафьев умер в тот день, когда я потерял память. Потерял память?!

И тут я понял. Я никогда не терял памяти. Меня просто не было. Я возник... стал существовать в тот день, когда он умер.

Кто я? Киборг? Киборг, у которого вырезан аппендикс и который часто страдает насморком? Нет.

Его сознание, его «Я» вписали в мое тело? Нет.

Он создал меня и умер. Тут, конечно, ни при чем ни мое тело, ни даже клеточки головного мозга. Он создал меня в каком-то более сложном, более совершенном смысле этого слова. Он создал мой образ мышления, мой интеллект. И я должен быть таким, каким он хотел видеть меня.

А этот мальчишка? Ведь он уже все продумал в свои десять лет, потому он так странно и говорил со мной. Он уже знал, что я — это то, что он создаст в будущем, когда поймет, что уже ничего не успеет сделать сам.

Меня не должно было быть. Я не был предусмотрен штатным расписанием природы. Он создал меня.

У меня не было детства. Он подарил мне кусочек своего детства.

В соседней комнате зазвонил телефон. Елена Дмитриевна взяла трубку.

Я никогда серьезно не любил женщину. Он подарил мне ее.

Теперь я знаю. Я всегда любил ее. Я скрывал это от себя. Я обманывал и себя и ее.

Он, этот десятилетний мальчишка, сделал для меня

все, ничего не попросив взамен... Лишь одна порция мороженого. Он только раз захотел встретиться со мной, чтобы проверить, правильно ли он поступит однажды, когда-то в будущем.

Я слышу, как Лена встала со стула и идет к дверям моей лаборатории легкой, красивой походкой.

Ей тридцать семь лет. Она жена Ролана Евстафьева, которому я обязан всем.

Сейчас она откроет дверь, и я все спрошу. Я спрошу ее, кто я.

И она мне все расскажет.

Дверь открывается.

Сейчас я узнаю все.

1

Четыре человека сидели в мягких удобных креслах посреди круглого, ярко освещенного зала.

— С ума можно сойти от этой тишины, — сказал Эго. Он был самым молодым из экипажа «Клеопатры». Поджарый, высокий, с черной шапкой густых выющихся

волос на голове. Вцепившись руками в подлокотники, он сидел с таким видом, словно в следующее мгновение что-то должно было с силой вырвать его из кресла и бросить в пустоту, прочь от надежных стен корабля.

— С ума можно сойти... — тихо повторил он.

Стис потянулся к пульту, чтобы включить какую-нибудь музыку, но Ройд коротким движением руки остановил его.

— Не надо. Ему сейчас нужна музыка человеческих слов, музыка человеческих мыслей.

Ройд был стариком, и все негласно признавали его старшим, хотя на корабле не положено было иметь командира. Стис молча кивнул и снова откинулся в кресле.

— У меня в голове только одна мысль, — сказал Бимон, четвертый член экипажа. — Они уже добрались сюда. Первую часть программы мы, пожалуй выполнили? — И он вопросительно посмотрел на Ройда.

— Спроси у Эго...

— Я это чувствую, — сказал Эго, стряхнув с себя оцепенение. — Все время ощущение чего-то липкого, мерзкого, злобного, враждебного. Видеть бы, слышать, осязать, чтобы можно было стрелять из бластера, думать, искать выход из тупика. Но ведь *это* неизвестно что. Как бороться неизвестно с чем?

— Значит, по-твоему, *они* здесь? — спросил Ройд и вздрогнул, встретившись взглядом с глазами Эго. Глаза говорили, что, будь Эго здесь один, он бы знал, что ему делать. Не раз за свою долгую жизнь встречал Ройд такой взгляд, и ему вдруг сделалось тоже страшно. Но он умел владеть своими чувствами. Эго отвернулся. — Скажи ты, Стис...

Стис нервно рассмеялся:

— Ха-ха-ха! Да *они* не только здесь. Они везде. Может быть, *они* уже на Земле. Отыскиали ее. И сей-

час там все спешно учатся делать харакири. Ха-ха-ха!

— И дети тоже? — тихо спросил Ройд.

— Н-нет, н-нет. — Стис сжал щеки ладонями. — Простите. Дети не должны. Дети уже не должны с этим встретиться. Простите меня. — Он помолчал и сказал спокойнее: — Но здесь *они* уже есть. А разве вы это не чувствуете? Только я один?

— *Они* здесь. Об этом не стоит говорить, — сказал Бимон. — Когда мы вылетели с Земли, уже было ясно, что *они* будут здесь. Это подтвердилось, и все.

— Зачем ты спрашиваешь, Ройд? — запальчиво крикнул Эго. — Все знают это. Разве ты сам не чувствуешь?

— Я хотел знать, как это чувствует каждый. Ведь никакие приборы их не регистрируют. Важно узнать, что это такое.

Четверть часа назад они посадили «Клеопатру» на планету под условным названием «Агриколь-4». Собственно, Агриколь — это название звезды, вокруг которой вращается семь планет. На четвертой была неуправляемая база землян, то есть база с запасами пищи, воды, энергии, аппаратурой — словом, всем необходимым для человека. Автоматы монотонно исследовали планету: записывали температуру, давление, уровень радиации. Агриколь-4 была вполне пригодна для жизни людей. Она не была заселена лишь потому, что ее открыли всего двадцать лет назад.

Пять лет назад здесь должна была высадиться первая специальная экспедиция, которая и положила бы начало планомерному исследованию и заселению планеты. Но как раз где-то в это время в областях космоса, контролируемых Землей, появилось *это*. Сначала в ста восьмидесяти парсеках от Земли, в одном-единственном месте, потом сразу в нескольких. Земля оказалась в центре условной сферы, на границах которой

господствовало враждебное человеку, непонятное, неуловимое и поэтому еще более страшное явление.

Сфера неумолимо сжималась. Пока она охватывала только границы освоенного человеком космоса. Многие экспедиции, не выдержав борьбы с неизвестным, катапультировались на Землю. От других не было никаких известий. Совет Земли забил тревогу. Теперь в экспедиции отправлялись тщательно проверенные люди, с уравновешенной психикой, готовые бороться до конца и катапультироваться на Землю только в том случае, когда дальнейшая борьба с неизвестным окажется бессмысленной.

Люди могли постоять за себя, но *это* было неуловимо и появлялось уже в ста парсеках от Земли.

«Клеопатра» была одним из многих кораблей, которые Земля бросала навстречу опасности. У экипажа было две задачи: узнать, появилось ли *это* в окрестностях звезды Агриколь, что неопровержимо доказывало бы продвижение чего-то враждебного по направлению к Земле, и попытаться выяснить, что это такое. Пока Земля не знала, что это такое, люди не могли найти необходимого оружия и защиты.

Три месяца назад «Клеопатра» стартовала на Агриколь.

Они еще не выходили из корабля.

— Мы можем катапультироваться немедленно, — сказал Ройд. — Никто на Земле за этот поступок не будет называть нас трусами. Еще никому не удавалось справиться с *ними*. Мы просто увеличим число бывших рядом и несправившихся.

Стис обрадованно нагнулся вперед, потом закусил губу и откинулся в кресле с безразличным видом.

Бимон покачал головой.

Эго глубже втиснулся в кресло, так что было видно только его побледневшее лицо.

— Сидеть здесь или выйти из корабля, нам все равно. *Они* проникают всюду. Я предпочитаю выйти. Кто со мной? — спросил Бимон.

Никто не пошевелился. Ройд мог пойти. Он много видел, может и еще посмотреть.

— Пойдет Эго, — сказал Ройд.

— Никто его не может заставить! — крикнул Стис.

— Он должен сам себя заставить. Иди, Эго.

Ройд включил экраны кругового обзора. «Клеопатра» стояла на самой середине огромной поляны, покрытой коричневой с черными пятнами травой. Метрах в пятистах начинался корявый, какой-то нелепый лес с вывихнутыми стволами.

— Дойдете до опушки, потом возвращайтесь назад.

— В глайдерах? — с трудом выговорил Эго.

— Даже силовой экран не защищает от *них* — сказал Ройд. — Глайдеры не помогут.

— Мы здесь вообще как муха на чистом столе, а сверху занесенная ладонь, — пробурчал Стис. — Куда ни сунься, все равно прихлопнет.

— Случаев полного разгрома баз не было. Нас просто вытесняют. Пойдем, Эго, веселый парень. Мы еще споем твою песню! — Бимон встал во весь свой двухметровый рост. Он улыбался, показывая исключительной белизны зубы.

— Возьмем бластеры? — спросил Эго. — С ними как-то увереннее.

— Возьмем. Хотя, насколько я понимаю, бесполезная штука эти бластеры. Но если ты будешь чувствовать себя с ними увереннее, то возьмем. А я всегда ношу с собой это, — он расстегнул воротничок рубашки. На груди, на тоненькой цепочке висело нечто вроде медали.

— Амulet? — криво усмехнувшись, спросил Стис.

— Сибилла...

Это могла быть и жена, и невеста, и просто случайная знакомая, и даже дочь. Ройд ничего не сказал, только подумал, что у него никогда не было ничего подобного. Грустно и все.

2

Стис сел за пульт управления силовыми экранирующими полями. Десятиметровый колпак такого поля накрывал Эго и Бимона. Ни одна живая тварь не могла проникнуть через него, ни один материальный предмет. После того как Бимон улыбнулся, у Стиса на душе стало легче. Надо держать себя в руках, не распускаться. Пока те двое шли по траве, управлять силовым колпаком было просто. А вот когда они войдут в лес... Впрочем, они не войдут в лес. Они должны дойти только до опушки.

Ройд манипулировал ручками управления анализирующей аппаратуры. Если *это*, чужое, враждебное, появится возле Эго и Бимона, должно же оно изменить что-то в картине физических полей. Если это мыслящая материя, то должны быть аномалии в поле сознания. Картина физических полей не менялась. Что касается поля сознания, то тут все было сложнее. До предела возбужденная психика людей деформировала поле.

Бимон шел немного впереди. Эго едва поспевал за ним. В руках у каждого был бластер. Две высокие фигуры на фоне уродливого леса. Бимон шире в плечах. И шаг у него широкий и уверенный. Эго приятно идти за ним. Но хорошо бы выйти вперед, чтобы Бимон был за спиной. За спиной противный холодок. Все равно сейчас что-нибудь произойдет. Тишина коварна. Бимон отмахивается от каких-то скачущих на высоту человеческого роста насекомых.

Эго отстал от Бимона шагов на десять. И снова, как и в корабле, почувствовал, как его обступает что-то липкое, неприятное. Опять начинается попытка страхом. Оно издевается над ним, играет, как кошка мышонком. Вот и Бимон замедлил шаг.

— Бимон, подожди...

Идущий впереди остановился, неуверенно оглянулся. Бледность заливала лицо Эго. И там, в корабле, Стис прошептал:

— Исчезнуть бы...

— Ты смеешься, Стис, — с трудом выговаривая слова, произнес Ройд.

Эго поднял руки, как бы прикрывая голову. Бимон шагнул к нему, оглядываясь на лес. И в это время, как раскат грома, отчетливо прозвучало:

— Ха-ха-ха!

И так несколько раз. Ниоткуда и сразу отовсюду.

Эго не сдержался и нажал кнопку бластера. Короткая молния выстрелила в зенит. Эго совсем потерял голову и, кружась на одном месте, полосовал воздух вспышками молний.

Хохот прекратился.

— Что это могло быть? — все еще вздрагивая от возбуждения, спросил Эго. Левой рукой он вытирал пот со лба. — Понимаешь, исчезло! Я убил его! Я убил его! Бимон, ведь правда?

— Не знаю, — ответил Бимон.

Напряжение прошло.

Анализаторы физических полей у Ройда не показали ничего. Не было ничего материального. Или это было какое-то неизвестное людям поле. Поле сознания искрилось всплеском. Это вполне объяснялось испугом Эго и состоянием людей, когда прозвучал хохот.

Бимон сплюнул, потоптался на месте и сказал:

— У страха глаза велики. Это могло быть просто

какое-нибудь животное. Должны же здесь быть животные? Ройд, как ты думаешь?

— Здесь есть крупные животные, но, к сожалению, нам неизвестно, хохочут ли они, — ответил Ройд.

— Я хотел бы, чтобы это было *оно*, — сказал Эго. — Пусть бы это было *оно*. Мы бы знали, что хоть бластера оно боится.

— Ножа, каменного топора, — продолжил Бимон насмешливо.

— Не веришь, что его можно убить? — закричал Эго. — Смотри. Если оно еще раз появится, я буду стрелять. — Он поворачивался то в одну, то в другую сторону, прижав к груди бластер. И снова за спиной он почувствовал чье-то присутствие, замер, увидев расширенные глаза Бимона, который смотрел туда, за его спину.

Какая-то тень пробежала по краю поляны, с неясными очертаниями, все время меняясь в размерах, то укорачиваясь, то удлиняясь.

Страх, выразившийся в глазах у Бимона, вызвал всплеск в анализаторах Ройда.

— Какое-нибудь поле? — с надеждой в голосе спросил Стис.

Ройд только покачал головой.

Эго ощутил, как за его спиной вырастает чудовище, готовое к прыжку. Эго был молод и все еще играл в игрушки.

Бимон увидел, как неопределенная тень вдруг сформировалась в пятиметрового гада, готового к прыжку, и, не размышляя, нажал кнопку бластера. Но, прежде чем он это сделал, Эго упал ничком на жесткую, колючую траву, очень четко сознавая, что ему в спину из-за ближайших кустов целится точно такой же бластер, какой был у него самого в руках.

Бимон выстрелил, но не попал, потому что не во что

было попадать. Зверь исчез. И в это же мгновение из-за кустов хлестанул ответный выстрел. Молния прошла над лежащим Эго и обожгла Бимону щеку. Бимон отскочил в сторону и хотел дать еще выстрел, но Стис опередил его. На том месте, откуда только что стрелял кто-то, теперь образовался кусочек выжженной пустыни. Эго не видел этого, он только слышал выстрел с «Клеопатры», который сказал ему, что там действительно кто-то был.

Бимон пошел вперед. Напряжение и чувство страха не исчезали. Он встряхнул Эго, приподнял и поставил его на ноги.

— Я посмотрю, что там, — сказал он Ройду.

— Там нечего смотреть, — ответил тот.

Эго вдруг пошел вперед, сильно наклонившись, как будто его тошнило, одной рукой держась за грудь. Бимон попытался удержать его, потому что было ясно, что Эго уже не сознает своих поступков.

— Эго, очнись! — крикнул Бимон.

— Пусти, мы убили человека...

Бимон схватил его поперек туловища и хотел силой увести на корабль, но парень тоже был силен. Они упали и покатались по траве. И тут Бимон посреди обожженной пустыни, которую сделали они, увидел что-то шевелящееся, продолговатое и кричащее. Он на мгновение выпустил Эго, и тот, воспользовавшись его замешательством, вскочил и бегом бросился к странному предмету.

— Ройд, что там? — спросил Бимон, поднимаясь.

Ройд как-то странно пожевал губами и произнес:

— Человек...

Бимон бросился за Эго.

На черной земле лежал человек в странной одежде. Он еще дышал, но было видно, что он кончается. Эго стал на колени, бросил бластер и разорвал рубашку на груди раненого.

— Откуда он? — сам у себя спросил Бимон. Черты лица человека показались ему странными.

— Возвращайтесь на корабль! — приказал Ройд.

На груди, под левым соском человека, чернело пятно, и под левую скрюченную руку стекала струйка крови.

— Он умер, — сказал Эго. — Кто бы они ни были, но умирают они людьми. Я убил человека, Бимон. Как это могло случиться?

— Это не ты. Выстрел был с корабля. Ты даже не поднимал бластера. Ты же упал и лежал к нему спиной.

— Я убил его. Я это знаю точно. — Он встал с колен, схватил бластер и расхлябанной походкой пошел к лесу.

— Бимон, задержи его! — крикнул Ройд.

Это слышал и Эго. Он повернулся спиной к лесу, поднял бластер на уровень груди и навел его на Бимона.

— Не подходи, слышишь. Я уже убил одного. Могу и второго.

— Что ты, Эго? — прошептал Бимон, делая несколько шагов в сторону. — Что ты?

Все так же пятясь, Эго дошел до леса и скрылся в зарослях. Тогда Бимон бросился за ним, забирая чуть левее.

Эго думал только об одном: он убил человека. И снова за его спиной встал страх. Душное, липкое состояние в который уже раз. Страх, что тот человек был не один. Не мог он быть один! Их много. Они не простят, ни за что не простят. Он поднял голову. Их шло человек пятьдесят, как на прогулке, с улыбками, звонким смехом.

«Почему у них нет оружия? — подумал он и усмехнулся. — Зачем им оружие? У них есть нечто более впечатляющее».

И тогда он упал на коричневую траву, царапая и вырывая ее пальцами и прошептал:

— Не могу. Не могу больше.

Бимон увидел, как упал Эго и как к нему подходили неизвестные. Их фигуры вдруг смазались и начали расплываться. Эго внезапно исчез, исчезли и люди. Бимона они не видели. Он постоял еще немного, подошел к тому месту, где исчез Эго, поднял бластер и сказал Ройду:

— Нас осталось трое... он не выдержал, — и пошел к кораблю, ни о чем не думая и машинально переставляя ноги.

...Эго вывалился на гранитный тротуар к ногам несколько не удивившихся прохожих. Он встал, попытался стряхнуть с себя пыль и грязь, потом махнул рукой, подошел к автомату с водой, крупными глотками выпил два стакана холодной приятной воды и вызвал авиетку. Через несколько секунд он уже летел над городом, задав авиетке маршрут к зданию Совета.

Возвращение из мира страха в этот привычный, светлый, веселый мир было настолько быстро и приятно, что он не удержался и всхлипнул.

В огромной приемной он попытался было сразу пройти к руководителю, но его не пустили.

— Я член экспедиции на Агриколь, — заявил он с вызовом. — Корабль «Клеопатра». Эго.

— Ну и что вы рветесь? — спросили его.

— Они уже там, я хотел немедленно рассказать об этом.

— За этим вы и вернулись?

— Нет, — замялся Эго. — Я просто не выдержал...

— Посмотрите на этих людей.

Эго оглянулся. В зале находилось человек двести.

Многие были не бриты, в рваной грязной одежде. Некоторые еще держали в руках бластеры.

— Они тоже не выдержали... Вы возвращаетесь со звезд как горох. Это появилось еще в восьмидесяти парсеках от Земли.

Эго понял, что его поразило в лицах людей. Стыд. Ему самому было невыносимо стыдно.

— Я могу еще раз... На этот раз я не...

— Хотят все! Вами занимается специальная комиссия.

Человек отошел, но Эго успел услышать:

— Они вернулись почти все...

Эго сел в конце живой человеческой очереди. Возвратившиеся, или, как их обычно называли, катапультировавшиеся со звезд, сидели молча, не пытаясь заговорить друг с другом. Одного за другим их вызывали по именам.

Эго попытался собраться с мыслями: во-первых, он — бессмертный — струсил, испугался смерти. Но ведь он же не может умереть! Во-вторых, он предал своих товарищей. В-третьих, он так и не узнал, что такое *это*. Тоже люди? В-четвертых, его уже никогда больше не пошлют к звездам.

3

Бимон шумно ввалился в рубку управления кораблем и с грохотом бросил на пол бластеры. Ройд словно и не заметил его. Он продолжал как ни в чем не бывало возиться возле анализаторов полей. Стис не выдержал и сказал:

— Он катапультировался на Землю...

— Не смей думать о нем плохо! — с вызовом сказал Бимон. — Еще неизвестно, что будем делать мы. Он, во всяком случае, хотел расправиться с *ними*.

— Ты с ума сошел... Никто и не думает о нем плохо.

— Он расскажет на Земле, что *это* уже появилось здесь, — продолжал Бимон. — Все-таки польза.

— Вот именно, — сказал Ройд, оторвавшись наконец от своих анализаторов. — Он выполнил первую часть программы. Теперь нам без особой нужды нет смысла возвращаться.

— Я и не думал возвращаться, — сказал Бимон.

— А я думал, — устало выдохнул Стис. — Подсознательно. Я знаю, что этого нельзя делать, а мысль: «На Землю, на Землю» — все равно возникает.

— Это плохо. Так нельзя, — сказал Ройд. — Тебе лучше это сделать сразу.

— Но ведь есть еще и вы. Без вас я не вернусь. Но один здесь я бы не остался ни за что.

— О чем ты говоришь?! — улыбнулся Бимон. — Последний шанс всегда у нас в кармане. Поговорим лучше о том, что здесь было. — Он сел в свое кресло и закинул ногу на ногу. Столько независимости и вызова было в его позе, что Ройд улыбнулся, а Стис сказал:

— Сейчас *оно*, кажется, отступило.

Оно, конечно, отступило, потому что все сейчас чувствовали себя свободнее.

— Так что же у нас есть? — спросил Бимон.

— Давайте соберемся с мыслями, — предложил Стис.

— Согласен. Хотя их не очень и много, — сказал Ройд. — Во-первых, это не является ни одним из известных полей материи. А предполагать, что существуют еще и неизвестные, я бы не осмелился.

— Но ведь не приснилось же это все нам? — слегка раздраженно сказал Бимон. — Ведь все это было!

— В том-то и дело, что было, — ответил Ройд. — Когда ты идешь по траве, изменения физических полей настолько незначительны, что не регистрируются аппа-

ратурой и не учитываются ни в одной из теорий. Когда ты стреляешь из бластера, аппаратура регистрирует всплеск. Когда корабль проходит трехмерное пространство, не надо никакой аппаратуры. Это заметно и без нее. Но как *она* может возникать и исчезать, не нарушив структуры пространства?

— Выстрел из кустов прошел сквозь силовой экран, — сказал Стис. — Этого не могло быть, потому что это был обыкновенный выстрел. А выстрел из бластера не может пробить силовой экран.

Бимон осторожно потрогал правую щеку.

— Она обожжена. Это видно, — сказал Ройд. — Нематериальный выстрел не может обжечь щеку. Но аппаратура ничего не зарегистрировала.

— А поле сознания? — спросил Бимон.

— Слишком много помех. Страх, охвативший нас, забил всю информацию, если она и была. Появись *они*, когда все спокойны, может быть, и удалось бы что-нибудь зарегистрировать.

— Можно попробовать, — предложил Бимон. — Будем ждать. Время у нас есть.

— Я думаю, все будет напрасно, — сказал Стис и кисло улыбнулся. — Сначала появляется страх, неосознанный, непонятный, а затем *они*.

— Похоже, что Стис прав, — кивнул головой Ройд.

— *Они* действуют на нас страхом, подготавливают нас к тому, что мы уже не можем сопротивляться, и лишь потом появляются.

— Но ведь мы еще сопротивляемся, — сказал Бимон.

— Мы отбили первую атаку, — глядя в глаза Бимону, проговорил Ройд, — но с потерями. Будет и вторая атака, и десятая.

— ...и потом некому будет сопротивляться, — закончил Стис.

По спинам людей пробежал холодок.

— «Миссисипи, река моих предков!» — громко запел Бимон. Потом замолчал и тихо сказал: — Это была любимая песня Эго.

Стис удивленно посмотрел на него, а Ройд понимающе закивал головой.

Стало чуть легче.

— Хотите кофе? — спросил Стис.

— И бутерброд с кислым сыром, — вместо ответа сказал Ройд.

Стис твердыми шагами вышел из рубки, только рука его сразу не могла найти ручку двери.

— Что с ним? — спросил Бимон.

— Он не хочет поддаться страху.

Стис вернулся с подносом и поставил его на столик возле двери, чтобы никто не видел, как он расплескал кофе. Он дал каждому по бутерброду и по чашке кофе. Несколько секунд они молча пили кофе, потом Бимон сказал:

— Так что же у нас есть?

И еще несколько секунд прошло в молчании.

— Мы не знаем, что это такое, — сказал Ройд. — Но кое-что, характеризующее *их*, у нас есть.

— Например? — спросил Бимон.

— Перед тем, как *им* появиться, нас охватывает страх. Все начинается со страха.

— Это доказано неопровержимо, — подтвердил Стис.

— Второе. *Они* могут принимать любой облик. От зверя до человека. Вольно или невольно мы убили одного индивидуума, который умер очень похожим на человека.

— И исчез, — вставил Бимон.

— Что ты хочешь сказать?

— Он не умер. Он тоже катапультировался, когда

его жизнь была в опасности. *Их* там было человек пять-десять. И *они* тоже исчезли. *Они* могут мгновенно перемещаться в пространстве в обе стороны.

— Хорошо, — согласился Ройд. — Предположим, что это *их* третье свойство.

— То, что *они* могут принимать вид людей, еще не говорит, что это их естественный вид, — сказал Стис. — Это делают специально для нас. *Они* знают, что мы не можем стрелять в людей.

— Пусть это будет в-четвертых, — кивнул головой Ройд. — Хотя это мне кажется наивным. В таком случае им лучше являться в виде детей.

— Ройд! — крикнул Стис. — Не подсказывай *им* этого!

— Ты думаешь...

— Я уверен, что *они* узнают наши слабые места от нас самих.

— Пусть это будет в-пятых.

Все с минуту помолчали, потом Бимон сказал:

— Помните, когда мы с Эго вышли из корабля, кто-то хохотал? Кто это мог быть? Эго молод и неопытен, но мы-то все знаем, что ни одно животное на Агриколь-4 не хохочет. Это известно из отчетов. Почему был смех? Кого из нас он мог испугать?

— А ты сам не испугался? — спросил Стис.

— Да, я вздрогнул. Это было неожиданно. Нервы напряжены. Я бы вздрогнул, наступив на сучок. Но страха не было.

— Эго мог испугаться, — сказал Ройд.

— Вы опять думаете о нем плохо, — недовольно сказал Бимон.

— Это так и было, — настойчиво повторил Ройд. — Эго испугался. Он самый молодой из нас.

— Может быть, мы зря взяли его в экспедицию? — спросил Бимон.

— Напротив, — ответил Ройд. — Я очень жалею, что его нет с нами. Он мог чувствовать тоньше и глубже нас.

— Но почему все-таки был смех? Кто-нибудь думал в это время о смехе? Может быть, Эго?

— У меня не было мыслей о смехе, — сказал Стис.

— И мне было не до смеха, — устало проговорил Ройд. — Постойте. Мне действительно было не до смеха, но я сказал: «Ты смеешься, Стис». И после этого раздался смех.

— Значит, это мы *им* подсказали, — заключил Стис. — Ну а кто подсказал *им* чудовище на опушке леса?

— У меня этого не было, — сказал Ройд.

— Я бы никогда не догадался, — улыбнулся Бимон. — Я думаю, в этом случае главным был Эго.

— Это правдоподобно, — согласился Ройд. — Но откуда мог быть выстрел? Почему там оказался человек? Снова Эго? Если это все было из-за Эго, то очень жаль, что его нет с нами... Все-таки почему там был человек?

— Действительно, почему? — сказал Стис. — Ведь его там не должно было быть.

Ройд и Бимон молча и недоуменно взглянули на Стиса.

— Ведь после залпа «Клеопатры» там не могло остаться ничего, кроме спекшейся земли.

— А ведь ты прав, — сказал Ройд.

— И еще, — подхватил Бимон. — У меня это совершенно выскочило из головы. Ведь у него была маленькая ранка под левым соском в груди. Значит, его убил не залп «Клеопатры». Но ни я, ни Эго в него не стреляли. Эго лежал, а я просто не успел... Меня что-то поразило в лице этого человека. Это было так молниеносно... Я не успел осознать.

— Можно включить аппаратуру видеозаписи и посмотреть все снова, — предложил Ройд.

Стис попытался улыбнуться. Чувствовалось, что он не хотел возвращаться к пережитому страху.

Ройд направился к пульту управления, и в это время затрезвонил зуммер. Это было так неожиданно и необъяснимо, как если бы на панели пульта внезапно распустился цветок.

4

Зуммер прозвучал несколько раз, а Ройд все не мог включить аппаратуру связи. Аппаратуру связи, потому что их кто-то вызывал. Сразу же разрушилась едва возникшая тонкая защитная стена, и в корабль вступило что-то неведомое и жуткое.

Ройд все же включил аппаратуру связи и облегченно рассмеялся, когда услышал доносящееся из динамиков:

— Говорит автоматический связной корабль АСК-12-12. Подтвердите прием. — И снова то же самое с интервалом в пять секунд.

— Это же автомат с Земли! — заволновался Стис.

— Да, — сказал Бимон. — Автомат с Земли долетает до этой планеты за месяц. Что же они хотят нам сообщить? Так просто автомат не пришлют.

— Подтверждаю прием, — раздельно произнес Ройд. — «Клеопатра» подтверждает прием.

Автомат начал читать текст сообщения:

— Комиссия по подготовке «Клеопатры» к полету сообщает, что в системе катапультирования произошла поломка и один из членов экипажа не является бесшумным. Он не может катапультироваться на Землю. — И снова: — Комиссия по подготовке...

Все трое словно были оглушены известием. Ведь они

и шли в полет, потому что знали, что в любое время, в любое мгновение могут вернуться на Землю. Они твердо знали, что не погибнут в космосе. В самое последнее мгновение, смертельно раненные или доведенные до безумия необъяснимым и непонятным или даже просто пожелав этого, они могли очутиться на Земле. В лучшей клинике, в своей квартире, в тихом лесу или на шумной улице, как это случилось с Эго.

Они, как и все люди, могли спокойно умереть в глубокой старости. Ведь люди не были бессмертными в полном смысле этого слова. Но в космосе с ними не могло произойти ничего. Система катапультирования надежно защищала их от всяких случайностей.

— Они там с ума посходили! — сдавленным голосом крикнул Стис.

— Какая нелепая ошибка, — прошептал Бимон.

«Хорошо, если это я, — подумал Ройд. — Они оба еще молоды». А вслух сказал:

— Автомату: информация принята. Разрешаю старт на Землю.

Автомат подтвердил прием, и связь оборвалась. Связной корабль стартовал на Землю.

— Почему они не прислали за нами спасательный корабль? — спросил Бимон. Лицо его побледнело. Сейчас он совсем не был похож на того храбреца, который шел впереди Эго. А непонятная волна страха уже заполняла сознание.

— Они пришлют, — тихо сказал Ройд. — Они обязательно пришлют. Корабль уже вылетел с Земли.

— Откуда это известно? — пытаюсь улыбнуться, недоверчиво спросил Бимон.

— Я уверен, что спасательный корабль вылетел, как только они узнали об ошибке в системе катапультирования. Но...

— ...но, — вставил Стис, — его придется ждать еще

два месяца. И это должно нас успокоить? Лучше бы мы не знали об этом. Тогда двое могли бы катапультироваться со спокойной совестью...

— А третий? — спросил Бимон.

— А третий погибнет все равно, — жестко ответил Стис. — Больше нескольких дней здесь не продержаться.

— Действительно, зачем им было нас предупреждать? — заметил Ройд.

— Им потребовалось два месяца, чтобы сообразить, что они сделали ошибку, — сказал Стис. — Не многовато ли? Кто теперь будет летать в Дальний Космос?

— Найдутся такие, которые все равно захотят, — сказал Бимон.

Эта фраза потребовалась ему, чтобы как-то сбросить с себя необъяснимый страх, чтобы хоть на мгновение почувствовать себя человеком. Он напряг всю свою волю, стараясь не думать о том, что ошибка произошла именно в его системе катапультирования. Ему удалось справиться с собой. Он понял это и усмехнулся. Почему «с самим собой»? С собой бы он справился легко. Как справиться с *этим*?

Стис поглядел на Бимона и Ройда. С Бимоном он был в экспедиции впервые. С Ройдом летал уже десять лет. Если бы знать, кто навеки останется на этой планете. Если он, Стис, то не стоит тянуть время, лучше распрощаться с жизнью немедленно.

А если кто-нибудь другой? И Стис принял решение.

Ройд надеялся, что именно его система катапультирования вышла из строя. Ведь должна же быть какая-то целесообразность в трагедиях и несчастных случаях. Только он должен был остаться здесь. Эти двое вернутся на Землю. Нужно сделать так, чтобы они явились не с пустыми руками. И Ройд принял решение.

«Только бы не потерять сознание», — подумал Би-

мон. В сознании он отсюда не уйдет. Или потому, что он выпал из системы катапультирования, или потому, что не сможет оставить здесь кого-то одного. И Бимон принял решение.

В главном их решения были одинаковы. Только Стис боялся осуществить свое, Бимон колебался, а Ройд был тверд и уверен, что сделает все так, как решил.

5

«Ситуация не из приятных, — подумал Ройд. — Если бы «Клеопатра» могла стартовать к Земле, я бы это сделал немедленно. Но после того как изобрели систему катапультирования, разведывательные корабли перемещаются только к звездам. Обратно экипажи возвращаются без кораблей... И мы не можем провести эксперимент, чтобы выяснить, кто из нас останется здесь. Значит, остается одно — продолжать работу».

— Предлагаю просмотреть видеозапись выхода Эго и Бимона из корабля, — сказал он.

— Надо хоть что-то делать. — Бимон подошел к пульту управления. — Это сообщение выбило нас из колеи... Я включаю запись.

Они увидели, как Эго и Бимон вышли из корабля, как Эго полосовал молниями своего бластера воздух, как на мгновение на краю поляны возник призрак огромного чудовища.

— Внимание! — сказал Бимон. — Сейчас будет самое непонятное.

Там, на экране, Эго упал на землю, с опушки леса раздался выстрел, Бимон схватился рукой за обожженную щеку. Залп с «Клеопатры».

— Увеличь изображение, — попросил Ройд.

Оплавленный, выжженный круг земли надвинулся на

людей. Почти в самом центре его лежал человек с бластером. Он был жив и даже не ранен.

— Но когда мы подбежали к нему, он был уже мертв! — громко крикнул Бимон.

— Подожди, — остановил его Ройд.

Человек вдруг дернулся, выронил бластер, немного изогнулся и замер. Через несколько секунд к нему подбежали Эго и Бимон.

— Прокрути назад, — попросил Ройд. — И покажи крупным планом лицо Эго, когда он лежит на Земле.

Бимон выполнил его просьбу. Лицо Эго было искажено страхом. Это длилось секунду, не более. Затем оно изменилось. Теперь на нем было мучительное раскаяние, словно Эго нечаянно совершил преступление.

— Теперь снова лицо Эго и того человека одновременно, — еще раз попросил Ройд.

Человек выронил бластер в тот момент, когда изменилось выражение лица Эго.

— Хотел бы я знать, что думал Эго в тот момент, — сказал Ройд.

— Я знаю, на кого похож убитый, — сказал Стис, до этого все время молчавший. — Он похож на самого Эго. Он точная копия Эго. Разве вы этого не заметили?

— Да, он похож на Эго, — прошептал Бимон. — Я вспомнил, что тогда меня поразило в его лице. Теперь я знаю точно. Он действительно был похож на Эго.

Они просмотрели запись до конца.

— И группа неизвестных исчезла вместе с Эго, — констатировал факт Ройд.

— А что, если они воспользовались волноводом, который образовала система катапультирования Эго? — спросил Стис.

— Волновод создается только для одного человека, — сказал Бимон. — Иначе бы они уже были на Земле.

— Жаль, что Эго нет с нами, — сказал Ройд. — Жаль. У него было очень развитое воображение.

— Он был молод и неопытен, — возразил Стис.

— Может быть, этого нам и не хватает?..

— А вы заметили, что вся эта чертовщина кончилась, как только Эго катапультировался? — спросил Стис.

— Ты имеешь в виду человека, выстрел, чудовище? Это не самое страшное. Я был бы рад очутиться на планете, где все кишит этими гадами. Там всегда знаешь, что надо делать. И с людьми можно договориться. Но ведь мы не знаем, с чем мы столкнулись на звездах! Практически исключено, чтобы этот человек, или кто он там еще, был точной копией Эго. Я уверен, что все это только ширма. — Бимон замолчал, а потом внезапно сказал: — Я еще раз выйду из корабля. Надо ведь осмотреть и базу.

— Ты пойдешь один? — недоверчиво спросил Стис.

— Один. Вам хватит работы и здесь. Я просто прогуляюсь. Следите за показаниями своих приборов.

— Хороша прогулка, — буркнул себе под нос Стис.

Бимон вышел из корабля, напевая старинные негритянские песни, расстегнув куртку и подставив грудь сухому, горячему ветру. Он был без бластера и даже коллап силового поля не прикрывал его сверху.

— А что, если именно у него... — начал Стис и не закончил.

Но Ройд понял его.

— Этого мы не узнаем, пока не вернемся на Землю. И все же полагаю, что не у него.

— У тебя?

Ройд едва заметно кивнул головой.

— А что если у меня? — спросил Стис. — Я все думаю, как это проверить здесь... Я все время об этом

думаю. Но почему они не указали, кто именно не является бессмертным?

— Много вопросов, Стис. Пока нет Бимона, попробуйся катапультироваться на Землю. Если не получится, если это все же ты, я обещаю, что не оставлю тебя здесь одного. Бимон не узнает ничего в любом случае.

— Я боюсь даже этого.

Ройд осторожно вынул из записывающей и регистрирующей аппаратуры катушки с кинофильмами и записями показаний приборов, аккуратно обернул их прозрачной тонкой пленкой и подошел к Стису.

— Нет, — ответил тот. — Я боюсь. Незнание раздражает мой мозг, но и вернуться на Землю я не могу. Во мне все застыло. Холод, холод. Плохо, Ройд.

— Ничего, дружище. Мы еще с тобой летаем.

— Я больше никогда не пойду в Дальний Космос, Ройд.

Стис навалился грудью на панель управления. Ройд хотел тронуть его за плечо, но передумал и вместо этого сунул в карман его куртки пакет с роликами лент.

Бимон шел по короткой сухой траве, хрустевшей под ногами. Он все время чувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Это присутствие недоброй силы и порождало страх. Бимон старался не поддаваться ему. Он начинал интуитивно чувствовать, что, пока он держится, пока его не захлестнула волна страха, с ним ничего не произойдет. Он старался идти свободным, легким шагом. В его походке была спокойная небрежность и даже какая-то лихость. И, только внимательно понаблюдав за ним, можно было догадаться, каким усилием воли он добивается этого.

Чем дальше уходил он от корабля, тем труднее становилось идти. В голове все сильнее билась одна

мысль: а если это я? Бимон не хотел умирать. Кому хочется умирать? И чем дальше он уходил от корабля, тем отчаяннее боролось его сознание с приступом страха, тем нерешительнее становился его шаг. Но он все же шел вперед.

База представляла собой стандартную термопластиковую конструкцию, надежную и герметичную. Бимон знал код замка, и двери перед ним широко распахнулись, когда он набрал его. Внутри станции было прохладно и тихо. Едва заметно жужжали установки кондиционирования воздуха. Светильники зажигались автоматически, когда он подходил к ним. Бимон быстро прошел холл, широкий зал с креслами, книжными стеллажами, небольшим баром и электронным органом. Дальше был коридор, и по обе стороны от него — жилые комнаты, в которых так никто никогда и не жил. В конце коридора находились лаборатории. Там располагались автоматы, исследующие планету, вычислительные машины и другое оборудование.

Бимон уже почти бежал. Только бы успеть взять ролики с записями автоматов, только бы успеть вернуться на корабль. Ему непреодолимо захотелось вернуться на корабль, хотя, он это отчетливо понимал, там было ничуть не безопаснее, чем здесь.

И вдруг он понял, что умер. Умер мучительно, с единственной мыслью, что умирает, с кошмарами агонии и звериным страхом перед неизбежной смертью. Если бы он мог проанализировать свое состояние, то сообразил бы, что нельзя умереть и после этого снова продолжать умирать.

— Стис! Я приказываю тебе вернуться на Землю! — крикнул Ройд. Он тоже боролся со смертью и страхом. Он, кажется, понимал, что это болезненное воображение

Стиса подсказало новую пытку. Оно не замедлило воспользоваться страхом Стиса и обрушить его стократ усиленным на всех троих. И еще Ройд понимал, что отчаянным усилием воли, кусочком своего сознания, продолжает держаться лишь он один.

— Стис, я приказываю тебе...

— Нет... нет...

— Стис!

— Это трусость... Страх...

— ...приказываю...

Страх вдруг придал Стису силы и затуманил сознание. Он знал сейчас только одно: нужно немедленно выяснить, кто из них останется здесь.

Он десять раз умирал, пока утвердился в своем решении. Десять раз умирали и Бимон, и Ройд.

— Ведь оставшемуся все равно смерть... Я отправлю вас на Землю. — Он прыжком бросился к Ройду. — Ты должен потерять сознание. И ты окажешься на Земле. Ройд, я должен тебя ударить.

— Приказываю... на Землю, — прошептал Ройд. — Твой страх убьет нас.

— Я должен ударить тебя.

Страх перед смертью и страх совершить предательство были сейчас в сознании Стиса. Он еще мгновение колебался, а потом изо всех сил ударил Ройда.

Ройд упал вместе с креслом, в котором сидел. И тогда Стис пришел в себя. Он опустил на колени перед стариком, ощупывая его голову и тело. Ройд, казалось, уже не дышал. Струйка крови выползла у него из рта.

— Так значит это он. Он останется здесь.

Бимон, пошатываясь, поднялся с пола лаборатории.

— Ройд, — тихо позвал он.

Никто не ответил.

— Ройд! Стис! — громко, насколько мог, позвал Бимон.

Стис расхохотался:

— Бимон, ты слышишь меня? Это был все-таки он! Он! Он!

Ройд пошевелился на полу, и Стис со страхом посмотрел на старика. Тот выбрался из кресла и молча с трудом подошел к валявшемуся на полу бластеру. Взял его и двинулся к Стису.

— Что ты хочешь делать, Ройд? Почему ты взял бластер? Почему ты идешь на меня?

— Стис, я приказываю тебе вернуться на Землю. Здесь ты больше не помощник.

— Ты гонишь меня как труса. Но ведь я только хотел проверить. Я только хотел проверить...

— Ролики в кармане твоей куртки. Здесь ты не нужен.

Стис обмяк, мешком скользнул на пол, пополз к Ройду и прошептал:

— Я больше не могу. Прости... Не могу.

...Он вывалился из четырехмерного пространства в психиатрической лечебнице, прошептал: «Это был Ройд» и потерял сознание.

6

Ройд выронил бластер, и тот с тупым звуком упал на пол. Старик поставил на ножки кресло, опустился в него.

— Стис, Ройд, — позвал Бимон.

— Я здесь, мой мальчик, — ответил старик. — Ничего не бойся. У нас все нормально

— Что там у вас произошло?

— Я отправил Стиса на Землю. Так было нужно. Он ушел не с пустыми руками. Все в порядке. Возвращайся на корабль. У нас еще много работы.

У Бимона гудело в голове, и неприятная слабость заполнила все тело. Но страх прошел. Он уже больше не умирал.

Бимон вытащил ролики из записывающей аппаратуры, растолкал их по карманам и неровным шагом вышел из помещения базы.

Ройд полулежал в кресле и, казалось, спал. Но когда Бимон подошел к нему, он открыл глаза и тихо сказал:

— Мы пережили детские страхи Эго и страх перед смертью Стиса. Что нам осталось еще?

— Сейчас я не боюсь ничего.

— Продолжай таким и оставаться. А я боюсь. Боюсь за тебя и за... — он хотел сказать «за Землю», но промолчал. — Я устал. Помоги мне добраться до постели.

— Он ударил тебя! — крикнул Бимон. — Как у него поднялась рука!

— Стис экспериментировал, сынок. Он очень хотел оправдать себя. Несколько секунд я был без сознания. И все-таки остался здесь. Это значит...

— Это значит, что ты не можешь вернуться на Землю! Так вот какие эксперименты проводил Стис!

— Помоги мне добраться до кровати. Одному мне не дойти.

Бимон уложил Ройда в постель, и тот затих в каком-то полусне. Иногда он открывал глаза, смотрел невидящим взглядом сквозь Бимона и не произносил ни слова.

Бимон около часа просидел рядом с кроватью Ройда, потом вышел из комнаты и направился в отсек управления, чтобы посмотреть ролики, которые принес

с собой. Он успел просмотреть видеозаписи, сделанные автоматами с воздуха. Работа продвигалась быстро, и он даже успевал следить за показаниями анализаторов полей. Все было спокойно. Появись *оно* сейчас, анализатор поля сознания наверняка бы засек его.

Бимон так увлекся работой, что первый приступ страха просто удивил его. Он бросился к анализатору, но было уже поздно. Поле сознания было искривлено его страхом.

Он не боялся за свою жизнь. Она теперь была в безопасности. Он был в этом твердо уверен. Страх был за кого-то другого. И не его собственный, а навязанный извне. Чужой страх. Но ведь их здесь было всего двое. Он и Ройд. Если Ройд спит, то страх можно было рассматривать поданным в чистом виде. Страх, которым мучило его *оно*. Близость к разгадке немного приободрила его. Да и страх был какой-то неясный. Страх вообще, не за себя. Это Бимон мог утверждать наверняка.

Стараясь держать свою волю собранной, он вернулся к Ройду. И пока он шел к старику, страх принял более конкретное содержание. Теперь Бимон боялся, что *оно* добралось до Земли. Теперь он видел, что делается на Земле. Всеобщее безумие и слабые попытки группы людей как-то справиться с *ними*. К чувству страха примешалось сознание собственной вины. Вины, потому что он так и не узнал, что представляет собой *оно*. И теперь уже было поздно. Земля гибла.

Бимон рывком открыл дверь комнаты Ройда. Тот метался в постели. Бимон трясущимися руками смочил тряпку холодной водой из стакана и положил ее старику на вспотевший лоб, а потом попытался разбудить его. Наконец это ему удалось. Ройд проснулся. Лишь секунду он не понимал, что происходит вокруг него. Потом взгляд его стал осмысленным, и он попытался приподняться. Бимон помог ему. Страх внезапно прошел.

— Бимон, *они* были?

— Да.

— Как это было? В чем проявилось?

— Страх за Землю. Страх, что они уже там.

— Я бредил?

— Ты метался в постели.

— Это был мой страх. Я бредил этим страхом. Но пока я бодрствую, я буду держать себя в руках. Положи мне подушку под голову. Повыше.

Бимон исполнил просьбу. Ройд тихо улыбнулся и сказал:

— Мне долго не протянуть. Когда меня не станет, ты немедленно катапультируешься на Землю.

Бимон отрицательно покачал головой.

— В твоём присутствии здесь не будет смысла. Ты должен будешь вернуться на Землю и рассказать все... Помнишь первые минуты, когда мы только прибыли сюда? Страх тогда не проявлялся конкретно. Нас просто окружало что-то враждебное, неприятное, липкое. Мы все время ждали враждебных действий. Мы были готовы поддаться страху. Первым не выдержал Эго. И мы увидели его «материализованные» страхи. Они были первыми, поэтому казались предельно невыносимыми. Потом не выдержал Стис. Не осуждай его строго. Стис был железный человек. Мы летаем с ним десять лет. И начали тогда, когда о катапультировании на Землю никто из космолетчиков и не мечтал. И снова его страх передался нам. Почему? Пытка страхом наиболее ужасна, потому что она сразу же лишает человека воли. Теперь нас только двое. И снова мой ужас, мой страх передался тебе... Но ведь сейчас мы ничего подобного не чувствуем...

Бимон согласился.

— Почему мы сейчас с тобой ничего не боимся? Потому что я не боюсь смерти? Хохота? Выстрела из бла-

стера? Прыжка дикого зверя? Мне нечего бояться. И теперь *оно* надо мной не властно. А ты?

— Я спокоен. Меня сейчас интересуют только две вещи: твое здоровье и суть того, что мы называем *оно*.

— Моему здоровью ни ты, ни я помочь не сможем. Я слишком стар. А у Стиса слишком крепкие кулаки. И потом... я очень устал. Устал вообще, устал от всего, устал от жизни... Нет. Давай говорить только о *нем*.

— Согласен.

— *Оно* действует на нас только страхом. Страхом, повод к которому мы ему сами же и выдаем на тарелочке. Стоит испугаться одному, как все оказываются под гнетом тех же страхов. Я бы назвал это усилением страха. Ведь ничто, кроме того, что мы сами придумали, нас не мучило! Даже тот убитый человек.

— Да. Эго сказал, что он убил человека. Это ему показалось. Ведь он даже не стрелял.

— Но он испугался того, что убил человека. А *оно* предъявило нам доказательства этого.

— Это не доказательства.

— Пожалуй, ты прав. Мы-то знаем, что этого не могло быть. Но для Эго с его страхами это было неопровержимым доказательством. И он не выдержал. Так происходит везде. *Они* усиливают наши страхи. Но что *они* такое? Неизвестное поле или чуждое нашему сознание? Сознание, у которого есть только один метод борьбы?

— Ройд, когда-нибудь раньше случалось такое?

— Нет, я не слышал. Не знаю. В экспедициях всегда кто-нибудь оказывается слабее других. Но его поддерживают остальные. Те, кто оказался сильнее. И он постепенно мухает. Сейчас же все наоборот. И началось это пять лет назад.

— Хорошо, что не раньше. Раньше не было катапультирования на Землю. Что бы делали экипажи экс-

педиций, не имей они сейчас возможности в любое время вернуться на Землю? Все бы поспоходили с ума.

— Да. Хорошо, что есть катапультирование.

Ройд закрыл глаза. Было видно, что этот разговор отнял у него все силы.

— Мне плохо, Бимон. Я приношу теперь только вред. Бластер, Бимон, или укол. Я не...

Он не договорил, потеряв сознание.

Ройд снова бредил страхами за Землю. Его видения передавались Бимону с такой отчетливостью, словно происходили наяву. Исчезли стены корабля. Исчезла Агриколь-4. Только горячая рука Ройда удерживала его на грани помешательства.

Он не знал, сколько времени это продолжалось.

Внезапно Ройд очнулся. Слабеющей рукой прикоснулся он к щеке Бимона.

— Бимон, *оно* в нас. Я не могу больше.

Рука Бимона повисла в воздухе. Ройда рядом с ним не было. Сначала Бимон ничего не понял. Потом восхитился: вот это старик! Даже в бреде он удерживал себя от желания очутиться на Земле. Даже когда он был без сознания. И только когда он убедился, что не может катапультироваться на Землю, боль и случайная фраза, совпавшая с его желанием, перенесли старика на Землю.

Ройд выпал из четырехмерного пространства на операционный стол.

— Инструменты, — сказал хирург. — У него раздроблена височная кость.

Бимон невольно восхитился выдержкой и силой воли старика. А в следующее мгновение до него дошло, что это его система катапультирования вышла из строя и что он остался один на один с *ними*.

Сначала его охватил ужас, но он сумел овладеть собой. Нельзя поддаваться страху. Страх будет все усиливаться и усиливаться. Нужно держать себя в руках. И ему удалось остановиться. Страхи, правда, теснили его со всех сторон, но он не поддавался им. Он запел песню. Любимую песню Эго. Он выпрямился. Он даже усмехнулся. И страх стал проходить. Тогда он вышел из комнаты Ройда, вышел из корабля. Он не взял с собой бластера. Его не прикрывал колпак силового поля.

Солнце вставало над планетой. Краешек его уже показался из-за горизонта.

Постепенно страхи Бимона исчезли окончательно. Он шел к восходу, пока солнце не поднялось настолько, что стало жарко. Тогда он снял рубашку и повернул назад. Он вернулся на корабль и начал работать. Спасатели с Земли все равно придут. Надо только выдержать два месяца. Почему выдержать? Ведь сейчас ему было легко и радостно. И пережитые страхи теперь только смешили его.

Он сварил себе кофе и приготовил обед. А после обеда начал изучать материалы, которые накопили автоматы-исследователи. Вечером он вышел погулять и в лесу обнаружил странные, непохожие на земные цветы и нарвал целый букет.

После ужина он просмотрел ролики-дубли, на которых было заснято и записано все, что произошло с ним на Агриколе-4.

И на следующее утро у него было прекрасное настроение, и даже нудный шестичасовой дождь не испортил его.

Но что бы он ни делал, его мысли возвращались к одному: что же это такое было? В чем смысл этого?

И постепенно мысли его складывались в гипотезу, постепенно возникала уверенность, что он разгадал тайну *этого*.

Ему помогли и ролики-дубли, и память, воскрешавшая в мельчайших подробностях все его мысли, чувства и поступки. И отчеты предыдущих экспедиций, и рассказы, слышанные им когда-то. И слова Ройда.

Он перевернул многое и сделал первое открытие. *Это* появилось в областях, контролируемых Землей, одновременно с введением системы катапультирования. И произошло это сначала в одном-единственном месте. Что там произошло конкретно, он не знал, да это было и неважно. И пока об этом событии не узнали другие экспедиции, *это* никого не тревожило. А потом началась лавина.

Экспедиция, находившаяся на переднем крае фронта Дальнего Космоса, не выдерживала. Она узнавала, что появилось *это*. Но никто не знал, что именно. И случайный страх одного из членов экспедиции, усиленный во много раз, передавался другим. Возникали новые страхи, снова усиливались и передавались на Землю. И тогда наступала очередь тех, кто был ближе к Земле. Теперь они оставались один на один с неизвестным. И новые экспедиции сыпались на Землю. И создавалось впечатление, что что-то неумолимое и враждебное стягивает узел вокруг Земли.

Второе открытие он взял у Ройда. *Это* являлось усилителем страха. Усиление страха было единственным признаком *этого*. Не существовало ничего, что являлось причиной страха. Вернее, существовало лишь в воображении перепуганных насмерть людей. Бимон тщательно изучил ролики. В них были и Эго, и Стис, и Ройд, и сам Бимон, и выстрел с «Клеопатры». Но теперь в роликах не было хохота, не было мерзкого гада на краю поляны, не было выстрела из бластера, не бы-

ло человека, лежащего со смертельной раной под левым соском. Все это исчезло вместе с исчезновением страха.

«Они в нас», — сказал Ройд.

Третье открытие заключалось в том, что поводом для атак *этого* всегда являлся страх самого человека.

Четвертое открытие касалось причины явления. Бимон пришел к выводу, что усилителем страха являлась система катапультирования. Оно появилось одновременно с введением систем катапультирования. Да разве он сам с его страхами не доказательство этого? Пока здесь были другие люди, их усиленные страхи передавались ему. И с ними невозможно было справиться, пока человек, излучавший страх, не катапультировался на Землю. А когда он, Бимон, остался один, никаких страхов не стало. Так и должно было быть. Ведь он не включен в систему катапультирования. Он такой же человек, как и миллиарды других на Земле, как и космолетчики прошлых десятилетий.

Бимон понимал, что с его системой катапультирования произошла нелепая ошибка. Но какая ошибка! Ведь именно она поможет человечеству справиться с *этим*. Ну что ж. Возможно, придется отказаться от системы катапультирования. И космолетчики будут осваивать Дальний Космос как и прежде. Будут жертвы. Наверняка будут. Но зато не остановится движение вперед.

И он сам снова уйдет в Дальний Космос.

Система катапультирования. На одной ее стороне — полная безопасность. На другой — страх. Так они и будут вечно соседствовать друг с другом.

Он провел на Агриколе-4 неделю.

А на восьмой день рядом с «Клеопатрой» опустился еще один корабль. И из него вышли люди.

— *Этого больше нет!* — крикнул Бимон и рассказал им все.

— Похоже, что наш эксперимент был правильным, — сказал один из вновь прибывших.

— Так, значит, неполадка в моей системе катапультирования была запланирована?! — закричал Бимон. Но закричал без гнева, просто от удивления.

— Да, неполадка была запланирована. Иначе бы мы не прилетели так быстро. Ведь автомат ушел только через два месяца после вашего отлета. А мы — через неделю.

— Я хочу на Землю. Я хочу видеть Сибиллу. Я хочу видеть всех!

— И своего сына?

— Сына? У меня родился сын?! Ни минуты больше на этой планете! Немедленно старт! Три месяца... Я не выдержу такого длинного перелета. Я надеюсь, ваш корабль предназначен для обратных перелетов?

Командир корабля с улыбкой покачал головой:

— Нет, не предназначен.

— Мы вернемся на Землю мгновенно, — сказал другой.

— Вы... А я? Ведь я не могу катапультироваться.

— Отчего же? Хоть сейчас.

— Разве систему катапультирования можно восстановить?

— Нет.

— Тогда...

— Она у тебя с самого начала была в полном порядке.

— И я мог в любое время вернуться на Землю?

— Конечно.

— Значит, моя теория не верна?

— Напротив. Верна более чем на сто процентов.

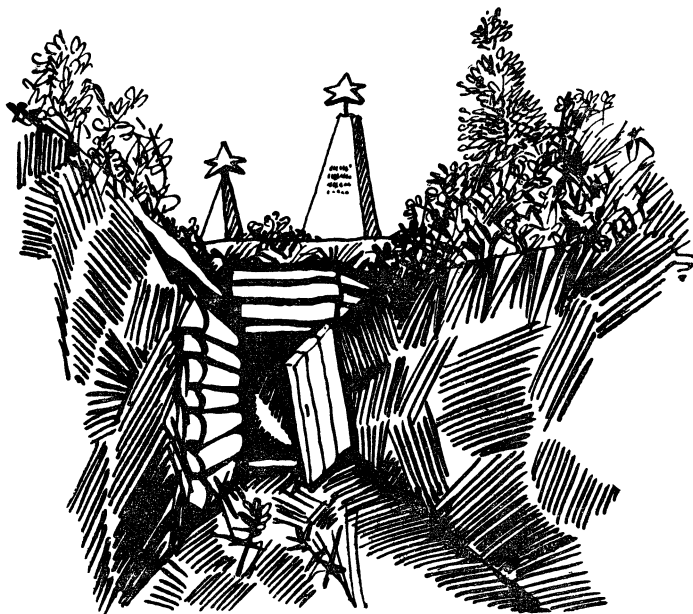
Система катапультирования действительно усиливает человеческие страхи.

— Но у меня же их не было.

— И это самое главное. Ты сумел побороть страх, усиленный в сотни раз, материализованный страх. Теперь это сумеют сделать и другие. И все экипажи будут возвращаться из Дальнего Космоса.

— Прекрасно! — крикнул Бимон. — Хочу на Землю!

...— Здравствуй, Сибилла!

— Микола! — крикнул Андрюха. — Посмотри, что там на дворе!

Никто не ответил. Андрюха сердито заерзал на печи, скинув с себя изодранный полушубок, свесил голову вниз. Темнота, ничего не различишь. Тихо, только едва слышное посапывание на полу.

— Микола! — снова крикнул Андрюха. — Проснись! Чтоб тебя!

— А!.. Что?.. — Микола взмахнул рукой, ударился о березовый чурбан, сморщился, сел прямо на полу, растирая кисть руки, буркнул: — Опять этот полушубок...

— Ты бы сходил посмотрел, что там на дворе? А?

— И смотреть тут нечего, все и так понятно.

— Все-таки... Может, березка подросла?

— Черта с два она подросла. Сидим здесь уже третий день.

— Все-таки...

— Ладно, схожу.

Микола поднялся с пола, в темноте нашарил руками лапти, надел их прямо на босу ногу и, как был в одних портках и без рубахи, шагнул через порог. Еле слышно сработала блокировка. Это чтобы ничего не случилось, пока Миколы нет в избенке.

Уже заметно светало. Все небо заволокло тучами. Моросил мелкий дождь. Листвы на деревьях уже почти не было. Микола погладил ствол тоненькой березки, что стояла около полуразвалившегося крыльца. Какая была, такая и осталась. Ничего не изменилось. Подставив руки под струю воды, стекающую из деревянного желоба с крыши, Микола умылся, подставил грудь, спину. Холодно, а хорошо. Взбадривает.

Андрюха уже слез с печи и теперь пытался найти огрызок свечи, кремень и трут. За этим занятием и застал его Микола.

— Светает уже. Побереги.

— Ну что там? — спросил Андрюха. Он еще надеялся. Чуть-чуть, совсем немного, но надеялся.

— Засели мы. Вот и все, — спокойно ответил Микола.

— Так. Приключеньице.

— Сходи умойся. Харч надо добывать.

Пока Андрияха хлюпался на крыльце, Микола оделся, навернул портянки, завязал лапти, сел на чурбан.

Андрияха оделся тоже, спросил:

— Возьмем сегодня чего-нибудь?

Микола покачал головой:

— Бластер бы, а с этим оружием... сдохнем с голоду. Зима скоро.

— С бластером мы были бы уже не здесь. Однако надо идти. Сидеть тоже толку мало.

— Пойдем вдвоем. Веселее.

— А если здесь что произойдет?

— Ненадолго же.

Микола взял в руки рогатину, подбросил ее в руке. Ну и оружие! Вот жили люди! И Андрияха взял в руки рогатину, здоровую, на медведя разве что. Но с медведем лучше не встречаться. Они надели сверху старенькие, изношенные полушубки, лохматые треухи и вышли в нудный, противный дождь.

Рядом с покосившейся избой начинался лес, непролазный, нетронутый. Ни тропинки, ни просеки.

— Куда пойдем? — спросил Андрияха. — Хорошо бы по компасу.

— Ха! По компасу, — усмехнулся Микола. — Компас того, может и будет когда.

— Прямо, что ли, пойдем?

— Пойдем прямо, — согласился Микола.

С деревьев на них сразу же хлынули потоки воды. Идти было трудно. А тут еще рогатины мешали. Как с этим оружием можно добыть зверя, они понятия не имели. Но что-то нужно было делать.

За полчаса они продвинулись метров на пятьсот. Устали, промокли и оказались на берегу реки, на небольшом обрывчике. Внизу, у лодки, стоял мужик, разбирая латанные сетки, и что-то бормотал под нос. На днище

лодки поблескивала рыба. Андрюха не сдержался и начал глотать слюну. Очень уж хотелось есть. Микола переступил с ноги на ногу, чавкая грязью. Мужик оглянулся. Сначала испуганно, потом злобно зыркнул на них глазом, схватил топор и бросился наверх, хрипло выкрикивая:

— Порешу! Антихристы! Порешу!

Андрюха бросился было бежать, но остановился. Мужик никак не мог взобраться наверх, а может быть, просто не хотел. Пугал только.

— Давай руку, — сказал Микола и нагнулся.

— Тебе чего? — сердито спросил мужик.

— Мне ничего. Живем мы тут.

— Никто тут не живет. Зверье разве одно.

— А мы вот живем. Рыбы продай, — сказал Микола, но спохватился, что покупать-то не на что. — Меняться давай.

— А что сами-то?

— Да у нас и снасти нет никакой.

— Бегете, значит?

— Бегем. А скорее догоняем. Да догнать никак не можем.

— У вас и выменять-то нечего. Разве что треух.

— Согласен на треух. Треух не сжуешь.

— Давай шапку-то. Стойте тут. Я принесу.

— Возьми мою! — крикнул Андрюха. Ему было неудобно, что он трухнул сначала. Хотя чем-то загладить свою вину. — Держи. — И он кинул мужику свой треух.

Мужик осмотрел его и, кажется, остался доволен. Он спустился к реке, набрал в низкую, как решето, корзину рыбы, с сожалением посмотрел на нее, вздохнул и, подойдя к Миколу, вывалил ее прямо на мокрую землю.

— Может, на вас кто и наткнется, — сказал он как будто невзначай.

— Это кто же? — спросил Микола.

— Может, стрельцы, может, еще кто.

— Стрельцы? — закричал Андрюха и совсем осмелел. — Какой же сейчас год?

Мужик посмотрел на него, не понимая.

— Ну время, время какое?

— Эх, лихое время, — вздохнул мужик. — Вы, однако, поспешайте.

— Царь-то у вас хоть какой? — крикнул Андрюха, потому что мужик уже спустился к лодке и отвязывал ее.

— А-а, — махнул он рукой. — Что один, что другой. — Он толкнул лодку и поплыл, загребая веслом чуть вверх против течения.

— Вот и вся информация, — печально вздохнул Андрюха.

— Собирай рыбу. Пошли. Рассвело совсем. Покопаемся еще в аппаратуре. Выбираться все равно надо.

Печь в избе была русская. Хорошо, что хоть не по-черному топилась. Они развели огонь. Андрюха принялся чистить рыбу. Микола поплевал на бычий пузырь, протер его, потом вытащил совсем, но в избе стало не-намого светлее.

Микола в который уже раз осмотрел избу. Потрогал и печь, и лавки, и стол, и чурбан.

— Не разобраться в этом. Ведь все рассчитано на абсолютную надежность. Попробуй пойми, где тут аккумуляторы, где реверины? Из-за чего мог перекрыться волновод времени?

— Все дело в аккумуляторах.

— Тогда наше дело швах.

— Наоборот. Без нагрузки восстановят немного ем-

кость, тогда продвинемся вперед лет на сто. — Андрюха явно храбрился.

— А ты сообразил, в каком мы сейчас веке?

— Где-то в тринадцатом-семнадцатом...

— Не позже, чем конец семнадцатого, раз здесь стрелы рыскают.

— Да, далеко нам до своих.

Они были из двухтысячного года.

Всего две недели назад они заняли места за пультом управления трансформатора времени. Это была совершенно новая машина. Новизна ее заключалась в том, что в любом времени, в каком бы она ни оказалась, она принимала внешний вид, соответствующий данному времени и месту.

Вот очутились они в шестнадцатом веке — и сразу машина стала походить на избу. И их изящные комбинезоны стали похожи на рваные портки и старые полушубки.

И так должно было происходить в любом времени.

И вот какая-то нелепая случайность остановила их в шестнадцатом веке. Случись что-нибудь другое, было бы понятно. Крыша бы вдруг стала похожей на церковную, или бы они в своей избе вдруг оказались во фраках и цилиндрах. Они бы знали в таком случае, что вышло из строя. Но ведь случилось самое непредвиденное — что-то вышло из строя в самой ходовой части. Остановилась машина времени. Ни взад ни вперед.

И разбирайся теперь. Если даже аккумуляторы полетели. Вот они — ряд обыкновенных березовых чурбачков. Хоть расколи их, хоть потряси, хоть переверни на сто восемьдесят градусов. Нет, теперь только ждать. А тут и есть-то нечего. Хорошо, что хоть рыбы выменяли.

Андрюха аккуратно чистил рыбу. Микола вышел из избы, нарубил здоровенным топором дров, приволок их, начал растоплять печь. Скоро внутри избы стало тепло. Вместе с теплом и настроение людей немного улучшилось.

Где-то в лесу вдруг гроыхнуло. Сначала они не обратили на это внимания. Ну гроыхнуло и гроыхнуло. Эка важность. Потом грохот повторился.

— Гром, что ли? — спросил Андрюха.

— Гром? Осенью гром? Откуда сейчас гром? Стреляет кто-то.

— Стреляет? Из чего тут можно стрелять? Подумай!

— А ведь верно, — спохватился Микола. — Если стреляют, значит стрельцы, больше некому.

— А если на нас набредут? Что будем делать?

— Рыбу есть будем. Спокойно так будем есть. Ты смотри, чтоб не подгорела.

— На воде-то подгорит. Даже соли нету. Ну а все же, если они на нас набредут? Что тогда?

— По инструкции... сматываться надо, если предполагаются враждебные действия. Особенно если нас еще не заметили.

— Деваться нам некуда. Хорошо, если не заметят. Тропинки-то ведь к дому нет.

— Нет. А если все-таки набредут, начнут гадать, почему тропинки нет, а дом стоит.

— А! Будь что будет. Готова рыба?

Андрюха вытащил из печи огромную сковороду, потрогал ножом рыбу.

— Кажись, готова...

— Тогда давай есть. Живот подтянуло.

Только они начали есть, как где-то вдали раздался крик. Словно звали кого-то. И сразу же гроыхнуло, да не так уж и далеко.

— Вот что, — сказал Микола. — Ты тут в случае

чего дверь подопри рогатиной. А я пойду посмотрю, что там.

— Один? С чем пойдешь?

— Нож возьму. Дай нож.

Микола, как был без полушубка, прыгнул с крыльца и исчез в кустах, только капли воды с них брызнули во все стороны. Андрюха поставил к дверям обе рога-тины, потрогал их. Крепкие жердины!

Микола осторожно пробирался вперед, перелезая через поваленные стволы, по возможности прячась за деревьями и кустами. Он вымок уже весь, но не замечал этого. Минут через десять он добрался до небольшого овражка и залег на его краю, напряженно всматриваясь в кусты.

— Лю-ю-ю-ди! — услышал он вдруг.

И в это же время на другом краю овражка появился мужик. Он был весь в грязи, а за плечами тащил рогож-ный мешок. А где-то за ним уже слышался треск сучьев. Микола чуть приподнялся и махнул рукой заросшему ры-жей щетиной мужику. Тот увидел его, что-то пробормо-тал сквозь зубы, скатился вниз прямо по мокрой, скольз-кой глине и начал карабкаться наверх, хватаясь свобод-ной рукой за корни деревьев и мелкие кустики.

— За тобой, что ли? — спросил Микола, кивнув в сторону, откуда уже раздавались хорошо различимые крики.

— А то за кем же, — хрипло ответил мужик.

— Брось мешок-то. Упреешь.

— Ишь ты, — огрызнулся тот и вылез из оврага.

— Гонятся-то зачем?

— Догонят — разбираться не будут. Бегляков тут много. Ловят и на березу. А сам-то кто будешь?

Не отвечая, Микола бросился в чащу, откуда только что выбрался. Метров через сто оглянулся и сказал:

— Беги за мной. Тут изба есть.

— Изба, — обрадовался мужик. — Один ты или двое?

— Двое. Да брось ты свой мешок. Золото, что ли, тащишь?

— Может, что подороже золота, — сказал мужик и не бросил.

Так и тащился с ним, иногда падая на четвереньки, чертыхаясь и часто оглядываясь.

В избу они ввалились, оба грязные как черти. Мужик сразу бросился под грубо сколоченный стол и что-то высыпал из мешка.

— Ну вот, — сказал он. — Теперича пусть догонят, если смогут.

— А много их? — спросил Микола.

— Да поболее двух десятков. Кругом идут. Какие пешие, какие на конях.

— А коли наткнутся на нас? — забеспокоился Андрюха. — Всех ведь заберут. Драться с ними разве? Так трое нас только.

— Али спужался, — засмеялся мужик. — Что-то у вас тут стрекочет, будто сверчок?

Андрюха и Микола настороженно прислушались.

— Так ведь это!.. — крикнул Андрюха. — Заработала, милая. Теперь поедем. — И вдруг осекся. — Куда поедем? Блокировка срабатывает. Пока нас трое, с места не сдвинемся.

Микола надвинулся на него, брови сердито свел.

— Может, выкинуть его? И стрельцы зря мучиться не будут.

— Не знаю. Времени-то подумать нет. Пропадем.

— Закрой дверь! — крикнул ему Микола. — Подопри рогастиной.

— Все одно подожгут.

— Не так-то сразу. Сырость вокруг.

Микола подошел к печи и с ожесточением дернул на

себя выюшку. Так сейчас должна была пускаться в ход машина.

И вдруг за окном и в избе потемнело, тошнота подкатила к горлу, все стало каким-то нереальным. И хоть ничего в избе и не было видно, они чувствовали, как все вокруг меняется, все становится другим.

— Продвигаемся ведь, — застонал от радости Андрюха. — Вырвались.

— Как же это? — удивленно произнес Микола. — А блокировка?

— А блокировку я выключил, — раздался голос мужика. — Еще когда бежал к вам. Дистанционно. Чтобы не возиться тут. Значит, трухнули маленько?

— Подожди-ка. Кто это? Темнота, черт возьми! Голос-то знакомый. Алексей, ты?

— Я самый.

— Откуда ты?

— Аккумуляторы пусковые вам, чертям, принес.

— Вот это да! — ахнул Андрюха.

— Значит, все-таки искали? — спросил Микола.

— Искали... Да там в институте такой переполох! Все машины срочно вызвали, чтобы вас искать. Едва нашли. На обычных машинах пробивались. Меня оставили здесь с этим мешком, а сами назад, чтобы никто не видел. Я примерно знал, куда надо было идти, да на стрельцов наткнулся. Заметили они меня... Хорошо, что Николай встретил. Я его сначала и не узнал. Что, думаю, за образина из кустов выглядывает?

В избе все еще было темно, хоть глаз выколи. Может быть, это была уже вовсе и не изба?

— Ты и сам, Алексей, выглядел больно по-здешнему. Даже когда в избу тебя завел, и то не догадался, что это ты.

— Почему так долго нас искали? — спросил Алексей.

— Почему? Но ведь чем дальше во времени, тем

больше разброс выхода машин времени в пространстве. Вот и оказались километров за полста. А аэрофото-съемкой здесь не займешься, да она мало бы что и дала. Так бы и сидели тут!

— Николай уже хотел с рогатиной на медведя идти, — чуть с иронией заметил Андрей.

— А что? — ответил тот. — И пошел бы... Как там Антон Павлович? Начальство как ко всему этому отнеслось?

— Я уже говорил, что все машины вызвали. Все вас искали. Начальство, конечно, трухнуло немного. А Антон Павлович держался молодцом. «Не верю, — говорит, — чтобы они что-нибудь не придумали сами».

— Ну ладно, — сказал Николай. — Сейчас явлюсь в свое время, сразу же под душ, потом покувыркаюсь на глайдере с часок, а там можно будет и за отчет сесть.

— Как там Ирина? — спросил Андрей.

— Ах да, — спохватился Алексей. — Ничего. Привет передавала. Волнуется, конечно. Но она всего не знает. Волновалась бы больше. Приедем, расскажешь сам.

— Уж он-то расскажет, — неопределенно протянул Николай.

Вдруг стало светлее. На столе стояла коптилка. И знакомый вибрирующий звук прекратился.

— Что за черт! — выругался Николай. — Опять остановка?

— Этого еще не хватало, — испугался Андрей.

— Дайте сюда свет, — попросил Алексей и полез под стол.

Николай посветил ему. Под столом стоял деревянный ящик с какими-то допотопными аккумуляторами. Алексей проверил их соединения.

— С реверинами что-нибудь, — предположил он. — Проверить надо.

— Пойдите, а где мы сейчас? — спросил Андрей. Они огляделись. На всех троих были изрядно поношенные гимнастерки, сапоги. Вдоль стены шли нары. Посредине стоял стол. На нем коптилка, котелки, ложки, ножи. На гвоздях, вбитых в стену, висели три шинели. Николай был в пилотке. Дверь подпирали два автомата.

— Братцы! — заорал Андрей. — Да ведь это же... двадцатый век! На дворе двадцатый век!

— Ура! — закричали все.

— Двадцатый век! Да мы теперь пешком можем пойти до своих.

В дверь долбанули чем-то твердым и тяжелым.

— Открыть? — спросил Андрей.

— Открой. Что делать...

Андрей подпер дверь плечом, откинул в стороны автоматы и потом сам распахнул ее. Запахло сырой землей. За дверью было темно.

— Это что тут у тебя, Савчук? — спросил чей-то голос.

— Та ведь выходят потихоньку, — ответил кто-то, наверное невидимый Савчук. — Выйдут и пристроятся. Не видел еще их. И землянки этой еще вчера не было. Ничего здесь не было.

— Слов у тебя много, Савчук.

В землянку вошли двое, через дверной проем было заметно еще несколько фигур.

Первый широко шагнул на середину земляного пола и твердо спросил:

— Кто такие?

— Встать! — крикнул второй, Савчук.

Николай, Андрей и Алексей вскочили, неловко вытянулись. Хотя на них и была форма, но вид был совсем не солдатский, штатский какой-то.

— Кто такие? — повторил вопрос лейтенант.

— Солнцев, Нефедов, Огородников, — ответил Николай.

— Рядовые, — добавил Алексей.

— И куда же вы? — спросил лейтенант.

— К своим добираемся, — ответил Николай. — В свое время.

— К своим? Считайте, что вы у своих. Тут все свои, от этой землянки и на восток.

— Понятно, — вставил Андрей. — Двадцатый век все-таки...

— Молчать, — тихо сказал лейтенант. — Покажите документы Савчуку. Он вас на довольствие поставит. — Он повернулся и молча вышел из землянки.

Савчук сел на нары поближе к свету, расстегнул полевую сумку, достал какие-то бумаги, карандаш, спросил:

— Из какой части будете?

Николай и Андрей промолчали. Алексей угрюмо ответил:

— Не родилась еще наша часть.

— Разговорчики. Номер части? Документы есть? — И он прихлопнул по столу маленькой крепкой ладонью.

И вдруг что-то так шарахнуло недалеко от землянки, что заложило уши и с потолка посыпалась земля.

— Утра гады не дождались! — крикнул с какой-то непонятной веселостью Савчук. — В окопы! Живо!

Крик его был совсем не грозный, но какая-то мягкая влательность чувствовалась в нем.

— За мной!.. Сейчас полезут.

И еще несколько раз ударило поблизости от землянки. Затрещал пулемет, потом сразу несколько.

Савчук задержался у дверей, зыркнул серым злым глазом на этих троих, испуганных и каких-то нерешительных, мотнул головой:

— Сейчас пойдут, — и вышел в чуть начинающую светлеть темноту.

— Пошли, — сказал Николай, схватил автомат, каску.

— Да что тут происходит? — спросил Андрей.

— Война. Наверное, сорок первый. — Николай уже выскочил в траншею, пригибаясь побежал по ходу сообщения за еле различимым Савчуком. Алексей бросился за ним. У него не было автомата. Вообще ничего в руках не было. Андрей задержался немного. Поболтал для чего-то за ремень автоматом и вдруг напряженно прислушался. Гул, едва заметная дрожь. Привычный стрекот. Машина ведь снова работала! Он бросился за товарищами, хрипло крича:

— Коля! Колька! Остановитесь! Работает она!

Никто не остановился. Тогда он, почти не пригибаясь, побежал, стучаясь локтями о земляные стены хода сообщения.

— Стойте! Стойте же!

Он догнал Алексея, схватил сзади за гимнастерку.

— Машина работает! Скорее! Осталось совсем немного. Прорвемся.

Алексей на секунду остановился, непонимающе посмотрел на Андрея. Невдалеке, чуть ниже по склону, ухнул снаряд. Алексей схватил Андрея за голову, пригнул чуть ли не к самой земле. Сверху посыпалась глина, что-то забарабанило вокруг. Глухой лязг гусениц слышался где-то внизу, в лощинке. Метрах в пяти от них что-то кричал солдат, но нельзя было понять, что он кричит.

— Ты что? — крикнул Алексей, сплевывая землю.

— Машина работает! Еще успеем. Колька где?

Алексей не ответил, побежал вперед. Андрей за ним.

— Колька! Колька! — иногда выкрикивал он.

— Здесь я, — вдруг раздалось совсем рядом. Анд-

рей остановился, заметил Кольку. Тот лежал за небольшим бруствером, прикинув к самой земле, и иногда давал короткие очереди. Андрей подполз к нему.

— Колька, машина работает... Уходим... или как? — Он уже понял, что Николай отсюда не уйдет.

— Успеем, — ответил тот. — Отобьем, тогда... видно будет.

— Ладно, — вздохнул Андрей. — Только случится с ней опять что-нибудь. Застрянем здесь.

— Не скули, — попросил Николай.

С другой стороны к нему подполз Алексей и сказал:

— У меня даже винтовки нет.

Невдалеке снова разорвался снаряд. Грохнуло, оглушило на секунду. Замолк строчивший рядом пулемет.

— К пулемету! — крикнул кто-то хрипло. Похоже, Савчук.

— Есть, — отозвался Николай. — Вот и ползи к пулемету. Умеешь?

— Что?

— Обращаться с пулеметом.

— Нет.

— А, чтоб тебя... Держи автомат. Вот запасные диски. Сдуру-то не трать зря. — Николай пополз вправо.

«Не умеет ведь и он», — подумал Алексей, но пулемет справа вскоре застрочил.

Светало. И внизу, у подножия холма, уже отчетливо можно было различить фигурки людей. Они поднимались и разрозненными группами бежали вверх, стреляя на ходу, падая, поднимаясь. Некоторые оставались лежать неподвижно. И когда эта волна уже почти накаtywала на окопы, что-то в ней ломалось, и она отступала назад. И тогда начинали рваться снаряды. Андрей и Алексей уже освоились немного и, когда начиналась молотьба снарядами и минами, прыгали на дно траншеи,

прижимались к земле, ближе к передней стенке. Только раз Андрей буркнул:

— Попадет один такой в землянку... и все.

Алексей ничего ему не ответил.

Наступила небольшая передышка. Уже и солнце припекало. Хотелось пить. По траншее пробежал Савчук, без сумки, грязный. Автомат колотил его по спине. Он на ходу что-то кричал, и его все понимали. Кто-то тащил коробки с патронами и сухой паек.

И тоска какая-то подступила к горлу.

Отходят! Отходят! Кто отходит? Отступление.

— Нам прикрывать! — крикнул Савчук, опять пробегая мимо. — Эх, еще бы с полсотни человек.

К обеду их было уже менее полусотни. К вечеру — десять. А потом осталось четверо: Савчук, Алексей и еще двое. И Алексей уже обучился стрелять из пулемета.

— Вот что, ребята, — сказал Савчук. — Приказа об отступлении нам не будет. Не успеет дойти приказ.

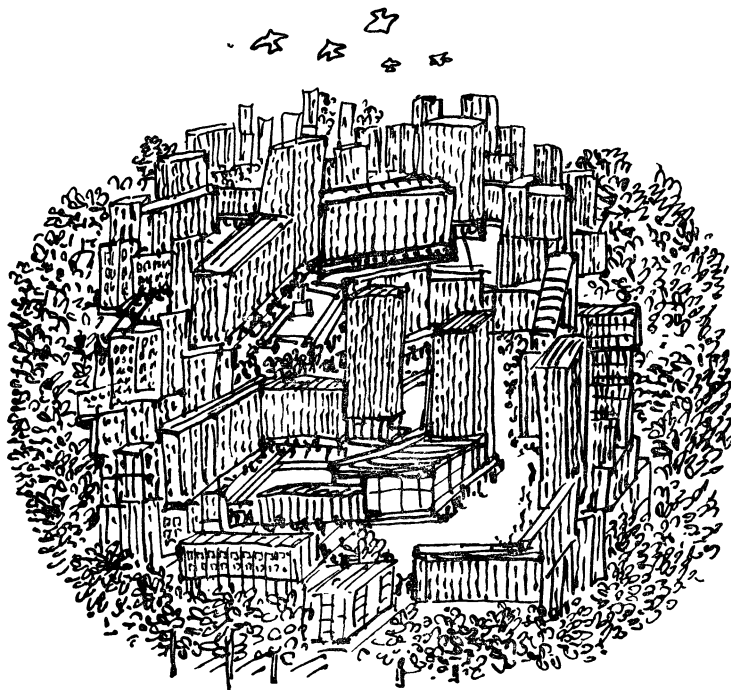
В пяти километрах позади них была река. За рекой — город. Город заканчивал эвакуацию. Кто-то должен был удерживать врага любой ценой.

Рядом с машиной времени, землянкой, упал снаряд и разворотил входную дверь. Но машина все еще вздрагивала чуть заметно. Это работали ее двигатели... или просто земля вздрагивала от разрыва снарядов.

А потом наступила тишина. Не по кому даже было бить снарядами.

Так не дошли трое парней до своего времени. И было им всего по двадцать лет... Многие не дошли. Остались на полях разбросанные на тысячах километрах землянки, похожие на ту машину времени. И уже не различить среди них, где она. А стоит она, почти совсем целая и невредимая, только дверь разворочена. Входи, снимай блокировку и отправляйся в будущее.

ГОРОД МОЙ

С высоты птичьего полета город был похож на прилавок огромного обувного магазина с расставленными на нем в строгой симметрии серыми стандартными коробками.

По вечерам, когда на него опускались пыльные сумерки и улицы пустели, казалось, что люди укладывают

себя в бетонные упаковки, а блестящие линии уличных фонарей напоминали бесконечный шпагат, во множестве мест туго завязанный на узлы мигающими перекрестками. Утром призрачные, светящиеся нити улиц постепенно размывались и исчезали, и крупнопанельные упаковки, словно облегченно вздохнув, выпускали из-под своих крыш тысячи горожан, спешащих на работу, озабоченных домохозяек с авоськами и молочными бидонами, тучи вечно взъерошенных ребятишек и косяки стройных девчонок.

В эти нежаркие утренние часы, особенно если ночью шел освежающий дождь, город словно приподнимался на цыпочках, протягивая к солнцу зеленые ветви своих молодых скверов, бульваров и парков. И тогда пропадало ощущение размеренной серости и нелепости существования города, и город улыбался. Иногда в этой улыбке сквозил восторг, словно он видел себя сильным, красивым и нравящимся людям.

Но скоро трубы фабрик, заводов и электростанций заволакивали голубое небо белесой дымкой и пылью, и город понуро наклонял голову к асфальту, опуская вниз запыленные худые руки, распадался на бесконечный ряд серых бетонных упаковок, стыдясь своей безликости и недоумевая, что заставляет людей плодить штампованные унылые кварталы.

Город знал, что он некрасив и бесформен. Но он был удобен. В квартирах газ и вода, в соседнем доме магазин, через два квартала кинотеатр, в двадцати минутах езды драматический театр или филармония, в пятнадцать километров тайга, теперь уже просто лес с жестянками, битым стеклом, порезами на деревьях, киосками «Пиво — воды» и прокатными пунктами, но зато и с цветами, лохматыми лапами кедров и капризно изогнутыми ветвями берез.

Город мучился сознанием собственного несовершен-

ства и неполноценности, но в какой-то мере его успокаивало то, что он все же нужен людям.

...Виталий Перепелкин покидал Марград. Он поссорился с ним. Они не поняли друг друга. Виталий Перепелкин обиделся на город.

— Да я отсюда ползком уползу, с закрытыми глазами, — в какой уже раз говорил он своей жене. — И не расстраивайся ты, Зоя. Усть-Манск ничем не хуже Марграда. Даже в сто раз лучше. Построю там «падающую волну». А потом еще и еще. Представляешь, какая будет красота?!

— Уж я-то представляю, — односложно ответила Зоя.

— Да! Надо же посидеть молча перед дорогой, — вспомнил Виталий и устроился на краешке стула. — Ну что ж, пора. Через месяц получу квартиру в Усть-Манске и приеду за вами.

Из спальни комнаты вышел карапуз двух лет от роду и сказал:

— Папа в командировку е-е-едет...

Виталий схватил сына в охапку, повертел его в воздухе, поставил на пол, поцеловал жену куда-то в ухо, бодро сказал:

— Ну я пошел, — потоптался еще в коридоре, подхватил чемодан, решительно открыл дверь и перешагнул порог.

Пролет в десять ступенек, всего девяносто ступенек, обшарпанная входная дверь с именами, выведенными неровным детским почерком, куча ребятишек, прокладывающих автотрассу в гряде песка, стук домино, «классики» на сером асфальте, завывание саксофона на втором этаже, старушки, серьезно обсуждающие проблему внучат, веревки с белыми простынями, аккуратно политые березки в палец толщиной...

Перепелкин дошел до угла здания и остановился.

Не мешало бы купить сигарет, в вокзальном буфете всегда столько народу. Он обогнул дом, выкрашенный зеленой краской, которую наполовину смыло дождями, так что виднелся серый бетон, и повернул по тротуару со стороны улицы в противоположную сторону от вокзала. Здесь, в соседнем доме, был гастроном.

Обрадовавшись тому, что не встретил никого из знакомых и не пришлось объяснять, почему в руках чемодан, он вышел из магазина и не спеша двинулся к вокзалу. До отхода поезда было еще почти час времени. Ему надо было пройти три квартала по улице Шпалопропиточной и свернуть направо к привокзальной площади.

Он шел, стараясь не думать о городе.

Примелькавшаяся монотонная улица с одинаковыми домами, однообразие которых только усиливала их разноцветная окраска, не привлекала его внимания. Только пивной киоск на углу разнообразил архитектуру улицы. Поравнявшись с ним, он свернул направо, на проспект Рационализаторов, прошел еще метров пятьдесят и почувствовал что-то непонятное. Привокзальной площади не было. Вместо нее перед ним стоял дом с гастрономом, откуда он только что, семь минут назад, вышел. А впереди тянулась улица Шпалопропиточная с его домом, другими домами и пивным киоском через три квартала.

— Вот так задумался, — негромко сказал он вслух, взглянул на часы и успокоился. Времени было еще достаточно. — Такой круг дать! Подумать только!

Он снова пошел вперед, но теперь, помня, что в раздумье такого маху дал, он с интересом рассматривал свою тысячу раз виденную улицу. С нее все и началось, когда он проектировал ее и вместо стандартного пятиэтажного дома № 93 вписал в улицу дом типа «открытая ладонь». Еще в строительном институте придумал он эту «открытую ладонь», а тут не утерпел и вставил в

проект. Проект вернули с шумом и выговором, хотя «открытую ладонь» можно было сделать из стандартных блоков.

Сейчас, представив на месте дома № 93 свой дом, он признал, что «открытая ладонь» выглядела бы нелепо среди этих пятиэтажек. И все же он был не совсем не прав.

Тогда он еще не знал, что это были его первые шаги в сегодняшнем пути на вокзал.

Около пивного киоска он закурил сигарету, повернул за угол, поднял голову и увидел гастроном. С городом творилось что-то неладное. Теперь-то уж Перепелкин точно знал, что не сделал никакого круга. Он несколько минут постоял, растерянно оглядываясь, и повернул назад.

За углом гастронома была улица Шпалопропиточная, а через три квартала виднелся... сам гастроном... Какой-то чертов круг! Куда ни пойдешь, везде улица Шпалопропиточная. Перепелкин решил, что назад идти нет смысла, и повернул около пивного ларька направо. Перед ним были гастроном, улица Шпалопропиточная, а через три квартала виднелась кучка людей у пивного киоска.

До отхода поезда оставалось минут сорок. Возле магазина было довольно многолюдно, и Перепелкин чуть было не налетел на инженера Сидорова из своей группы проектировщиков. Сидоров был лет на пять старше Виталия и спроектировал не одну улицу в Марграде. Они поздоровались: Перепелкин — испуганно, а Сидоров — растерянно, потому что только что вышел из квартиры Виталия. Он не знал, что тот сегодня уезжает, и приходил уговаривать его вернуться в управление главного архитектора.

— Так-таки уезжаешь? — вымолвил наконец Сидоров.

— Уезжаю! — с вызовом ответил Перепелкин. — Надоела эта канитель. Не хочет, не надо...

— Кто не хочет?

— Кто, кто! Город! Не хочет стать красивым, пусть таким и остается.

— Город-то хочет. Только главному архитектору и в горисполкоме надо доказать.

— Так ведь пять лет уже доказываем! — сказал Перепелкин и, спохватившись, что сказал не то слово, поправился: — Доказывали то есть.

— Нет, не доказывали! — вспылил Сидоров. — Доказываем! Доказываем и докажем! И Марград станет красивым!

Перепелкин ничего не ответил и переложил чемодан из одной руки в другую.

— Значит, уезжаешь? — снова спросил Сидоров. — А я ведь у тебя сейчас был. Не знал, что ты так скоро.

— Я вот сегодня подумал, — сказал Перепелкин, — в жилом доме типа «кленовый лист» у нас планировка двенадцатого этажа все никак не получалась изящной. Надо бы еще на пять сантиметров поднять потолок и поставить «летающие» перегородки.

— Так ведь кто-то предлагал уже...

— Кто-то! Ты и предлагал. Все так и надо сделать и тогда «кленовый лист» вырвется на простор.

— Тебе-то что до этого?

— Ах да. Ты извини меня. Опаздываю я.

— Не вернешься?

— Ни за что на свете. — Но в его голосе не было железной уверенности. — Пусть Марград таким и остается, если ему это нравится.

— Вернешься, я тебя к себе на работу не возьму. Учти, — предупредил Сидоров своего бывшего начальника и ушел не попрощавшись.

Перепелкин снова переложил чемодан из одной руки

в другую, но не успел сделать и десяти шагов, как из магазина слегка навеселе вышел двоюродный брат его — Сметанников.

— А, Виталька, черт! — заорал он. — Давай-ка по стаканчику!

— Понимаешь, Петя, — ответил Перепелкин, — мне на вокзал надо. Времени уже осталось мало.

Оба стояли, не зная, что еще сказать друг другу. Потом Перепелкину вдруг пришла в голову мысль.

— Послушай-ка, Петя, может, ты проводишь меня до вокзала? А?

Сметанников на секунду задумался, достал из кармана мелочь, пересчитал ее и твердо произнес:

— Провожу.

Перепелкин уже начинал понимать, что одному ему за этот злополучный угол не повернуть. И он решил, как только они подойдут к нему, вцепиться в локоть своего двоюродного брата, закрыть глаза и таким образом прорваться наконец к вокзалу. Сметанников начал что-то рассказывать Перепелкину, но тот слушал его очень невнимательно, лишь иногда невпопад вставляя слова: «Да, да. Угу»...

Сколько ночей они просидели всей группой, реконструируя на бумаге Марград и застраивая его новые кварталы. Прекрасный город получался у них. В Москве даже удивлялись. И в самом Марграде вроде бы одобряли. Но дальше этого не пошло. Каждая квартира в доме типа «открытая ладонь», «планирующая плоскость», «голубая свеча», «кленовый лист», «падающая волна» и другие стоила на пять процентов дороже обычной, стандартной. А где их взять, эти пять процентов?

В Марграде строился новый дизельный завод, и нужны были тысячи квартир. Срочно, немедленно. Тут уж было не до «кленового листа». Всегда так. Сначала хоть что-нибудь, а потом уже лучше, но снося это самое

«что-нибудь». Перепелкин доказывал, что через десять лет все равно придется сносить эти серые уродины, и тогда уж государство пятью процентами не обойдется. С ним соглашались, но говорили, что это ведь будет все-таки через десять лет, а не сейчас. А квартиры нужны сейчас. А пять тысяч семей, живущих в старом Марграде в подвалах и полуподвалах? Им сейчас не до «планирующей плоскости».

Пять лет Перепелкин бился и доказывал, а теперь вот уезжал в Усть-Манск, потому что там решили строить новый жилой район из домов типа «башня» и «нож». Это, конечно, не «кленовый лист», но все же близко. И потом, может быть, со временем удастся построить и «открытую ладонь».

Перепелкин устал убеждать и теперь уезжал из Марграда, как уходит в гнев и обиде от близкого человека, не понимающего тебя, чтобы через мгновение одуматься и с болью признать, что возвращение уже невозможно.

До пивного киоска оставалось шагов тридцать. Перепелкин вцепился в своего двоюродного брата железной хваткой. Тот что-то напевал, попутно давая пояснения. До поворота оставалось двадцать шагов, пятнадцать. И в это время Сметанников увидел свою жену. И Перепелкин увидел ее. И она увидела их обоих, причем значительно раньше, потому что стояла в позе полководца, широко расставив ноги и уперев двухкилограммовые кулаки в бедра.

Сметанников только присвистнул, вырвался от Перепелкина и опрометью бросился в обратную сторону. Его жена тоже взяла с места в карьер. Свиристый ветер чуть не опрокинул Виталия на асфальт. Осторожно, как в полусне, дошел он до поворота. За углом снова был гастроном и улица Шпалопропиточная.

Перепелкин стиснул зубы. До отхода поезда остава-

лось двадцать минут. Мимо него, как пуля и пушечное ядро, пронеслись Сметанников и его жена. С одного взгляда можно было понять, что Сметанников не продержится в лидерах и двадцати секунд.

Перепелкин увидел свободное такси и выбежал на дорогу.

— На вокзал, опаздываю! — взмолился он.

— Садись, — открыл дверцу таксист.

Машина лихо развернулась. Перепелкин отдышался. Теперь-то уж его не задержит перекресток. Такси все-таки. Каким образом такси может ему помочь, он не понимал, но был уверен, что на сей раз все кончится благополучно. Таксист включил правый поворот. Перепелкин зажмурил глаза. Резко завизжали тормозные колодки, таксист выругался. Виталий со страхом открыл глаза. Такси стояло рядом с гастрономом.

— Не получилось, — прошептал Виталий.

— Что за чертовщина, — выругался шофер. — Ведь трезвый я.

— Попробуйте еще раз, — попросил Перепелкин.

Такси вывернуло на проезжую часть и снова понеслось к перекрестку. Перед поворотом таксист сбавил скорость.

Снова визг тормозов. Такси стояло возле гастронома.

— Вы что-нибудь понимаете? — испуганно спросил шофер.

— Понимаю, — ответил Перепелкин. — Теперь я все понимаю.

Он расплатился с таксистом и вылез из машины. Шофер сидел с побледневшим лицом и тут же отказался везти кого-то в аэропорт.

Теперь Перепелкин все понял. Город не хотел отпустить его. Но с какой стати! Он столько лет пытался сделать город красивым, а получал только выговоры

и нахлобучки. Перепелкин снова пошел вперед. Он еще успеет на поезд, надо только поторопиться.

Он шел и думал, что город напрасно старается его задержать. Он устал, ему все надоело, а в Усть-Манске он сможет осуществить хоть маленький кусочек своей мечты о прекрасном бело-голубом городе. Отпусти! Остался ведь еще Сидоров и вся их группа. Пусть теперь они обивают пороги и доказывают. Отпусти! Ему все равно нельзя возвращаться после того, как он с треском уволился из управления главного архитектора. Теперь, если и останется, он ничего не сможет предпринять. Ну кем теперь его могут взять на работу? Техником? Инженером? А он и руководителем отдела ничего не смог добиться.

Отпусти!

Чуть не со слезами на глазах Перепелкин завернул за угол. На привокзальной площади толкался народ. По проспекту Рационализаторов трезвонили трамваи, старушки продавали пышные букеты цветов. Встречающие и провожающие тащили чемоданы, корзины с овощами и фруктами. Стоял шум и гвалт.

У Перепелкина захлестнуло сердце. Путь свободен.

Он отдал проводнице билет, вынул из кармана сигарету и закурил.

— Товарищ, проходите, — сказала проводница. — Сейчас трогаться будем.

Он кивнул головой.

— Заходите, — сказал он. — Я, наверное, не поеду.

— Раньше надо было думать, — осуждающе сказала женщина. — Билет-то возьмете, или как?

Но он уже махнул рукой и пошел к выходу.

Он успокаивал себя тем, что уедет завтра, ведь надо еще сказать Сидорову, что в «кленовом листе» необходимо поставить «летающие» перегородки, иначе получается не совсем то...

Он уже забыл, что говорил об этом Сидорову, и теперь думал о том, что надо хоть на полпроцента снизить стоимость здания. А это значит, снова бессонные ночи, снова идея, которая неделями будет смутно ворочаться в гудящей голове, пока не ляжет на ватман четкими линиями. Потом он подумал, что придется ездить в министерство, доказывать свою правоту на конференциях, строить макеты, получать выговоры за расходование рабочего времени не по назначению. Придется снова сколачивать группу, потому что старая уже начала разваливаться. Только Сидоров держится молодцом.

И еще, что асфальт надо в городе сделать не серым, а коричневым, с разными оттенками, утопить дома в зелени, и не в обычной хилой и редкой, а в густой и могучей. А для ребятишек сделать гектары тайги прямо возле домов, с буреломом, колючими кустами, крапивой, ягодами и цветами, которые можно рвать и приносить домой маме. А для взрослых тихие уютные ресторанчики, куда бы не рвались с вечера любители выпить. Разрешить пешеходам спокойно ходить по улицам, не оглядываясь по сторонам на перекрестках, убрать дымящие трубы. И чтобы из каждого окна открывался вид на бескрайнее море зелени, чтобы город был напоен солнцем и чистым воздухом и можно было в любой час бродить по тихим, приветливым бульварам и проспектам.

Пусть будет проспект Света, переулок Ромашек, бульвар Роз.

Он подошел к своему дому. Уже стемнело. Громкие голоса мам звали ребятишек домой. По столу все еще стучали костяшками домино, хотя уже ничего нельзя было рассмотреть. Старушки прощались и все никак не могли разойтись.

Обшарпанная дверь. Девяносто ступенек вверх.

Перепелкин открыл дверь своим ключом и переступил порог. В коридор вышла жена и сказала:

— Я поджарила тебе колбасы. Огурцов нарезать?

Он не успел ничего ответить, потому что она обняла его за шею и тихо-тихо рассмеялась. Уж она-то знала, что он никуда из Марграда не уедет.

В домах гасли огни. Город засыпал, только блестящие линии, образованные уличными светильниками, как будто бесконечный шпагат, во множестве мест завязывали его тугими узелками перекрестков.

Город погружался в ночь, тихо вздрагивая в полусне, вздыхая, что-то шепча на ухо, тихо улыбаясь и ожидая рассвета.

А под утро по улицам Марграда прошел тихий ласковый дождь...

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ДОМ

Девочка проснулась, но лежала не шевелясь и не открывая глаз. Ручонки вцепились в простыню. Ее разбудила тишина, которая была только во сне. Потом девочка осторожно открыла глаза и увидела над собой лицо мамы.

Утро еще не наступило, только чуть посветлел во-

сток. Едва заметный ветер слегка шевелил мамины волосы.

— Что с тобой, доченька?

Девочка потянулась к маме и обняла ее за шею.

— Хорошо дома...

— Хорошо. Ты спи. Еще рано.

— Я не хочу спать. Там тишина, а потом пусто, и я просыпаюсь.

— Хочешь, я посижу с тобой?

— Посиди и спой мне песенку. Помнишь, которую ты мне пела, когда папа ремонтировал отражатели и у него заело трос, и он никак не мог попасть к нам? Про самый большой дом.

— Я спою тебе другую. Про лес и солнце.

— А ты ты уже не помнишь?

Мама чуть покачала головой и погладила девочку по черным, рассыпавшимся по подушке волосам. Она не забыла эту песенку. Она не знала ее. Она не знала почти ничего, что касалось ее дочери. Да и кто это знал? Мама чувствовала себя виноватой перед девочкой.

— Закрой глаза, хорошая моя. Я буду тихо-тихо петь. А ты ни о чем не думай. Просто слушай.

И мама запела. У нее был низкий и ласковый голос. И, наверное, она любила эту песню. Девочка заложила руки за голову и, не мигая, смотрела маме в глаза. Так они и смотрели друг на друга. И одна из них пела, а другая слушала и молчала. А потом мама вдруг поняла, что девочка не видит ее, что она смотрит сквозь нее, что в мыслях своих она не на этой увитой цветами веранде, а где-то далеко-далеко...

Едва заметное привычное тиканье. Оно настолько привычно, что без него стало бы страшно. Без него абсолютная тишина. Это ласково тикает индикатор нор-

мальной работы всех жизнеобеспечивающих систем корабля. Девочка сидит в глубоком кресле рядом с креслом отца и играет самодельной куклой. Куклу сделала ей мама из обрезков своих старых платьев, которые не пошли на одежду самой девочке.

Отец хмуро вглядывается в индикаторы приборов, снова и снова вводит в математическую машину колонки цифр, изменяет программу и, дождавшись ответа, составляет новую. Обзорный экран открыт только на одну треть, и в него видны тусклые точки звезд. Туда, к одной из них, мчится корабль.

— Там наш дом, — внезапно говорит девочка и показывает рукой в самый центр экрана.

— Да, маленькая. Там наш дом.

Девочка привыкла показывать в центр экрана. Так ее научили отец и мать. Так было раньше. Но сейчас ее палец указывал на какую-то другую звезду, которая теперь была в центре экрана. Отец ничего не говорил ей о том, что корабль потерял управление. Ей это не нужно было знать. Да она бы ничего и не поняла.

— Эльфа, тебе не скучно сидеть здесь?

— Нет, па... Я учусь быть капитаном большого-пре-большого корабля.

«Нет, доченька, я постараюсь, чтобы ты никогда не улетала с Земли», — думает отец.

А мама спит. Четыре часа сна. Потом четыре часа они все будут вместе. Потом заснет на четыре часа папа. И Эльфа вместе с ним. И тогда мама будет решать головоломку: как повернуть корабль к Земле.

Дверь открылась, и на пороге появилась мама. Ох, как красиво она была одета! Она все время меняла платья, комбинировала что-то, перешивала. А волосы у мамы рассыпались по плечам, и узенький золотой ободок пересекает лоб. Мама сейчас похожа на добрую волшебницу из сказки. Девочка так и говорит:

— Ты сейчас волшебница?

— Она у нас волшебница, — радостно подхватывает папа. — Правда ведь?

— Правда, правда!

— А если правда, — говорит мама, — то закройте глаза.

Капитан и его дочь закрывают глаза, и у них в руках вдруг оказывается по яблоку.

Эльфа даже чуть повизгивает от восторга. А папа незаметно шепчет. Он, кажется, даже немного сердит.

— Ты опять не спала?

— Нет, нет. Я спала. А потом была в оранжерее. — Она смотрит на него умоляюще. — Ничего?

— Нет...

Мама, наверное, любит петь. Уже почти совсем рассвело, а она все гладит девочку по головке длинными ласковыми пальцами и поет. Поет про смешных зверюшек и ручеек, голубой-голубой, чистый-чистый. Девочка вдруг чуть приподнимается на локте.

— Мама, ты говорила, что у нашего дома будет голубой потолок... и черный.

Мама чуть было не сказала: «Разве я так говорила?» — но вовремя спохватилась.

— Хорошо, доченька. У нас будет голубой потолок. А ночью, когда темно, он будет черным.

— Со светлячками?

— Со светлячками? Ну конечно, со светлячками.

— И по голубому будут плыть белые кудри?

— Да, — согласилась мама и подумала, что это можно будет сделать.

— А иногда потолок будет разрываться пополам?

— Все будет, как ты захочешь.

— А у нас правда самый большой дом?

— Ну не совсем. Есть и больше. А тебе хочется жить в самом большом доме?

— Ты говорила, что я буду жить в самом большом доме.

— Людям лучше жить в маленьких домах. Таких, как наш. Чтобы кругом был лес, трава и речка, и обрыв над речкой. А в лесу...

— Да, так лучше. Только ты говорила...

— Спи. Еще можно поспать. Еще только светает и очень рано. А утром мы пойдем с тобой на ферму. Ты ведь видела, как доят коров?

— Да, я пойду. — Девочка села в кровати. Ночная рубашка спустилась с ее худенького плеча, но она не заметила, не поправила ее. — Я пойду. Я хочу идти. Ты отпустишь меня, мама?

— Я отпущу тебя, только сначала мы попьем молока... Значит, тебе не понравилось у меня?

— Мне очень понравилось у тебя. Но я хочу идти. Я хочу посмотреть на другие дома. Ты ведь не обиделась, мама?

— Нет, нет. Но мне очень не хочется отпускать тебя.

Девочка оделась. Они вдвоем выпили молока, и Эльфа, осторожно ступая по чуть влажному от росы песку, дошла до садовой калитки и помахала маме рукой:

— Я пошла!

Девочка ушла, и тогда женщина повернула небольшой диск на браслете. Диск вспыхнул и матово засветился.

— Главного воспитателя, — сказала женщина.

На экране тотчас же возникло лицо мужчины.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Она... она ушла, — сказала женщина.

А девочка шла по проселочной дороге, иногда поднимая голову вверх и смотря на звезды, угасающие в летнем утре.

...Капитан последнее время появлялся в рубке корабля редко. Эльфа вообще стала видеть его редко. И, когда он все же появлялся, весь замасленный и испачканный металлической пылью, она тотчас же взбиралась ему на колени, не давая даже умыться. Он играл с ней, потом осторожно снимал с колен, наскоро мыл руки и исчезал. Теперь Эльфа почти все время проводила с мамой.

Потом начались странные события. Сначала отец вынес ее диван в маленькую библиотеку, а мама сказала, что она будет спать здесь. Эльфа только на миг представила себе, как ее окружает темнота, и залилась слезами. Отец впервые строго посмотрел на нее, она по-детски удивилась этому и успокоилась. Ей казалось, что первую ночь она не спала. Но приборы, датчики которых папа предварительно вмонтировал в диван, показали, что она плакала лишь пятнадцать минут и сразу же уснула.

А однажды отец и мама посадили ее в кресло за небольшим круглым столом в зале отдыха и сказали, что она уже почти взрослая. (Ей и вправду было уже шесть лет.) И, чтобы проверить, насколько же она взрослая, они решили запереть ее в библиотеке на неделю. Неделю она не должна видеть их. Мама пыталась было что-то сказать про три или четыре дня, но папа был тверд: неделю.

— Это очень нужно? — спросила Эльфа.

— Очень, — сказал папа.

— Я хочу, чтобы ты увидела наш дом, — сказала мама.

— Куклы вы у меня не отберете?

— Нет, — сказал папа. — Ты можешь взять с собой все, что захочешь. Мы просто решили проверить твою храбрость.

На следующий день ее заперли в библиотеке. Сна-

чала ей нисколько не было страшно. Было даже интересно. Потом стало немного скучно. А к вечеру она расплакалась, но к ней никто не пришел. Отец в это время что-то сверлил в небольшой мастерской, расположенной в подсобных помещениях корабля. А мама сидела за вычислительной машиной. Рядом с пультом был установлен небольшой телевизор, на экране которого плакала девочка. И чем больше она плакала, тем больше морщинок появлялось на мамином лице, но она продолжала заниматься вычислениями. Иногда ее вызывал по телефону капитан и спрашивал:

— Ну как вы там? Держитесь?

— Держимся, — бодро отвечала она.

— Ради нее держитесь обе.

Через неделю Эльфа вышла из библиотеки. Отец носил ее на руках, а мама все время говорила:

— Теперь все будет хорошо. Я верю, что все будет хорошо.

После недельного затворничества Эльфа будто и вправду повзрослела. Мама учила ее мыть посуду, готовить пока еще нехитрые обеды, стирать под краном платица. Она учила ее читать и писать.

А однажды Эльфа с отцом вышла из корабля. В скафандрах, конечно. Они долго носились в пустоте, то удаляясь от корабля, то вновь приближаясь к нему.

— Ты не боишься остаться здесь одна? — спросил ее отец.

— Нет, — храбро ответила девочка.

В десять часов утра Эльфа подошла к стоянке глайдеров. Она протопала несколько километров и немного устала, хотя ей и нравилось идти по полям и лесочкам, разговаривать со встречными людьми и спрашивать, не знают ли они, где находится самый большой дом —

ее дом. Если ей отвечали, что знают, где такой дом, она начинала расспрашивать о нем. Нет, это все были другие дома, не такие, о каком рассказывала мама. Но она не отчаивалась, потому что кругом было весело, желтое-прежелтое, ослепительное солнце сияло в голубом небе, а кругом были цветы, незнакомые, красивые, названия которых она еще не знала.

И всегда, стоило ей захотеть, рядом оказывались мама или папа.

На стоянке глайдеров было только две машины. В одну грузили какие-то большие ящики, вторая была уже готова взлететь. Эльфа смело подошла ко второй и знаками попросила пилота открыть дверцу.

— Эльфа! — удивился тот. — Ты откуда здесь взялась?

— Пап, я хочу с тобой полетать.

— Полетать? Это хорошо. Это можно. Но ведь я оказался здесь случайно и больше не вернусь сюда. Придется тебя потом с кем-нибудь отправить.

— Я останусь с тобой, папа.

— Со мной? Ты это твердо решила?

— Нет еще, но у тебя красивая машина.

— Ну хорошо. Садись.

Он осторожно поднял Эльфу в кабину, захлопнул дверцу. Глайдер взмыл вверх.

Пилот показал рукой вправо и вниз и, когда девочка прильнула к стеклу, рассматривая с детским восторгом то, на что ей указали, осторожно повернул диск на браслете левой руки. Диск заблестел, заискрился.

— Главного воспитателя, — сказал пилот.

На матовом маленьком экране появилось лицо человека.

— Она у меня в кабине, — сказал пилот. — Глайдер типа «Божья коровка» № 19-19. Лечу в таежный поселок на Алдане.

Человек на экране улыбнулся:

— Ну что ж. Придется тебе везти ее туда. Мы предупредим людей поселка. Как она тебя называет?

— Папой.

— Спрашивала про самый большой дом?

— Нет еще... А его так и не разыскали?

— Нет, — покачал головой главный воспитатель. — Ведь она не знает, где он был. Да и был ли он вообще? Скорее всего это какая-то детская гипербола. Жаль, что это становится ее навязчивой идеей... Но пусть пока путешествует. Благодарю за сообщение.

Эльфа с удивлением смотрела вниз на зеленые пятна лесов, слегка пожелтевшие поля, синие прожилки рек и крапинки озер.

— Это ковер? — спросила она.

— Где? А... Вот это? Да. Очень похоже на ковер. Тебе нравится?

— Мне нравится. Это очень похоже на мой дом.

В таежном поселке глайдер сразу же обступили геологи. Они уже знали о прибытии Эльфы.

— Здравствуй, мама, — сказала Эльфа невысокой женщине, одетой в голубой комбинезон. У женщины были черные живые глаза, загорелое лицо и короткие черные волосы.

— Здравствуй, доченька...

...Мама тогда тоже была в голубом комбинезоне. Она всегда появлялась в нем, прежде чем надеть скафандр. И отец был в голубом. Последние дни они оба подолгу оставались с ней. Отец играл с Эльфой, часто сажал ее в маленькую одноместную ракетку, рассказывал, зачем здесь разные рычажки, кнопки, разноцветные глазки. Она уже разбиралась во всем этом, вернее, просто все запоминала своим еще детским умом. Во вся-

ком случае, она могла водить ракетку. Несколько раз она стартовала с корабля, удаляясь от него на несколько десятков километров, и там делала развороты, меняла ускорение, тормозила и снова возвращалась к кораблю. Управление ракеткой, конечно, дублировалось с корабля.

Отец был необычайно ласков с нею. И мама... Она будто все время сдерживала слезы. Словно ждала чего-то. Ждала и боялась. И вот однажды отец сказал:

— Сегодня.

Они снова усадили ее в кресло в библиотеке. А сами сели напротив, совсем рядом, чтобы можно было держать ее руки в своих.

— Эльфа, — сказал отец. — Ты уже взрослая девочка. Помнишь, мама рассказывала тебе о самом большом доме?

— Она мне про него пела.

— И пела про него. Это твой дом. Ты должна жить в нем. И ты туда полетишь в маленькой ракетке, в которой ты уже столько раз летала.

Девочка радостно захлопала в ладоши. Она так хотела увидеть этот дом!

— Ты будешь лететь одна. И ты будешь лететь долго-долго. Но ты ведь не боишься быть одна?

— Нет, — храбро ответила девочка.

— Ну и молодец. Ты не должна скучать. Я сделал тебе маленького смешного человечка. Он умеет ходить и даже разговаривать, хотя и не очень хорошо. Ты возьми его с собой.

— А вы? Почему вы не полетите со мной?

— Но ведь ракетка рассчитана только на одного человека. Да и потом, нам нужно работать. Так ведь? — обратился он к жене.

Она не смогла ответить, только стиснула руку девочки да сглотнула комок в горле.

— Но вы прилетите позже?

— Да, да. Мы постараемся. Но пока нас не будет, у тебя дома будет другая мама и другой папа. Ты их сама выберешь.

— А они будут такие же хорошие, как и вы?

— Эльфа, ты сама их выберешь.

Девочка неуверенно кивнула головой.

— Ты умеешь делать все, что тебе нужно. А когда ты подлетишь к Земле, тебя встретят. Тебя обязательно встретят.

И вот она уже сидит в ракетке. Рядом с ней маленький смешной человечек — робот. На коленях кукла. Над головой пространство в полметра. Перед ней пульт, некоторые ручки и тумблеры которого закрыты колпачками, чтобы Эльфа не могла их задеть случайно.

В ракетке все предусмотрено. Запасы пищи, воды и воздуха. Книги, написанные от руки, которые сделала сама мама. Бумага, карандаши. Маленький эспандер, чтобы развивать мускулы рук, и велосипед, прикрепленный к полу. Всего четыре кубических метра пространства.

— Ведь ей всего должно хватить? — в который уже раз спрашивает мама у капитана.

— Ей хватит всего на полтора года. Но ее должны встретить раньше. Через четыреста дней.

— Она не...

— Она не пройдет мимо Солнца. Я считал все много раз, да и ты проверяла.

— Да, проверяла...

Под креслом ракетки небольшой ящик с бумагами и микропленками. Это их отчет об экспедиции. Экспедиции, в которую они вылетели вдвоем. Они сделали все, что было нужно. Вот только не могут вернуться на Землю, в свой дом. Но она, Эльфа, должна увидеть Землю.

Почти год отец переделывал эту маленькую ракетку,

последнюю из трех, когда-то имевшихся на корабле. Он предусмотрел все.

Мама едва сдерживается. Как только ракетка стартует, она упадет, не выдержит, забьется в плаче. Ведь она никогда больше не увидит свою дочь.

— Пора, — говорит папа. И движения его стали какими-то неестественными, угловатыми. — Эльфа, ты летишь к себе домой. Это твой дом. Самый большой дом в целом мире, во всей вселенной...

— Эльфа... — шепчет мама.

— У него голубой потолок? — спрашивает Эльфа.

— Да, да, да! — кричит мама. — И по голубому потолку плывут белые облака, похожие на кудри! А ночью он... черный... и светлячки...

— Эльфа. До свиданья, маленькая моя девочка. Будь мужественной.

— Эльфа... — это сказала мама.

И вот Эльфа уже сидит в ракетке.

— Старт, — говорит отец и нажимает кнопку на пульте.

Короткая молния срывается с обшивки корабля и уходит в сторону Солнца.

Мама не плачет, она просто не может плакать, не в силах. Плачет отец.

Неуправляемый корабль мчится вперед, куда-то далеко мимо Солнца.

— Сейчас мы будем обедать, — говорит женщина в голубом комбинезоне. — Прямо под открытым небом, у костра. Ты еще ни разу не сидела возле костра?

— Нет, — отвечает Эльфа.

— А потом мы пойдем в горы и встретим медведя.

— Настоящего?! — спрашивает девочка, а у самой от нетерпения горят глазенки.

— Настоящего.

— Пойдем сразу, мама.

— Нет, доченька. Надо сначала набраться сил.

А вся геологическая партия стоит вокруг и улыбается. Здоровенные парни в выцветших комбинезонах и совсем молодые девчонки.

— А правда ведь, что внизу ковер, когда летишь на глайдере? — спрашивает она всех.

— Правда, — отвечает пилот. — И когда идешь, тоже ковер. Смотри, какой ковер из брусники. Красивый, правда?

— Красивый, — отвечает Эльфа и садится на корточки и осторожно гладит жесткие мелкие листики. — А правда, что небо похоже на голубой потолок? Помнишь, мама, ты мне рассказывала о самом большом доме?

— Помню, — на всякий случай говорит женщина в голубом комбинезоне. Но она почти ничего не знает об этой девочке. Да и кто о ней знает больше? Разве что главный воспитатель Земли.

«Возьмите меня на борт! Возьмите меня на борт!» Такие сигналы слышали однажды несколько кораблей в окрестностях Плутона. Чей-то спокойный мужской голос повторял: «Возьмите меня на борт!»

Один из кораблей изменил курс и принял маленькую, неизвестно как здесь оказавшуюся ракетку. В ракетке не было мужчины. Его голос был записан на магнитопленку. В ракетке была маленькая девочка.

— Я хочу домой, папа, — устало сказала она сидящему капитану грузового корабля, который подобрал ее.

— Где же твой дом, крошка?

— У меня самый большой дом.

А потом, уже на Земле, с ней разговаривал главный

воспитатель. Девочка была удивительно развита для своих семи с половиной лет. Она многое знала, многое умела. На лету схватывала все, что ей объясняли. Но две странности было у нее. Она вдруг неожиданно для всех называла какого-нибудь мужчину папой, а какую-нибудь женщину — мамой. Проходил день, и у нее уже были другой папа и другая мама. И еще. Она все время просила показать ей ее дом, самый большой дом.

Совет воспитателей навел справки о ее настоящих родителях. Нет, у них никогда не было большого дома. Вообще никакого дома не было. Прямо из школы астролетчиков они ушли в Дальний поиск.

— Я буду искать свой дом, — заявила Эльфа и ушла от главного воспитателя. Тот ее не удерживал. Он сделал единственное: каждый человек на Земле теперь знал, что Эльфа ищет свой дом. Все обязаны были ей помогать. Каждый должен был заменить ей отца и мать.

— А правда, что крыша дома может загрохотать и сверкнуть? — спрашивала Эльфа.

— Ну нет, — сказал кто-то. — Крыши сейчас очень прочные.

— Правда, — вдруг сказал пилот глайдера. — Может. Вот будет гроза, и ты сама увидишь.

— Это страшно?

— Страшновато, но очень красиво.

— А правда, что стены дома раздвигаются, когда ты к ним приближаешься?

— Вот смехота-то... — шепнул кто-то, но на него недовольно зашикали, и он замолк.

— Правда, — сказал пилот. — Вон видишь ту стену, за горой? Мы будем подлетать к ней, а она будет ото-

двигаться дальше. И сколько бы мы за ней ни гнались, она будет отодвигаться все дальше и дальше.

— Это очень похоже на то, что ты мне рассказывала о самом большом доме, о моем доме, — сказала Эльфа женщине в голубом.

— Так это же и есть твой дом. Вся Земля — твой дом. Это самый большой дом во всем мире, во всей вселенной.

— Да, ты так мне и говорила...

А вечером, когда они спустились с гор к костру, небо уже потемнело. Женщина спросила:

— Ты ведь не уйдешь от меня? Ты останешься со своей мамой?

— Мама, — ответила девочка, — я вернусь. Но сначала я хочу посмотреть свой дом. Я хочу осмотреть его весь.

А утром Эльфа снова была в глайдере. И когда он долетел до горы, она крикнула пилоту:

— Смотри, папа, стены моего дома раздвигаются!

КАЧЕЛИ ОТШЕЛЬНИКА

1

«Фиалка», грузопассажирская ракета, обычно ждала трансзвездный лайнер за орбитой пятой планеты системы Севана. И на этот раз все было как обычно. Транслайнер «Варшава» материализовался в точно установленном месте, опередив график выхода в трехмерное

пространство на одну минуту. Капитан «Варшавы» тотчас же послал в эфир свои координаты. Но «Фиалка» с помощью радаров уже засекла появление лайнера и, набирая скорость, мчалась к нему.

В командирском отсеке «Фиалки» царило оживление. Не так часто корабли Земли появлялись в окрестностях Севана. Теперь будут новые приборы, оборудование, которого всегда не хватает физикам, биологам, археологам и инженерам Отшельника. Будут новые статьи, новая информация. Будут часы, проведенные в обществе людей, совсем недавно ходивших по Земле.

О событиях этих нескольких часов будут неделями рассказывать там, на Отшельнике. Экипаж «Фиалки» с трудом будет отбиваться от приглашения на чашку кофе в каждый коттедж Центральной станции. На каждой из двадцати баз вдруг срочно потребуются кто-нибудь из экипажа корабля для проведения непредвиденных работ. А на корабле всего трое: командир «Фиалки» Свен Томсон, его помощник, специалист по кибернетическим устройствам Николай Трайков, и связист Генри Вирт.

Рассматривая прямо на глазах вырастающий шар «Варшавы», Свен Томсон сказал:

— Когда я вижу его, хочется убежать на Землю. На Отшельнике это проходит. А здесь с трудом сдерживаю себя, чтобы не написать рапорт.

— «Его зовет и манит Полярная звезда», — тонким диском пропел Николай Трайков. — Никуда ты с Отшельника не сбежишь. А Анитта...

— Ни слова дальше, Ник! — загремел Свен.

— Молчу, молчу, молчу. Только не надо подавать рапорт.

— Я забыл на Отшельнике голубую светящуюся ру-

башку, — испуганно произнес Генри. — Оза снова все перепутала.

— Что ты?! — гробовым голосом сказал Николай. — Это же катастрофа!

— Тебе шутки, а я говорю серьезно. В кают-компании все будут в светящихся рубашках, а я...

— Возьми мою, — предложил Свен.

— Твою? — удивленно переспросил Генри, уставившись на широкоплечую, высокую фигуру командира. — Но ведь мне нужна не ночная сорочка.

— Как хочешь, — спокойно сказал Томсон и вдруг крикнул: — Осталось три минуты! Долой этикет, тем более что мы его никогда не соблюдали...

— Привет отшельникам! — прозвучал из динамиков голос командира «Варшавы». — Как дела с цивилизацией? Что-нибудь получается?

— Отлично! — крикнул в ответ Томсон. — Ничего нельзя в ней понять. А все ли готово в кают-компании? Чем удивит нас шеф-повар?

— Экипаж «Фиалки»! — раздался громкий голос. — Приготовиться!

— Готовы, — ответил Томсон.

— Даю отсчет. Десять, девять... ноль.

Громадный борт транслянера заслонил весь обзорный экран «Фиалки», приблизился вплотную и в следующее мгновение, раздвинув металлокерамические плиты, втянул ракету внутрь. Плиты сомкнулись. «Фиалка» лежала на специальной платформе в грузовой отсеке транслянера.

Пространство вокруг ракеты осветилось яркими огнями. К платформе бежали люди, казавшиеся муравьями в этом огромном зале. Массивные фигуры киберпогрузчиков пришли в движение.

Томсон нажал клавишу. Сейчас двадцатиметровые

створки «Фиалки» разойдутся в стороны, и киберпогрузчики начнут загружать емкое брюхо ракеты.

— Разрешаю выход, — раздалось из динамиков.

Все трое, обгоняя друг друга, кинулись к подъемнику и через минуту уже стояли на платформе, жмурясь от яркого света.

— Ну как у вас дела на Земле?

Отшельники даже не воспользовались трапом. С двухметровой высоты платформы они, не раздумывая, бросились вниз, в дружеские объятия людей, только что прибывших с Земли. Кому какое дело, что они никогда ранее не видели друг друга.

Со всех сторон посыпались вопросы, сложные, простые, нелепые, тревожные.

— У вас сейчас зима?

— Зима.

— Почему зима? У нас лето.

— А-а-а. Понятно. И зима и лето сразу. Здорово!

Смех. Дружеские похлопывания по спине. Рукопожатия.

— Сколько микронакопителей привезли?

— Узнаешь, когда будешь подписывать ведомость.

— Пятьдесят килограммов писем. Полтора миллиона приветов.

Они вышли из грузового отсека «Варшавы», говоря сразу о тысячах разных разностей, понимая друг друга с полуслова.

В огромный подъемник лайнера все сразу не поместились. Поднимались группами. Ярко освещенные туннели уходили куда-то вдаль. В них можно было различить фигуры людей и киберов. Люди приветственно поднимали руки, хотя вряд ли они видели, кто именно находится в подъемнике. Они просто знали: экипаж «Фиалки» проплывает вверх мимо них. Киберы не обращали ни на кого внимания. У них не было вре-

мени размышлять над происходящим, у них было задание.

Бесконечный, казалось, подъем кончился. Вирт, Томсон и Трайков ступили на движущуюся ленту широкой улицы — пружинящий под ногами голубовато-серый пластик. Через каждые сто метров встречались переходы и ответвления в светлые, просторные коридоры. Высокие залы были заняты странными конструкциями из разноцветных шаров, конусов, параболических перекрытий, висячих мостиков, цилиндров, металлических скелетов. И везде отшельников приветствовали взмахами руки космонавты лайнера.

Это была огромная лаборатория, целый научно-исследовательский институт. «Варшава» не только снабжала исследовательские планеты необходимым оборудованием, продуктами, специалистами, предметами быта и строительными материалами. Около тысячи научных работников занимались исследованиями четырехмерного пространства.

«Варшава» обходила за три земных месяца двадцать исследовательских планет. Затем после недолгого пребывания на Земле цикл повторяли снова.

В кают-компании собралось человек двадцать. Томсон с серьезным видом обсуждал с командиром транслайнера Антоном Вересаевым проблемы выведения новых сортов кактусов в условиях четырехмерного пространства. Николай Трайков, собрав вокруг себя большую половину людей, закатывал глаза и, делая страшные жесты, рассказывал о хищниках Отшельника. Генри Вирт, заикаясь, беседовал с двумя девушками.

Потом Вересаев представил экипажу «Фиалки» Эрли Козалеса, журналиста-физика. Эрли должен был лететь с ними на Отшельник.

На обед было подано столько разнообразных блюд,

что ими вполне можно было бы в течение недели кормить всех научных сотрудников Отшельника.

После обеда пошли в концертный зал, затем смотрели хронику и еще несколько часов ходили из каюты в каюту, обмениваясь впечатлениями и накопленными знаниями.

И снова в огромном подъемнике они спускались мимо бесчисленных переходов, поворотов, туннелей, залов, прощаясь с «Варшавой». Все, что предназначалось Отшельнику, было погружено. Грузовые люки «Фиалки» были уже задраены. Киберпогрузчики медленно, неуклюжей походкой удалялись в свои ангары. Последние слова прощания, последние рукопожатия.

Эрли сел в кресло в командирской рубке. Генри Вирт проверил радиосвязь. Николай Трайков — все кибернетические системы корабля. И тогда Томсон сказал в микрофон:

— Готовы!

Казалось, неведомая сила вытолкнула «Фиалку» из транслянера. Двухкилометровый шар медленно уменьшался в размерах.

— Счастливой плазмы!

— Счастливого суперперехода!

«Фиалка» удалилась от «Варшавы» на несколько десятков тысяч километров, и обзорный экран осветила неяркая голубоватая вспышка. Это транслянер ушел в четырехмерное пространство.

2

Для экипажа «Фиалки» семидневный путь на Отшельник пролетел незаметно. Все системы корабля работали отлично, и трое космолетчиков зачитывались книгами, журналами и микрогазетами, расположившись в небольшой библиотеке и отрываясь от чтения только

для принятия пищи, сна и проверки функционирования систем корабля.

Эрли летел на Отшельник за материалами для книги об этой странной планете. Чтобы не терять зря времени, он изучал последний отчет экспедиции. Отчет был написан лаконично, в нем излагались только факты. Чувствовалось, что у руководителей экспедиции нет даже гипотезы, которая объясняла бы многочисленные загадки Отшельника.

Отшельник был открыт восемь лет назад. На нем не было смен времен года. Влажный жаркий климат в приэкваториальных зонах по мере приближения к полюсам постепенно сменялся сухим. Но даже на полюсах днем температура не падала ниже пятнадцати градусов тепла. На Отшельнике было вечное лето и вечная весна. На тысячи километров к югу и северу от экватора тянулась сельва, зловещая и мрачная. Животный мир сельвы был омерзителен и однообразен: безмозглые твари, напоминавшие покрытые зловонной слизью мешки, прыгающие, ползающие, занятые только одним — пожиранием себе подобных, но меньших по размеру.

Первый космический корабль долго кружил над Отшельником, выбирая место для посадки и запуская разведывательные ракеты. Всюду было одно и то же. И тогда командир принял решение выжечь огнем планетарных дюз корабля пятачок диаметром в километр. Корабль приземлился. Разведчики вышли из него. Через час остатки группы вернулись на корабль, а через два недавно выжженный пятачок ничем не отличался от остальной сельвы. И только стрела корабля, направленная в зенит, нарушала мрачное однообразие пейзажа.

Корабль взлетел и направился к Земле. Командир был твердо убежден, что вновь открытая планета непри-

годна для жизни, разве что после полного уничтожения сельвы. Быстрота, с которой сельва завоевывала отнятое человеком пространство, ужасала. И все же на Отшельник — кто-то успел назвать эту дику планету Отшельником — послали вторую экспедицию. Она проводила исследования с воздуха на винтолетах. О наличии разумной жизни на Отшельнике нечего было и думать. Здесь не было не только млекопитающих, но даже рептилий.

На пятый день пребывания на Отшельнике экспедиция наткнулась на пятно коричневого цвета посреди сельвы. Винтолет с тремя людьми спустился ниже и обнаружил несколько полусферических зданий с переходами между ними и белыми цилиндрами двадцатиметровой высоты. Это открытие было столь неожиданным, что вызвало бурю восторга у членов экспедиции. Но войти в эти здания люди не могли. Они даже не могли приблизиться к ним, потому что группу построек прикрывало силовое поле, сдерживавшее напор сельвы. За клочком неизвестной цивилизации было установлено круглосуточное наблюдение. Но там все было мертво.

Через день на экваторе была открыта Центральная, так ее сразу назвали. Она занимала площадь радиусом в десять километров. Огромное здание, стоявшее в середине, тоже было пусто. Вскоре обнаружили еще девятнадцать небольших пятачков, отвоеванных кем-то у сельвы, застроенных странными зданиями и тщательно охраняемых невидимыми сторожами — силовыми полями. Двадцать поселений, оставленных неведомой цивилизацией, называли просто базами. Они растянулись кольцом по Отшельнику через каждые две тысячи километров. И больше никаких признаков цивилизации. Ни городов, ни дорог, ни ракетодомов.

Третьей экспедиции удалось раскрыть секрет выключателя силовых полей, и после этого началось система-

тическое исследование планеты и работа по разгадке ее тайны.

Грузовые лайнеры в течение четырех месяцев перебрасывали на Отшельник оборудование, винтолеты, вездеходы, приборы, целые научные лаборатории, здания, пищу, мебель, людей. Экспедиция была прекрасно оснащена. В ней насчитывалось двести четырнадцать человек: археологов, зоологов, ботаников, физиков, техников, инженеров. Неизвестно, что когда-то произошло на Отшельнике, поэтому работали на планете представители всех наук.

Экспедицию возглавлял Конрад Стаковский, у которого Эрли учился. Когда Эрли увлекся журналистикой, Стаковский был раздосадован: уходил любимый ученик. Но Эрли не бросил физику совсем и, став журналистом, писал о науке. И сейчас он летел на Отшельник по приглашению старого учителя. Конрад не объяснил причину своего выбора, и Эрли терялся в догадках. Получить приглашение работать на Отшельнике было лестно для любого журналиста, Эрли это знал и был польщен. Но было еще одно обстоятельство. На Отшельнике в группе археологов работала его бывшая жена — Лэй. Уж не пришло ли в голову Стаковскому примирить двух людей, которых он хорошо знал? И об этом думал Эрли, но гнал от себя такие мысли. Эрли, мечтая о встречах с Лэй, сам делал все, чтобы этих встреч не было. Но теперь им придется встретиться. Двести пятнадцать человек на одной планете — не так уж много. Не встретиться просто невозможно.

Эрли бросил на стол копию отчета о работе на Отшельнике. Какой там отчет, экспедиция тыкалась в проблемы и загадки как слепой котенок в стену. Зоологи и ботаники достигли некоторых успехов. Но что же это за цивилизация здесь была? Куда она исчезла? Что означают эти удивительные постройки на Центральной?

Для чего нужны были базы, расположенные на равных расстояниях друг от друга?

Эрли вышел из библиотеки и пошел по ярко освещенному коридору, намереваясь заглянуть в отсек управления и побеседовать с командиром «Фиалки». Николай Трайков лежал в кресле в библиотеке и на все вопросы Эрли только строил кислые гримасы и иногда односложно отвечал: «Позже. Да узнаешь ты все. Успеешь».

А Свен сказал:

— Полнейшая неразбериха. Топчемся на одном месте. «Фиалка» патрулирует пространство около Отшельника. Словно ждем, что к нам вот-вот кто-то явится в гости.

— Не в гости, а к себе домой, — поправил его Генри. — Это мы гости, да еще незваные. — И тут же круто изменил тему разговора: — Скажи, Эрли, какие новые имена придумали на Земле? У меня будет дочка, обязательно дочка. Оза хочет назвать ее Сеоной. А я не знаю, не решил еще...

Прошло уже два дня, как «Фиалка» рассталась с «Варшавой». Это означало, что они уже могут попытаться выйти на связь с Центральной.

3

Эрли сделал несколько шагов по коридору и увидел идущего ему навстречу Генри. Тот был явно расстроен и, поравнявшись с Эрли, недовольно бросил:

— Лентяи.

— Что-нибудь случилось? — спросил Эрли, не понимая, о ком радист ведет речь.

— Не хотят раньше графика связаться с нами по радио. Не поверю, что Оза ничего не хочет сказать мне. Лентяи, и точка. Когда патрулируешь пространство, это

бывает. Но ведь мы идем после встречи с «Варшавой»! Они же там сейчас минуты считают.

— Когда они должны выйти на связь?

— Через два часа. Какая им разница? Меня трясет от злости. Заметно? — Эрли кивнул. — Два часа буду лежать и не подойду к передатчику. Не подойду, и все!

Это было сказано с такой убежденностью, что Эрли невольно подумал: Генри не выдержит и пяти минут. Вирт кинулся в библиотеку, а Эрли пошел мимо кают в командирскую рубку. Свен был занят какими-то вычислениями. Продолжая нажимать на клавиши математической машины, он жестом пригласил Эрли сесть в кресло. Тот сел и уставился в обзорный экран, но, сколько ни смотрел, найти Отшельник на фоне ярких звезд так и не смог.

Эрли, по-видимому, задремал, так как вдруг услышал шум голосов.

Генри сидел за передатчиком, повернув голову к командиру. На лице его было страдальческое выражение. Он сказал:

— Связи нет.

— Что там у тебя произошло? — спросил Свен и, оставив свою машину, подошел к радисту.

Эрли подумал, что все это время он надеялся, не признаваясь себе, что Лэй, может быть, захочет с ним поговорить. Он вышел из рубки, боясь, что его чувства слишком заметны для посторонних.

Через два часа двери библиотеки открылись, и на пороге появились командир «Фиалки» и радист. Генри был бледен. Свен неестественно спокоен. Он сказал:

— Отшельник не отвечает. Там что-то случилось.

Трайков оторвался от чтения и сказал:

— Что там могло случиться? Прохождение радиоволн...

— С прохождением все в порядке. Маяк космодрома прослушивается. Но маяк — это автомат.

У Эрли потемнело в глазах.

— Что будем делать? — спросил Николай.

— Через десять минут все должны быть готовы. Будем идти с тройными перегрузками или... — тут Свен с сомнением посмотрел на Эрли: выдержит ли? — Будем идти на пределе, даже если кому-нибудь станет плохо.

Трайков включил своих кибернетических помощников, и через несколько минут все в корабле было приведено в аварийный режим.

Все четверо легли в амортизирующие кресла в командирской рубке. У троих были свои особые обязанности, которые нужно выполнять в условиях перегрузок. И только у Эрли не было никаких обязанностей.

Свен включил аварийные двигатели. «Фиалка» рванулась вперед, людей вдавило в кресла. Еще несколько минут они пытались разговаривать, обсуждая, что могло произойти с людьми на Отшельнике. Испортился передатчик? Но за это время его сто раз могли отремонтировать. На Центральную прорвалась сельва? Это было маловероятно, но возможно. Других объяснений просто не приходило в голову.

— Это могла быть только сельва, — сказал Свен.

— С баз оказали бы им помощь, — не то возразил, не то поддержал его Генри.

— Они могли эвакуироваться с Центральной на какую-нибудь базу, — предположил Эрли.

— Нет, — едва разжимая рот, сказал Николай. — Сельва — это ерунда. Что-то другое...

Непомерная тяжесть навалилась на них. Пошевелить пальцем или удержать подбородок стоило больших усилий. Челюсть все время отвисала. Под глазами появились мешки. Особенно плохо прихвядилось Эрли.

Последней его мыслью было: «Что за люди эти космолетчики?!» И он потерял сознание...

Эрли очнулся через восемь часов, когда на короткое время наступило состояние невесомости. С кресла встал только Николай Трайков, чтобы влить в рот обессилевшему журналисту несколько глотков горячего бульона.

— Что со мной? — прошептал Эрли.

— Ты был без сознания. Но так лучше. Так ты сумеешь перенести это. Все будет хорошо.

Остальным было не до еды и воды. А затем началось торможение. Еще восемь часов с тройными перегрузками.

На протяжении всего полета связь с Отшельником установить так и не удалось.

Когда перегрузки кончились, Отшельник в обзорном экране был похож на огромный арбуз, занимающий четверть экрана.

Центральная располагалась на самом экваторе. «Фиалка» приближалась к ней со стороны северного полушария, затянутого полупрозрачной дымкой. Эта дымка, казалось, состояла из искусственных радужных колец, параллельных широтам Отшельника. До поверхности оставалось около двух тысяч километров, до базы — около четырех тысяч.

И вдруг началось что-то странное. Первым это заметил Свен, чувствовавший малейшее движение своего корабля. Нос «Фиалки» стал медленно подниматься вверх. И сразу же начались перегрузки, корабль резко тормозил. Он не подчинялся воле человека. «Фиалка» словно вдавливалась в мягкую пористую резину.

Все произошло так быстро, так внезапно, что никто из людей не успел ничего сделать. Никто, даже Свен, не успел вмешаться. На высоте около полутора тысяч километров корабль повис, ничем не поддерживаемый, потому что двигатели были выключены. Повис на мгно-

вание, а затем начал падать, но не вертикально вниз, а куда-то вбок, градусов под сорок пять к поверхности Отшельника. Это было беспорядочное кувыркание, словно «Фиалка» катилась с горы.

Свен все-таки выбрал момент и включил двигатели ракеты. «Фиалка» свечой рванулась вверх и, пройдя километров сто, стала замедлять движение.

С людьми ничего страшного не произошло, даже Эрли не потерял сознания.

— С чем нам удалось так мило столкнуться? — вскричал Свен.

— Мы ни с чем не столкнулись, — уверенно заявил Николай. — На той высоте над Отшельником не может быть ничего.

— Метеор? — неопределенно вставил Генри.

— Нет, в системе Севана почти нет метеорных потоков.

— Почти — это значит все-таки есть.

— У «Фиалки» нет внешних повреждений, — сказал Николай. — Я проверил. Киберискатели повреждений нигде не обнаружили.

— Надо садиться, — сказал все время молчавший Эрли. — С «Фиалкой» разберемся позже.

— Черт возьми! — вырвалось у Генри, и он отвернулся. — Я не могу поверить, что с ними что-то случилось.

Свен повел корабль на юг к экватору, повиснув над самой Центральной на высоте полутора тысяч километров, медленно, очень медленно начал опускать корабль.

Связи с Центральной по-прежнему не было. Генри Вирт обшарил весь диапазон частот, применявшихся для местной связи на Отшельнике, но эфир молчал.

Корабль снижался. Двухсотметровая сигара напряженно вибрировала. До поверхности оставалось пять-

сот километров, триста, сто... Центральную было видно уже невооруженным глазом. Пятьдесят... Двадцать... Десять... Три... Стали различаться отдельные постройки Центральной. Километр... Двести метров... С такой высоты уже можно разглядеть людей... Чуть заметно вздрогнул корпус корабля. Из «Фиалки» выдвинулись амортизаторы, и корабль лег горизонтально.

Космодром был пуст. «Фиалку» никто не встречал.

4

— Сели, — глухо сказал Свен. — Что дальше?

Ему никто не ответил. Эрли прикоснулся к одной из чуть выступающих из подлокотника цветных кнопок. Круговые амортизаторы разошлись в стороны, и кресло мягко опустилось. Эрли встал. В голове у него шумело, боль давила на виски. Тошнота подступала к горлу. Неуклюже, на несгибающихся, непослушных ногах, не оглядываясь на Свена, пошел он к двери отсека управления, за ним — Генри Вирт.

— Николай! — крикнул Свен. — Всем надеть скафандры и взять бластеры...

— Бластеры? — чертыхнулся Трайков. — Здесь же все пусто. Зачем нам бластеры?

— Этого я не знаю. Кто-нибудь знает, что здесь произошло? — спросил Свен. — По-видимому, нет. Подъемник я заблокировал. Возьмем для начала пробы воздуха. — Через минуту он сообщил: — Состав воздуха обычный. Выйдем все вместе. Ничего не предпринимать по собственной инициативе. Мы не знаем, что здесь произошло, и поэтому должны быть предельно осторожны.

Генри Вирт и Николай Трайков первыми выскочили из командирской рубки. Эрли понимал, что ему не следует лезть вперед. Они хоть знают, что здесь было

раньше, а он и этого не представляет. Пол под ногами чуть пружинил. Размытые пятна светильников проносились мимо. Свен заскочил в камеру, где хранилось оружие. Но им так давно никто не пользовался, что, порывшись несколько секунд, Свен выскочил обратно в коридор, так ничего и не взяв с собой.

Первым спрыгнул на плиты космодрома Генри.

В километре от «Фиалки» виднелся купол Центральной станции с вычурными пристройками, пандусами, переходами, вышками и ажурными башнями. Все это переливалось разноцветными красками, бросая радужные блики во все стороны и отчетливо выделяясь на фоне голубого неба. От купола Центральной на север и на юг протянулись огромные цилиндры накопителей энергии. Еще дальше угадывались силуэты складов, ангаров, подсобных помещений и коттеджей. Ярко-зеленые пятна парков были раскиданы направо и налево, а дальше — черная издали полоса сельвы Отшельника, растянувшаяся по всему горизонту.

«Внешне здесь ничего не изменилось» — подумал Свен, догоняя Эрли. Генри и Николай уже значительно обогнали их.

— Нужна рабочая гипотеза, — сказал Эрли, тяжело дыша.

— Знаю... У Генри совсем сдали нервы.

— Может быть, возвратились те, кто строил Центральную?

— Именно сейчас? Ни столетием позже, ни столетием раньше? Впрочем, возможно и это. Только что тогда делать?

Обычно к «Фиалке» подходили вездеходы, до отказа набитые хохочущими и орущими физиками, технарями, ботаниками, математиками и биологами. Возвращение грузового корабля было праздником для всех.

А тут мертвая тишина. Никаких признаков присутствия людей.

Два вездехода и сейчас стояли около Центральной, а третий с раскрытыми люками находился на полпути от корабля до станции. Генри пробежал мимо него. Николай задержался, вскарабкался на башню и прыгнул внутрь вездехода. Включил освещение. Засветилась доска управления. Трайков мельком, очень быстро осмотрел приборы и ручки управления. Все было в порядке. Запасы энергии максимальные. Заглянул в жилой отсек, там никого не было.

— Интересно, зачем им понадобились вездеходы! — крикнул Свен, заглядывая в люк.

— Они собирались куда-то ехать?

— Непонятно, куда они могли ехать на них. Скорость маленькая. До базы на них не доберешься... Для этого есть винтолеты.

Эрли тоже вскарабкался на башню вездехода. Николай нажал стартер, мотор взревел, и машина рванулась вперед.

— Давай руку! — крикнул Эрли, когда они нагнали Генри.

Входная дверь Центральной оказалась открытой настежь. Генри одним движением взлетел на гранитные ступени.

— Сельва тут ни при чем! — крикнул Свен. — Сельва не прорвалась. — Генри кивнул, как бы говоря: «Понимаю, вижу». — Ты куда?

— К биологам.

— Подожди Ника и Эрли.

— Я посмотрю, что в секторе Озы! — крикнул Генри, останавливаясь в дверях.

— Возьми с собой Ника!

— Хорошо!

Вирт и Трайков скрылись в коридоре, ведущем во

внешнее кольцо Центральной станции. Громкий стук ботинок затих за поворотом. Свен жестом пригласил Эрли следовать за собой. Они поднялись на эскалаторе на самый верх Центральной, туда, где находился штаб экспедиции, научная резиденция Конрада Стаковского и его помощников — Эзры и Юмма. Дверь помещения оказалась запертой. Свен и Эрли несколько раз попытались открыть ее, но дверь не поддавалась.

— Людей нет. Сельва не прорвалась. Никаких следов катастрофы, — сказал Эрли. — Почему исчезли люди?

— Люди могли улететь на базы, как часто бывает. Но здесь все равно кто-нибудь должен остаться. Человек пять. А к прилету «Фиалки» они все собираются здесь. На базах защита от сельвы значительно слабее. Но все двадцать сразу?.. Что бы ни было, а проникнуть в штаб нам надо обязательно. Там кто-то дежурит постоянно. Там должен быть дневник экспедиции. Мы хоть что-нибудь узнаем.

Они немного помолчали, потом Свен сказал:

— Я сбегая за чем-нибудь тяжелым. — Он помчался вниз, перепрыгивая через три ступеньки.

Эрли медленно пошел по кольцевому коридору. С одной стороны возвышалась стена помещения штаба, или, как его еще называли, главного пульта экспедиции. Другая сторона — купол Центральной станции — была прозрачная. Прозрачным был и потолок коридора. Коридор был небольшим, метров пятьдесят в окружности. Эрли несколько раз обошел его, собираясь с мыслями. Свен задерживался слишком долго. Это насторожило Эрли. Что там еще могло случиться? Наконец он не вытерпел и сбежал по эскалатору вниз.

— Свен! Свен!

Никто не ответил. Эрли пробежал по коридору третьего кольца несколько десятков метров и снова крикнул.

И снова ему никто не ответил. Эрли бросился к подземному переходу во второе кольцо, где были хозяйственные помещения. Он понимал, что может заблудиться в этом лабиринте коридоров, переходов и эскалаторов, но и оставаться на месте он тоже не мог. Налево тянулась цепочка светильников, направо было темно. Эрли машинально бросился на свет и тут же сообразил, что светильники включил Свен. Значит, он шел здесь.

Светящаяся линия вдруг свернула в сторону, противоположную подсобным помещениям, и через десяток метров оборвалась у эскалатора № 5 третьего кольца. Эрли поднялся наверх и очутился в двухстах метрах от того места, откуда он начал свое путешествие.

— Свен! — закричал Эрли.

— Здесь я, — ответил голос совсем рядом, и за ближайшим поворотом Эрли увидел Свена, прижавшего ухо к двери.

— Что случилось?

— Там кто-то плачет.

— Что-о-о? — радостно и удивленно сказал Эрли.

— Тише, тише, — зашептал Свен. — Слушай.

Эрли на цыпочках подошел поближе. За матовой перегородкой комнаты действительно кто-то плакал. Эрли потихоньку надавил на ручку двери. И эта дверь была заперта.

— Я услышал еще внизу и поспешил сюда, — сказал Свен. — Кто-то плачет и не открывает дверь. Придется выломать. Что нам еще остается делать?

— Подожди! — Эрли постучал в дверь кулаком.

Плач внезапно прекратился.

— Откройте!

— Не-э-э-эт! Не-э-эт! — голос был хриплый, срывающийся, жалкий.

— Ломай! — крикнул Эрли.

Свен надавил на дверь плечом. Дверь поддалась не сразу.

— Не надо! Не надо! — Это уже был голос затравленного, перепуганного насмерть человека.

Дверь с грохотом упала на пол. Свен и Эрли влетели в комнату.

— Эрли, это же Эва! — крикнул Свен.

— Эва?!

— Нет. Я не знаю вас. Я не знаю вас, — чуть слышно шептали губы девушки. Она медленно пятилась среди столов. Зацепила рукой какой-то прибор, и он с грохотом упал на пол. Девушка прильнула к стене, словно стараясь втиснуть в нее свое тело.

— Эва, это я, Свен. Командир «Фиалки». Что с тобой? — Свен медленно подходил к девушке, вытянув вперед руки.

— Нет. Это невозможно.

— Успокойся, Эва. Успокойся.

— Нет... нет...

Свен дотронулся до плеча девушки. Она смотрела на него испуганными глазами затравленного зверька. Свен тряхнул ее.

— Что произошло?

— Свен. Ну конечно, Свен, — вдруг сказала она тихо. — Это ты... Как здесь страшно.

— Эва!

— Молчи, Свен... — И она прижалась лицом к его широкой груди.

— Где Стаковский? Где остальные? — пытаюсь оторвать ее от себя, спрашивал Свен.

Тело девушки вдруг обмякло, и Свен едва удержал ее.

— Эрли, она потеряла сознание. Нужно унести ее. Ты знаешь, где ее коттедж?

Эрли пожал плечами, потом нагнулся к девушке:

— Она спит.

— Первая линия, номер семь. Тебе помочь?

— Я найду. — Эрли осторожно взял девушку на руки и вышел из комнаты.

Свен сел за ближайший стол и набрал на диске внутренней связи код вызова Генри Вирта. Вирт не ответил. Свен вызвал Трайкова.

— Я слушаю, — сразу же ответил тот.

— Почему не отвечает Вирт?

— Он сидит в лаборатории Озы. Не тревожь его несколько минут. Он надеется что-нибудь найти. Записку от Озы или еще что...

— Хорошо. Ник, мы нашли здесь Эву!

— Как... Эву?.. Разве здесь кто-нибудь есть?

— Пока только одна она.

— Эва! — радостно произнес Трайков. — Она что-нибудь сказала?

— Нет. Она без сознания. Идите немедленно в ее коттедж. Знаете, где он?

— Конечно, знаю.

— Идите, скорее.

— Идем.

5

Эрли бережно вынес девушку на крыльцо Центральной. Севан стоял почти в зените, и только сейчас Эрли заметил, как здесь жарко. Коттеджи находились метрах в трехстах от главного подъезда, и, чтобы сократить расстояние, Эрли пошел прямо по траве. Знакомая, земная трава мягко шелестела под ногами, ветви деревьев цеплялись за лицо и одежду. Их прикосновение было удивительно нежным и приятным. Эрли поймал себя на том, что он не думает о происшедшей здесь катастрофе, что он забыл о Лэй, забыл обо всем,

что его заботит только одно — как бы неловким движением не потревожить сон девушки.

Эрли очнулся, и ему сразу же стало плохо. Время! Сколько времени прошло с тех пор, как они сели на Отшельник? Минут тридцать. А еще ничего не известно. Что с Лэй? Что произошло со всеми? Вся надежда на Эву и на то, что в главном штабе экспедиции они найдут какие-то записи... Должны найти!

Он пристально посмотрел в лицо Эве. Что она здесь пережила?

Эрли нашел коттедж, пинком распахнул дверь. Прошел одну комнату, другую. Где спальня? Черт бы побрал архитекторов! Здесь и заблудиться недолго. Наконец он увидел широкий низкий диван и положил на него девушку. Она спала. Сердце билось равномерно, дыхание было спокойное. Эрли выглянул в окно.

Николай Трайков, прыгнув с крыльца Центральной, бежал к коттеджу. Свен и Генри шли медленно. Они несколько раз останавливались. Видно было, что Томсон что-то говорит Вирту. Тот только отрицательно качал головой.

— Что с ней? — спросил Николай.

— Спит, — односложно ответил Эрли.

— Неужели она ничего не сказала?

— Сказала: «Как здесь страшно».

— Что это могло означать?

— Или то, что случилось со всеми, или то, что пережила она, или то и другое вместе. Нужно ввести ей стимулятор НД. У нас нет времени. Надо, чтобы она очнулась... Потом поспит.

— Хорошо, — ответил Николай и вышел в ванную, где обычно хранились всякие лекарства.

В комнату вошли Свен и Генри.

— Генри просит дать ему винтолет, — с порога сказал Свен.

— Я только долечу до Озы и вернусь обратно. Это же всего четыре часа, — торопливо заговорил Генри. — Все равно на базы придется лететь. А Оза на самой ближней. Дайте мне винтолет.

— Но ведь ты даже не умеешь водить его, — сказал Свен и отвернулся. Трудно было вынести молящий взгляд Генри.

— Это не так уж и сложно.

— Нет, Генри, нет. Нас только пятеро. И прошло уже тридцать пять минут, как мы здесь, а мы еще ничего не знаем! Ничего! Понимаешь? — И он тихо добавил: — Потерпи немного. Сейчас проснется Эва.

Генри подскочил к Свену и схватил его за «молнию» куртки.

— По какому праву ты здесь командуешь?! Здесь не «Фиалка». Ты кто? Стаковский? Здесь по два винтолета на каждого! Можете заниматься чем хотите, а я полечу к Озе. Потому что мне обязательно нужно знать, что с ней случилось. Мне нужно это знать сейчас, понимаешь? Я не буду ждать, пока вы тут разберетесь!

— Ну что ж, — тихо сказал Свен. — Пусть решают все.

Вошел Николай, держа в вытянутой руке шприц. Он протер Эве руку выше локтя ваткой, смоченной в спирте, и сделал укол. Генри вдруг молча сел в кресло, закрыл глаза, откинулся на спинку и стал медленно раскачиваться вместе с креслом, вцепившись руками в подлокотники.

Эва открыла глаза, недоверчиво осмотрела комнату и едва слышно прошептала:

— Мальчики...

— Успокойся, Эва, — Свен подошел к ней, помог приподняться, сделал жест в сторону Эрли. — Эрли Козалес, журналист-физик. Прилетел с нами...

Девушка села, поджав под себя ноги и опершись на правую руку.

— Значит, я не сошла с ума?..

— Что здесь произошло? — твердо спросил Свен.

— Если бы я знала это...

— Эва, что здесь произошло? — повторил Свен.

— Я не знаю, что здесь произошло... Но я расскажу все, что знаю. Через четыре дня после того, как вы стартовали с Отшельника, Стаковский объявил, чтобы все готовились к вылетам на базы. Это периодически бывало и раньше. Никто не удивился. Начались сборы. Десятого на Центральной остались только Эзра, Юмм и я. Остальные на винтолетах вылетели на базы.

— Все, кроме вас троих?

— Да.

— И Оза вылетела на свою базу? — бесстрастно спросил Генри.

— Да. Ее уговаривали остаться, но она настояла, чтобы ее тоже послали.

— Когда же они должны были вернуться?

— Двенадцатого. Кроме тех, кто жил на базах постоянно.

— Что предполагал сделать Стаковский? — спросил Свен.

— Не знаю. Я слышала, как Эзра говорил Юмму, что Стаковский хочет показать, что такое качели.

— Качели? — переспросил Свен.

— Что за качели? — спросил Эрли.

— Не знаю, — Эва пожала плечами. — Эзра и Юмм сидели в помещении главного пульта управления, в штабе. Оттуда ведь связь со всеми базами. Там и математическая машина. Они послали меня за кофе. За обыкновенным кофе. Я спустилась вниз. Кофе стоял в термосах в баре. Я взяла один и поднялась вверх. Все это заняло у меня не более двух минут, так мне

показалось. Я зашла в помещение главного пульта. Эзры и Юмма там не было. Там, где они сидели, я увидела два скелета и лохмотья истлевшей одежды... — Эва закрыла лицо руками и покачала головой. — Это что-то страшное.

Свен присел на краешек дивана и отвел руки девушки от заплаканного лица.

— Что было дальше?

— Я испугалась. Я не могла объяснить себе, что здесь произошло. И это было самое плохое. Я вызвала все базы сразу. Никто не ответил. Вся радиоаппаратура была выведена из строя. Я выбежала из купола, захлопнула дверь. Может быть, сумею вызвать их из сектора внешней связи, думала я с надеждой. Она ведь дублирует связь пульта. Никто не отвечал и там. И тут я представила, что осталась одна на целой планете, не зная, что произошло со всеми, что произойдет со мной сейчас, в следующее мгновение, через минуту.

Я осталась одна. Это было ужасно. Я заставила себя зайти в помещение главного пульта. Нужно было привести в порядок материалы. Должны же вы были прилететь на Отшельник! Я обязана была облегчить вам задачу. Хотя чем-то помочь. Но память вычислительной машины оказалась чистой — никакой информации! Словно ее кто-то нарочно стер. Ленты регистрирующих приборов исчезли. Там все заржавело, потрескалось, разрушилось. Не осталось ни одного документа, по которому можно было бы судить, что делалось на базах в эти два часа до катастрофы. Там вы не найдете ничего.

Эва замолчала.

— Продолжай, Эва. Нас теперь пятеро, — сказал Свен.

— И тогда у меня начались галлюцинации. Я думала, что схожу с ума. И от этого стало еще хуже, еще

страшнее. Иногда я видела Эзру и Юмму. Они ходят по Центральной. Они всегда спорят. Но ведь их нет. Ведь они же умерли. И все равно они ходят. Это сумасшествие? Человек не может столько вынести. Какое сегодня число?

— Двадцать третье.

— Значит, сумасшествие длилось двенадцать дней. Я похожа на сумасшедшую?

— Ты здорова, Эва, — сказал Николай. — Но ты очень устала.

— Я боюсь.

— Теперь ничего не бойся, Эва, — Свен положил руку ей на плечо. — Ты не упустила ничего существенного?

— Нет... Я устала. Я устала от всего этого.

— Эва, ты сейчас уснешь. Тебе надо отдохнуть.

— Вы меня не оставите одну? Правда ведь?

— Эва, ты будешь здесь одна. Мы не можем терять времени. Ты должна понять нас.

— Хорошо, я усну. Но не более двух часов. Этого будет вполне достаточно.

— Спи, Эва.

Четверо вышли из комнаты. Девушка проводила их взглядом, полным надежды. Теперь их пятеро.

6

Эрли вышел на крыльцо деревянного коттеджа и огляделся. Вокруг было так красиво! Разбросанные в беспорядке домики посреди могучего тенистого парка. Белая громада Центральной, словно плывущая на фоне бездонного голубого неба. Мягкая зеленая трава и дикие цветы, совсем как на Земле. Странные, кружащие голову запахи, на которые он раньше не обратил внимания, — все было необычно, ново, незнакомо.

Он оглянулся и выругал себя за неуместные сентименты: перед ним был Отшельник, его дремучая сельва и тысячи нерешенных проблем. Двести десять человек, оснащенных самыми совершенными средствами передвижения, связи и защиты, не вернулись на Центральную базу.

И снова, как и тогда, когда он нес Эву, ему стало плохо. Если бы у него было время разобраться в этом чувстве, он бы понял, что это страх. Страх, что он больше никогда не увидит Лэй. Самый сильный страх, когда человек даже не осознает, что он боится.

— Что будем делать дальше? — спросил Свен Томсон. — Ведь так нельзя, — и он показал рукой на других. — Надо что-то делать.

Генри Вирт лежал на траве лицом вниз и, кажется, плакал. Николай Трайков нервно покусывал губы.

— Прошел уже почти час, — сказал Эрли, — А мы по-прежнему ничего не знаем. Надо выработать план действий. Ведь не могли же они все сразу...

— Почему вы не пустили меня к Озе?! — крикнул Генри. — Почему?! — И он застучал кулаком по траве. Свен подскочил к нему, рывком поднял с земли и сильно встряхнул.

— Генри! Приди в себя! Не распускайся!

— Прости, Генри, — сказал Эрли. — Ты полетишь к Озе. Наверное, мы сейчас так и решим. Сейчас мы пойдем в Центральную и там все решим...

Генри взял себя в руки, встал, и они все четверо направились к Центральной.

— О каких качелях все-таки говорил Стаковский? — спросил Эрли Свена. — Вы не знаете, что он имел в виду?

— Ничего не приходит в голову, — ответил Свен.

— Раньше никогда об этом не было разговоров?

— Ничего подобного мне не приходилось слышать. Они остановились в главном пульте связи.

— Как можно изобразить качели? — вдруг спросил Николай. Остальные удивленно и непонимающе посмотрели на него.

— Ну как наиболее просто, схематично можно изобразить качели?

Эрли нарисовал на бумаге прямую линию через весь лист, а посередине под небольшим углом пересекает ее коротким отрезком прямой.

— Примерно так нарисовал бы и я, — сказал Свен. — Но к чему вопрос? Ты где-нибудь видел такое?

— Видел. Совсем недавно видел, не один раз. Может быть, неделю назад, может быть, больше. Только где и почему?.. Не могу вспомнить. Но я постараюсь.

— Сразу не можешь? — спросил Свен.

— Нет.

— Постарайся вспомнить, — сказал Свен. — Может быть, именно в этом разгадка. А пока давайте выработаем план действий. Мы не можем все время находиться вместе. Поэтому нам будет нужна связь друг с другом. Нам нужен какой-то центр, куда бы стекалась вся информация, которую мы будем собирать. Один из нас должен постоянно находиться здесь, в Центральной. Лучше всего у главного пульта связи. Это будет удобно еще и в том случае, если кто-нибудь из них вдруг заговорит... Кто останется? Генри, конечно, не захочет этого...

— Нет.

— Тогда кто? Я вынужден лететь с Генри, хотя мог бы и один.

— Нет, — повторил Генри.

— Эрли мало что знает здесь...

— Эва, — сказал Николай. — Пока она спит, здесь буду находиться я. А когда она проснется... Мне, наверное, найдется работа более подходящая...

— Хорошо, — Свен встал и заходил по комнате. — Каждый должен взять радиостанцию внутренней и внешней связи и никогда не расставаться с ней. Каждый обязан всегда иметь с собой хотя бы легкий бластер, потому что мы не знаем, что здесь произошло. Генри и я вылетим на винтолете к базе Озы. Нам на это хватит четырех часов.

— Маяк там не работает, — сказал Генри. — Я прослушивал эфир.

— Раньше хватило бы четырех часов. А без маяка... Я не знаю, смогу ли быстро найти ее по карте.

— Я бывал там, — сказал Генри. — Мы найдем ее быстро.

— Тогда вылетаем немедленно. Эрли, попробуй взломать дверь штаба.

— Эва же говорила, что у нее есть ключ, — сказал Николай.

— Действительно. Как я забыл? Тем лучше. Ну что ж, пошли. Что мы будем делать через несколько часов, я не знаю.

— Не будем загадывать, — сказал Николай, и они вышли в коридор.

Свен сказал:

— Если это вернулись те, кто был до нас... Если они настроены к нам враждебно, нам ничего не останется, как взлететь на «Фиалке». Я бы так и сделал, будь я уверен, что мы здесь одни.

Минут пять им понадобилось, чтобы разыскать карманные радиостанции и бластеры. Свен и Генри побежали к стоянке винтолетов. Николай включил все приемники пульта связи. Эрли пошел в коттедж Эвы.

Эрли решил не будить Эву. Несколько часов они обойдутся и без нее. Пусть лучше как следует отдохнет. Он выдвинул несколько ящичков из ее бюро, но ключей там не оказалось. Ключ оказался на груди у девушки на цепочке вместе с маленьким медальоном. Стараясь не разбудить девушку, он расстегнул цепочку и тихонько потянул за нее. Девушка слегка пошевелилась и сжала ему руку, но не проснулась. Наконец ключ оказался у него, и он не стал тратить времени, чтобы снова застегнуть цепочку. Потихоньку вышел из комнаты.

Перед дверью в комнату главного пульта он остановился, перевел дыхание, включил радиостанцию и спросил у Трайкова:

— Ник, они уже улетели?

— Улетели. Все нормально. Я буду разговаривать с ними каждые двадцать минут. Ты можешь заниматься своим делом.

— Ну и отлично.

— Ты где?

— Открываю дверь главного пульта. Ключ едва нашел...

Эрли открыл дверь. На него пахнуло застоявшимся воздухом. Это его удивило. Неужели испортилась вентиляция? Не зажглись и автоматические светильники. Едва заметно светился потолок, к северу и к югу чуть ярче, в центре совсем темная полоса. При таком освещении трудно было различить что-либо, и Эрли двигался почти на ощупь. Немного помогла полоса света, идущая из открытой двери.

Внутреннего устройства помещения главного пульта он не знал, но глаза понемногу привыкали к полумраку. Он даже двигался увереннее, но вся его уверенность

мгновенно пропала, когда он взялся рукой за спинку кресла и матерчатая обивка рассыпалась под пальцами в пыль. Эрли вздрогнул и остановился. Нет, лучше взять фонарь. Но почему не работают светильники? Он быстро по светлой дорожке отошел к двери и нащупал рукой выключатель. Нажал. Щелчка не получилось. Детали выключателя с шумом упали на пол.

— Эрли, — вызвал его Трайков. Тот вздрогнул от неожиданности и ответил шепотом:

— Да, Ник.

— Что там у тебя?

— Непонятно...

— Помочь?

— Нет, Ник. Скажи лучше, где мне побыстрее найти фонарь?

— Фонарь? Ты что, в подземелье?

— Не думай, что я спятил. Автоматика не работает, а выключатель рассыпался у меня в руках.

— Ближе, чем в хозяйственных помещениях, вряд ли найдешь. Принести тебе?

— Я сам. Нельзя уходить от пульта связи.

— Связь еще через тринадцать минут. Успею.

— Нет, Ник. Кто-то каждую секунду должен быть на связи.

Эрли спустился по эскалатору вниз, снова пробежал по коридору третьего кольца, нырнул в подземный переход. Бластер колотил его по спине прикладом. И Эрли даже подумал, что здесь, на Центральной станции, оружие совершенно ни к чему. Цепочка огней бежала вместе с ним, немного опережая его. Здесь все работало нормально. В хозяйственном помещении была справочная машина. Эрли нажал кнопку «автономное освещение», запомнил номер секции и бросился дальше. Двери секции уже открывались перед ним, когда

он подбежал. Особенно размышлять было некогда, и он схватил небольшой карманный фонарь, положил его в комбинезон. Нашел на полках два больших электрических фонаря, взял их в руки, потом, немного помедлив, взял еще два. Больше ему не унести.

Все так же бегом вернулся он к главному пульту, глотнул воздуха перед дверью и вошел. Поставив на пол фонари, он зажег один и, подняв его над головой, медленно пошел вперед.

Это был круглый зал диаметром метров в сорок. По стенам стояли шкафы с электронной аппаратурой вспомогательного обслуживания, вычислительные машины, накопители информации, самописцы. Около них стояло полтора десятка операторских кресел. Все они бывали заняты операторами, когда Конрад Стаковский начинал очередной аврал по обработке накопившейся информации.

В центре зала десятиметровой подковой располагался пульт: разноцветные доски с клавишами для набора программ, аппараты обратной связи с двадцатью базами, расположенными на Отшельнике, пульт главной математической машины, сигнальные световые табло, аппараты видеосвязи.

В самом центре зала стояло еще несколько кресел. В них обычно работали Конрад Стаковский, Филипп Эзра, Эдвин Юмм и некоторые другие члены экспедиции.

Эрли поставил фонарь на пульт, обошел его кругом, ни к чему не прикасаясь, и затем зашел внутрь. Первые два кресла оказались пустыми. В третьем и четвертом лежали два человеческих скелета, обтянутые кое-где кожей и лохмотьями одежды.

Эрли несколько секунд рассматривал их, потом судорожно вдохнул теплый затхлый воздух и сдвинул виски руками. В третий раз на него накатила волна

страха, и он попятился к выходу, сдерживая рвавший-ся из горла крик. Он наткнулся на угол двери и вздрогнул от неожиданности. Яркий свет в коридоре немного привел его в себя. «А каково здесь было Эве? — подумал он. — Женщина. Одна. И она еще кое-что сумела нам рассказать. Она нашла в себе силы убедиться, что в запоминающих устройствах стерта вся информация. Я даже этого с первого раза не смог сделать».

— Эрли, что там у тебя? — вызвал его Трайков.

— Осталось узнать, что случилось с остальными двумястами восемью...

— Значит... Эва сказала правду?

— Еще какую правду.

— Меня вызывает Генри. Отключаюсь.

— Осталось узнать, что произошло с остальными двумястами восемью, — прошептал Эрли и снова вошел в зал.

8

На стоянке было около десятка винтолетов. Свен бросился было к маленькому, двухместному, но Генри остановил его.

— А вдруг они живы и их надо будет срочно перевезти сюда?

Томсон не стал возражать, они подбежали к большому десятиместному винтолету, положили туда свои бластеры и влезли сами. Свен заглянул в багажное отделение, желая убедиться, что там есть огнеметы. Лететь в сельву без них было бы настоящим безумием.

Свен круто поднял винтолет. Купол Центральной станции метнулся в сторону, замелькали белыми клавишами накопители энергии, темными горошинами рассыпались деревянные домики коттеджей, и через

минуту исчезли последние пятна ярко-зеленых парков. Внизу расстилалась сельва.

— Генри, — сказал Свен. — Выйди на связь с Центральной. Надо все проверить.

— Хорошо... Ник! Как слышимость? — спросил Генри, включив радиостанцию. — Отвечай.

— Отлично, — ответил голос Трайкова. — Как у вас? Все в порядке?

— Все нормально, — сказал Генри и обратился к Томсону: — Связь действует, Свен... Ник! Я буду вызывать Центральную каждые двадцать минут, как договорились.

— Хорошо.

Сверху сельва казалась однообразной. Угрюмые нагромождения грязно-зеленой растительности. Лишь на мгновение глаз кое-где угадывал робкие блики рек и озер. Местность была равнинная. На Отшельнике вообще не было больших гор.

«Куда ни глянь, всюду сельва! — Вирт передернул плечами. — А если сельва ворвется на какую-нибудь из баз? Страшно даже подумать. Дикий разгул исключительно живучих омерзительных растений-ползунов и животный мир, у которого только одна цель — пожирать. Никакие бластеры тут не помогут. Жуткая сельва. Но пока на базах действуют установки запрета, сельва не страшна. Все может выйти из строя, только не установки запрета».

Генри Вирт краем глаза взглянул на указатель скорости. Светящаяся черта дошла до предела.

Свен и Генри молчали. Свен старательно сверял разворачивающуюся перед ним картину местности с картой. Генри Вирт думал о своем. Он не хотел верить, что с его Озой что-нибудь произошло.

Прошло двадцать минут с тех пор, как они вылетели, и Вирт вызвал Центральную.

— Ник, как слышимость?

— Отлично. Ты чего разговариваешь скороговоркой? Что-нибудь случилось?

— Все нормально. А у вас?

— Эрли только что говорил из главного пульта управления. — Николай старательно растягивал слова. Голос его стал низким и хриплым. — Эзру и Юмма можно больше не искать, их уже нет.

— Отчего?..

— Он ничего больше не сказал.

— Ничего, Ник?

— Ничего, Генри.

— У тебя такой голос, Ник... Хриплый, мурашки по коже.

И снова внизу однообразная грязновато-зеленая сельва.

Свен повернул голову к Вирту:

— Через час, если все будет в порядке, увидим базу номер два. Сколько на ней было человек?

— На ней четверо! — ответил Генри, и Томсон понял, что он зря сказал «было» — Оза, Вытчек, Юргенс и Стап. Их там четверо.

— Я не умею успокаивать, Генри.

— Спасибо. Так лучше... Интересно, связь прервалась одновременно со всеми базами или нет?

— Может быть, и не совсем одновременно. Ведь Эва не сразу бросилась к пульта связи. Многое могло произойти за эти минуты.

— А сельва?

— Одновременно на всех базах? Трудно даже представить.

Прошло еще двадцать минут. Вирт вызвал Центральную.

— Ник, как слышимость?

В ответ раздалось низкое хриплое рычание. В горле Трайкова что-то бурлило и клокотало.

— Николай! Что случилось? Что случилось?

Рычание медленно затихало.

— Свен, ты что-нибудь понимаешь?

— Возвращаемся!

— Я спрашиваю, ты что-нибудь понимаешь?

— У них что-то случилось, Генри. Надо возвращаться.

— Здесь со всеми что-нибудь произошло. Возвращаться не будем. Ну! Ты же понимаешь меня, Свен? Ты все понял, правда ведь?

— Я возвращаюсь.

— Осталось меньше часа, и мы узнаем, что произошло на второй базе.

— А если те трое, на Центральной, нуждаются в нашей помощи?

— Делай как хочешь, — Вирт безучастно откинулся в кресле.

Винтолет сделал крутой вираж.

— Возьми себя в руки, черт! — заорал Свен. — И попытайся наладить связь!

— Попытаюсь, — ответил Вирт шепотом.

Центральная на позывные не отвечала. Рев и глухой рокот иногда прерывались паузами относительной тишины. Свен и Вирт молча вслушивались в непонятные звуки.

9

Эрли снова вошел в зал и, стараясь не смотреть на те два кресла, расставил электрические фонари таким образом, чтобы они равномерно освещали всю площадь. Затем он выработал примерный план действий. Сначала он решил выяснить, что произошло с систе-

мами автоматики, потом осмотреть накопители информации, магнитную память вычислительных машин, самописцы. Осмотром останков двух ученых он решил завершить исследования здесь.

При самом беглом осмотре он обнаружил, что вентиляционные колодцы полностью разрушены, а компрессоры превратились в груды лома. Скрытую электропроводку он не смог рассмотреть, но все выключатели и розетки пришли в негодность. Пластмасса растрескалась, контакты покрылись толстым слоем ржавчины, нечего было и пытаться что-нибудь включить: от одного прикосновения разваливались резиновые шланги и кабели приборов.словно какая-то чума, какая-то болезнь напала на материалы, из которых были изготовлены различные приборы и механизмы. И только стены и пол, сделанные из термостойкого вечного пластика, казались такими же новыми.

Ручки приборов не вращались, клавиши не продавливались или проваливались от малейшего прикосновения и уже не возвращались в исходное положение.

Ничего не осталось от бумажных лент в самопишущих приборах. Магнитные барабаны вычислительных машин покособились, а магнитные ленты превратились в порошок. Не сохранилось никаких носителей информации и в блоках накопителей информации.

Эрли осторожно переходил от одного прибора к другому, стараясь ничего не задеть, но то и дело что-нибудь с грохотом падало на пол, разваливаясь серой кучкой пыли или бесформенными обломками пластмассы и проржавевшего металла.

И все-таки в этом хаосе изуродованных, искалеченных, мертвых приборов и предметов наблюдалось что-то вроде закономерности. Экватор планеты проходил прямо через центр зала. И все, что располагалось в непосредственной близости от этой условной линии, рас-

сыпалось в прах чаще, чем предметы, расположенные у противоположных стен.

— Смерть началась с экватора, — сказал сам себе Эрли.

Потом он вошел в большую подкову пульта управления, остановился у кресла, в котором, возможно, сидел Филипп Эзра. В момент смерти он, несомненно, сидел. Об этом говорило положение скелета. Но время не пощадило и его, и череп сейчас глядел пустыми глазницами из-под ободранного подлокотника кресла. Эрли с минуту постоял над ним...

— Печальная история...

Он попытался представить себе, что мог делать Филипп Эзра, когда его настигла смерть. Какие клавиши программ он нажимал? О чем он думал? Что хотел сделать? А Эдвин Юмм? О чем они говорили перед смертью? Что означает слово «качели»?

В результате осмотра Эрли не пришел ни к какому выводу. Эзры и Юмма больше нет в живых. Все, что находилось в главном пульте управления, пришло в негодность, рассыпалось, развалилось. Но непонятно, почему это произошло. Эпидемия? Но почему только здесь, в куполе Центральной? И какое отношение это имеет к экваториальной линии?

Впрочем, откуда он взял, что это произошло только в главном пульте? Потому что кольцевой коридор не подвергся разрушениям? Но в нем ничего нет. Ведь и в помещении главного пульта пол выглядит совсем новым.

Эрли вышел в коридор и начал внимательно осматривать его.

Если бы он не ожидал этого заранее, то наверняка бы не заметил, как не увидел сначала. Да, в коридоре на стенах он нашел несколько трещин. Это потрескалась пластиковая обивка стен. Эрли распахнул в кори-

доре окна. Он хотел посмотреть, что там, на земле, над этой воображаемой линией экватора. Но крыши Центральной станции тянулись на несколько сот метров во все стороны, и на земле из-за дальности расстояния он ничего не мог различить. Правда, по крышам вроде проходила темная полоса.

Какая-то закономерность тут есть, но пока ухватиться было не за что.

— Эрли, — вызвал его Трайков, — сейчас связь с Виртом. Что тебе еще удалось выяснить?

— Здесь все разрушено. Сколько вы находились в полете?

— Двенадцать дней, — удивленно сказал Трайков.

— А что, если я тебе скажу, что вы не были на Отшельнике лет эдак пятьсот? А? Что ты молчишь?

— В некотором смысле, может быть, и пятьсот.

— Нет, в полном, единственном смысле. Я нахожусь сейчас в главном пульте. И я уверяю тебя, что здесь прошло несколько сот лет. Ну, может быть, десятков. В общем, какая разница. А что, если вы летали действительно несколько сот лет?

— Эрли, я сейчас приду к тебе.

— Не надо, Ник. Я не сошел с ума. На Отшельнике прошло несколько дней. Ведь и Эва это подтверждает. А здесь несколько сот лет. Это может быть и нашествие какого-нибудь вируса.

— А что, если вернулись хозяева планеты?

— Такая жестокость? Тогда нам тоже несдобровать. Здесь есть одна странная закономерность.

— Что?

— Хочу пойти проверить.

— Хорошо. Отключаюсь.

Эрли спустился в третье кольцо, решив пройти по нему и установить, что же произошло в лабораториях,

расположенных так же, как и главный пульт, над линией экватора.

Пульт связи находился в правом крыле, Эрли пошел в левое. Но не успел он пройти и нескольких десятков шагов, как его снова вызвал Трайков. Он был чем-то взволнован, хотя и старался говорить спокойно:

— Эрли, ты можешь зайти ко мне?

— Что случилось?

— Вирт и Томсон не отвечают.

Эрли сразу же повернул назад, в правое крыло.

— У них что-то там воет. Сначала вообще ничего не было слышно. Потом еле различимо. Вроде ультразвука. А сейчас пронзительный вой.

Что же могло с ними случиться? Винтолеты сверхнадежны. Впрочем, здесь все было сверхнадежно, и многое обратилось в прах.

Эрли открыл дверь зала связи. Трайков сидел к нему спиной и кричал в микрофон:

— Вызываю Вирта! Я Трайков! Вызываю Вирта! Прием.

Щелкнув тумблером, он повторил все сначала. Эрли тяжело опустился в кресло и закрыл лицо ладонями.

— Не отвечают, — сказал Николай, поворачиваясь к нему.

— Ничего. Вызывай.

Николай снова начал вызывать Вирта.

— Я не сказал тебе. Это мне как-то раньше в голову не пришло. Надо по всем каналам связи вести запись на магнитную ленту. Правда, мы все не сможем прослушать, но можно будет заложить ленты в математическую машину. Пусть обрабатывает. Может быть, мы получим хоть один бит информации.

— Я все записываю и периодически прослушиваю. Ничего нет... Вызываю Вирта! Я Трайков! Прием.

- Уже два часа...
- Что ты сказал?
- Уже почти два часа, как мы на Отшельнике.

10

Они летели по направлению к Центральной базе минут пятнадцать. На мгновение воздух перед винтолетом затуманился, и машину с силой бросило вперед, как из туги натянутой пращи. Чувствовалось, как от бешеного сопротивления воздуха завибрировал обтекаемый корпус, их обоих вдавило в кресла. Свен сбавил скорость, но она вдруг скачком упала до половины максимальной, их бросило с сиденья вперед.

— Чертовщина, — пробормотал Свен. — Где-то в этом районе, когда мы еще летели на вторую базу, скорость винтолета резко упала, и мне пришлось до предела увеличить мощность двигателей, а теперь все наоборот. Вроде какого-то порога. Никогда раньше не сталкивался с таким явлением. И атмосфера спокойная.

— И пелена какая-то, вроде дымки.

— Так, значит, она действительно была? А я думал, что это мне показалось.

— Вызываю Вирта! Я Трайков! — вдруг раздалось в микрофонах хриловато и нарочито медленно.

— Я слышу, Ник! — закричал Генри. — Что у вас произошло? Почему не отвечали?

— У нас все нормально. Почему *вы* не отвечали?

— Мы вышли с вами на связь. Вы не отозвались. Тогда Свен решил, что у вас что-то произошло, и повернул назад. Нам осталось лететь до вас минут двадцать. Возвращаться нам или лететь на вторую базу?

— Эрли говорит, что можно лететь на вторую... Но почему не было связи? И вообще, что ты там тараторишь?

— Я говорю нормально. Это ты, Ник, кажется, засыпаешь.

Иногда между словами и фразами наступали небольшие паузы, и каждый думал, что с противоположной стороны обдумывают ответ.

— Чертовщина какая-то, — снова пробурчал Свен. — Держи связь все время. Мне что-то не нравится эта пелена.

— Ник, — сказал Генри, — говори что-нибудь без передышки. Интересно, на какой минуте прервется связь?

— Ты думаешь, опять прервется?

— Не знаю. Говори. Что там у Эрли?

— У Эрли? Все неопределенно. Предполагает, что мы не были на Отшельнике лет пятьсот.

— Ого! Ничего себе. Он где сейчас?

— Сидит рядом. Я вызвал его, когда прервалась связь.

— Ник, не растягивай, пожалуйста, так слова.

— Я говорю нормально. Это ты все время торопишься. Всю жизнь торопишься.

В ответ Трайков услышал пронзительный вой, прерываемый продолжительными паузами. И кабину винтолета заполнил глухой, низкий рев из телефонов.

— Связь прервалась, Свен, — сказал Генри.

— И опять эта пелена. И винтолет входит в нее словно в тугую резину. Надо все-таки проверить, что это такое. Я разворачиваюсь.

— Хорошо.

— Следи. Вот она приближается. Держись! Сейчас будет толчок.

Винтолет рвануло вперед, но Свен справился с непослушной машиной гораздо увереннее, чем в прошлый раз, и в тот же момент из телефонов донеслось:

— ...ываю Вирта! Я Трайков!

— Слышу нормально.

— Что у вас получается?

— Пусть Эрли возьмет параллельный канал.

— Он все время прослушивает его.

— Я все слышу, Генри, рассказывай.

— Тут в воздухе возникает какая-то пелена, вроде полупрозрачной пленки. Когда мы уходим за нее, связь прекращается. Возвращаемся назад — связь работает нормально. Наверное, это какой-то экран.

— Как еще на вас влияет эта пелена?

— Когда мы проходим ее в направлении от вас, она действует как упругая пружина или резина. Свену приходится увеличивать мощность двигателей. Когда возвращаемся, она нас вроде выталкивает.

— Какая у вас скорость?

— Примерно две тысячи в час.

— Подойдите к этой пелене со скоростью километров двадцать или пятьдесят в час.

— Хорошо. Попробуем.

Свен начал сбавлять скорость, делая глубокий вираж. Стрелка указателя скорости поползла вниз. До дрожащей, размытой пелены осталось километров пять, но машина не приближалась к ней, хотя спидометр показывал скорость около двадцати пяти километров в час.

— Она не пускает нас вперед, — сказал Свен. — Двигатели работают, а мы стоим на месте.

— Убавьте до нуля, — попросил Эрли.

— Сбавил, — ответил Свен. — Нас медленно отталкивает назад. Двигатели горизонтального полета совсем не работают.

— Хорошо. Отойдите назад километров на десять, наберите скорость и пробивайтесь, как и в первый раз.

— Как ты думаешь, Эрли, что это было? — спросил Вирт.

— Не знаю, Генри. Какой-то энергетический барьер. Может быть, мы и выясним его природу, но сейчас просто пробивайтесь.

— На какой высоте он?

— Думаю, на очень большой. «Фиалка» тоже на что-то натолкнулась, когда мы садились на Отшельник.

— Да, да, — сказал Свен. — Ощущение примерно такое же. Только тогда нас здорово потрянуло.

— Раз связь нарушается, будете лететь без связи. До второй базы вам еще около часа. Короче, через четыре часа мы ждем вас в эфире.

— Хорошо. Значит, в шестнадцать тридцать пять, — заключил Генри. — Всего хорошего.

— И вам тоже.

— Набираю скорость, — сказал Свен.

11

— На несколько часов я свободен, — сказал Трайков. — Здесь меня может заменить Эва. Что мне делать?

— Хорошо бы осмотреть накопители энергии, Ник.

— Я проверю.

— А я хотел посмотреть, что вообще делается на территории Центральной. Мне нужен вездеход. Забегу к Эве и оставь ей карманную радиостанцию где-нибудь на видном месте и еще записку, чтобы она не волновалась и не искала нас. Вызывай меня чаще, особенно если заметишь что-нибудь необычное, непонятное, хоть самую мелочь.

— Понимаю, Эрли. Я пошел.

— Подожди. Ведь экватор планеты проходит через Центральную?

— Да.

— Кому-нибудь приходило в голову обозначить эту

воображаемую линию экватора? Не могу ли я найти ее на территории Центральной?

— Линия экватора обозначена колышками. Стап занимался этим. Он был немного со странностями.

Они вместе вышли на крыльцо Центральной. Трайков повернул к коттеджу Эвы. Эрли взобрался на крышу вездехода, открыл люк и спустился вниз. Он проверил управление машиной. Все было в порядке.

Яростно взревев, вездеход рванулся по большой дуге, огибая здание Центральной. Проехав несколько сот метров, Эрли остановил машину и спрыгнул на траву. Сориентировавшись по куполу здания, он прошел еще несколько десятков метров, всматриваясь в траву.

Наконец он нашел то, что искал: на расстоянии нескольких метров друг от друга в землю были вбиты небольшие, в полметра, деревянные колышки. Когда-то они, видимо, были окрашены ярко-красной краской, чтобы их было заметно на фоне травы. Теперь же краски не было и в помине. Колышки разваливались от малейшего прикосновения.

Эрли собрал несколько таких бывших деревяшек и осторожно положил в багажник вездехода. Затем он снова влез в машину, поднял переднюю стенку, чтобы был хороший обзор, и направил вездеход вдоль этой условной линии на небольшой скорости. Вскоре ему стали попадаться огромные упавшие полусгнившие деревья. Таких больших деревьев на территории Центральной не могло быть. Они просто не успели бы вырасти, потому что были вывезены с Земли семенами.

Он проехал вперед около километра и окончательно укрепился в мысли, что на этой полоске около линии экватора за время отсутствия экипажа «Фиалки» прошло не несколько дней, а по крайней мере несколько

десятилетий. Сколько именно прошло, он узнает, только вернувшись на Центральную и произведя лабораторные анализы.

Он совсем было решил возвратиться, но тут его внимание привлекла черная полоса сельвы на горизонте. Что-то уж очень высокой показалась она ему.

На большой скорости помчался он вперед, сминая траву и мелкий кустарник, разбрызгивая фонтаны вокруг машины, когда пересекал небольшие искусственные речки и озера, взлетая на бугорки, спускаясь в цветущие лощины. Постепенно вид растительности менялся. Она приобретала все более дикий вид. Но не это удивило его, так как культурной была только центральная часть парка, а дальше все было предоставлено самой природе. Правда, растения-ползуны, аборигены Отшельника, сюда не допускались. Здесь были только земные растения, культурные или одичавшие.

Когда до линии запрета оставалось не более ста метров, он понял, почему полоса сельвы на горизонте показалась ему неестественно высокой. Местные растения достигали в высоту не более пяти метров, но могли карабкаться друг на друга. Вот и сейчас они громоздились несколькими этажами, переплетенные, так что нельзя было различить отдельных растений. Это было жуткое месиво из корней, стволов и веток.

Эрли вылез из вездехода и подошел вплотную к линии запрета. И только тут он понял, что это были мертвые растения, наваленные огромным полукольцом по линии запрета с северной стороны парка. Высота этого завала была не менее ста метров. Какая сила могла создать этот мертвый пояс? Только бешеный ураган, невиданный ураган, представить мощь которого трудно. Ураган, очевидно, шел с севера и, натываясь на неприступную стену установки запрета, терял возле нее свои трофеи.

Но откуда мог взяться этот ураган? На Отшельнике такой мягкий климат. Без сильных ветров.

Тут он задался вопросом о том, что произошло с силовым полем там, где его пересекает линия экватора. Он снова сел в вездеход и поехал вдоль завала, высота которого заметно понижалась по мере приближения к точке пересечения. Увидев, что там все в порядке, он сообразил, что в этом месте установка запрета, наверное, черпала огромную энергию из накопителей, чтобы заткнуть брешь, но из строя не вышла.

Это здесь, на Центральной, где запасы энергии практически неисчерпаемы. А что осталось от баз, если над ними пронесся такой ураган? Минут десять сидел он на траве в тени вездехода, собираясь с мыслями. Что же он узнал за эти три часа?

Совершенно точно известно следующее: Эзры и Юмма больше нет. Они мертвы. Все, что расположено вдоль линии экватора, постарело на несколько десятков или сотен лет. Но, возможно, что это просто работа каких-то микроорганизмов. В нескольких сотнях километров к северу от Центральной возникло неизвестное силовое поле, силовой экран, который отталкивает от себя материальные предметы и не пропускает радиоволны. На Отшельнике за время отсутствия «Фиалки» пронесся невиданный ураган. Люди с баз не отвечают на вызовы Центральной...

Как связать все это в одно целое?..

— Эрли! — услышал он голос Трайкова. — Ты слышишь меня?

— Слышу, Ник. Что у тебя?

— Дело вот в чем, — голос Трайкова был совершенно спокоен. — Что мне делать с людьми, которые возят с около накопителей энергии?

— Какие люди, Ник? Что ты говоришь? — Эрли вскочил и одним прыжком взлетел на верх вездехода.

— Мне кажется, мы негласно договорились не считать друг друга ни в коем случае сумасшедшими. Эрли, здесь их несколько человек. Пока они не видят меня или притворяются, что не видят. Я их не знаю. У нас на Центральной таких не было.

— Я сейчас буду у тебя, Ник.

— Отлично. Я на четвертом северном накопителе. Вездеход стоит внизу. А я на самом верху.

Эрли кинулся на сиденье водителя. Мотор взревел, и машина помчалась к виднеющемуся вдали куполу Центральной станции, сильно забирая на юг. Эрли не хотел, чтобы неизвестные увидели его раньше, чем он сам этого захочет. Что за люди? На Отшельнике было двести четырнадцать человек. Четверо из них живы. Двое мертвы. Об остальных двухстах восьми ничего пока не известно. Если бы эти люди были из экспедиции с Земли, Ник бы их непременно узнал. Здесь все знали друг друга в лицо.

Значит, это представители той цивилизации, которая создала все эти базы и Центральную? Если это так, то они всемогущи по сравнению с оставшимися пятью землянами. Они смогут сделать с ними все, что захотят. Они вернулись в свои владения. Что они предпримут? Что сказать им? Как объяснить им действия землян?

Когда до Центральной станции оставалось не более двух километров, его снова вызвали:

— Эрли! Ты существуешь? Ты есть на самом деле? Эрли!

— Это я, Эрли. Ты проснулась, Эва? Где ты находишься?

— Эрли! Возьми меня! Увези меня! Делай со мной, что хочешь, но увези отсюда. Я схожу с ума! Я ничего здесь не понимаю!

— Где ты, Эва?

— Я у пульты связи, Эрли, как мне написал Ник в

своей записке. Я сижу здесь полчаса. Никто меня не вызывает. Словно вымерли все, словно все опять исчезли!

— Мы думали, ты спишь.

— Ты видел их, Эрли?

— Кого?

— Эзру и Юмма.

— Да... Видел...

— Они только что вышли из пульты связи. Увези меня! У нас ведь есть ракета. Через три месяца прилетит «Варшава»...

— Эва, что с тобой? Успокойся. Я скоро буду у тебя, но сначала мне нужно увидеть Ника. А Эзры и Юмма нет. Они не могут ходить. Их нет.

— Значит, я все-таки сошла с ума. Тогда мне остается посмотреть в дуло вот этого бластера.

— Не смей, Эва! Слышишь, не смей!

12

Винтолет Свена на большой скорости проскочил туманную пелену. Внизу, куда ни глянь, расстилалась сельва.

Свена смущало одно обстоятельство. Он довольно хорошо знал местность, да и карта была под рукой. Но сейчас внизу он время от времени замечал какие-то незнакомые образования: озера, выжженные пятна, которых не было на карте.

Генри присмирел. Ему нечего было делать, связь все равно не действовала. А сидеть вот так, сложа руки, становилось невыносимо. Свен тоже молчал. Ему не приходила в голову ни одна подходящая для разговора тема...

Через несколько минут, после того как они прошли первый силовой экран, они встретили еще один. Пре-

одоление его чуть не обернулось катастрофой: Свен на мгновение потерял сознание, и винтолет начал падать. К счастью, обморочное состояние длилось недолго, и все обошлось благополучно.

В нескольких десятках километров от второй базы они преодолели третий силовой экран.

Генри готов был броситься вниз без парашюта, когда показались купола второй базы. Но через минуту стало ясно, что на второй базе господствует сельва. Установки запрета не действовали.

Винтолет снизился к куполу жилого помещения. Гул его мотора, наверное, разносился по всей базе, но никто не появлялся под прозрачными куполами. Медленно перемещаясь, они облетели купол жилого помещения. Да, в этом месте их никто не мог встретить. Кругом были видны следы разрушений. Сам купол в нескольких местах лопнул и зиял метровыми трещинами. Можно было разглядеть сломанные балки и железобетонные перегородки, изуродованную мебель и разбитую аппаратуру.

— Что же это? — сказал Генри, с трудом выговаривая слова.

— Сельва, все-таки сельва, — прошептал Свен...

— Выпусти меня.

— Генри, я тебя выпущу. Только давай составим сначала план. Ты с огнеметом умеешь обращаться? Ну тогда возьми один с собой. Спускаться лучше через трещины в куполах. Внутри этих ползунов все-таки не очень много.

Свен застегнул на нем пояс, сунул в руки огнемет, на плечо повесил бластер.

— Далеко от трещин не отходи. Лучше проделать новое отверстие. Теперь уже все равно, — напутствовал он Вирта, опуская его на тросе из открытой кабины винтолета.

Вирт стоял на круглой площадке второго яруса, на которую выходили двери личных комнат. Их было двенадцать. Но только в четырех из них совсем недавно жили люди.

Он открыл дверь комнаты Озы, и тотчас же что-то бросилось на него. Над головой раздался гром, и это «что-то» шлепнулось к его ногам, слабо извиваясь, вздрагивая и издавая зловоние. Свен выстрелил вовремя.

Самым правильным сейчас было бы полоснуть по комнате из огнемета и только после этого войти туда. Но тогда сгорело бы все, что когда-то окружало Озу. Генри перешагнул через слизь и вошел в комнату. Вся мебель была изуродована и перевернута. Он не нашел здесь ни одного целого предмета. Низкий, когда-то мягкий диван был вспорот. Встроенный в стену платяной шкаф вырван и отброшен на пол. Генри перевернул его, осторожно раскрыл створки. Шкаф был пуст. Ночной столик стоял вверх ножками на переносном магнитофоне. Нет, в нем не было магнитной проволоки. Бесполезная вещь. Генри постоял несколько минут, оглядывая помещение, пока сзади него снова не прогремел выстрел.

Свен сидел на полу винтолета, свесив одну ногу наружу, спиной навалившись на косяк дверцы, и иногда нажимал на спусковой крючок огнемета.

Сверху ему было хорошо видно, что происходило под изуродованным куполом. Да и беречь этот купол теперь не имело смысла. Он стрелял прямо через прозрачный пластик. «Мешки», так их здесь называли, каким-то образом чувствовали присутствие человека и теперь лезли во все щели жилого помещения. Обычно они настигали жертву в прыжке, хотя у них не было ног. Когда передняя часть мешка без головы касалась жертвы, он как бы выворачивался наизнанку, плотно облекая жертву, и всей своей внутренней поверхностью

начинал переваривать. Чтобы настичь новую жертву, ему не нужно было выворачиваться. Теперь внутренней поверхностью становилась та, которая только что была внешней.

— Генри! Не отходи далеко! — крикнул Свен. — Я задержу их только минут на пять. Больше я не смогу. Ты слышишь меня?

Вирт молча обходил пустые комнаты.

— Ты слышишь меня? — снова крикнул Свен в перерыве между выстрелами.

Генри махнул рукой, что означало: слышу. Сердце его бешено заколотилось. Одна из комнат была пуста. Совершенно пуста. В стене, которая выходила наружу, рядом с проломом он заметил несколько оплавленных отверстий. Кто-то здесь стрелял из бластера. И сам пролом был сделан выстрелом из огнемёта.

— Генри, цепляйся за пояс! — крикнул Свен. — Их слишком много!

Вирт оглянулся. Неуклюжие на вид мешки приближались стремительными скачками. Он послал струю огня вперед и давил на спусковой крючок до тех пор, пока не кончилась воспламеняющая жидкость. Тогда он бросил бесполезный огнемёт и, пробежав несколько шагов, вцепился в пояс. Свен, не выпуская из рук огнемёта, поднял винтолет метров на пять над куполом и только тогда втащил Вирта в кабину. Он ничего ему не сказал и ни о чем его не спросил. Пусть Генри сам решит, когда им возвращаться. Может быть, он захочет спуститься еще раз...

— Они защищались, — сказал Генри. И в его голосе не чувствовалось тоски и горя. — Они даже выбрали правильное расположение для своих бластеров и огнемётов.

— Да. Они не могли сдаться просто так.

— Свен, кто-то из них должен быть жив. Они от-

бывались у входа на лестницу из комнаты Выхека. Я видел пробоины, сделанные бластерами. Кто-то один или двое защищали вход, а другие уходили. Куда они могли уйти из этого купола?

У Свена тоже появилась надежда. Может быть, Вирт и прав.

— Надо осмотреть базу сверху, — сказал он.

Винтолет начал медленно перемещаться между изуродованными куполами.

— Понимаешь, Свен, там в одной комнате ничего нет. Пусто. Ни дивана, ни кресел, ни столиков, ни вещей. Там нет ни одного обломка. В других же перевернуто все вверх дном. Но и в комнате Озы нет ее одежды. Куда это все могло исчезнуть? На первом этаже должны быть склады продовольствия, воды, столовая. Жаль, что я не успел посмотреть, что делается там.

Они медленно облетали территорию второй базы. Установки запрета были сорваны с фундаментов. Одна валялась, разбитая вдребезги, метрах в пятидесяти. Второй вообще не было видно. Вот почему сельва провалилась на базу. Купола жилого корпуса, корпуса связи, лабораторного корпуса и взлетной площадки островами выделялись на фоне грязно-зеленых шевелящихся и ползающих растений Отшельника. Эта планета снова захватила отвоеванные было у нее владения. Два винтолета, расколотые надвое, валялись недалеко от взлетной площадки. Свен снизился почти вплотную к чуть расступившимся ползунам. За эти несколько дней здесь все так заросло, словно никогда по-другому и не было. Через передний прозрачный колпак одного из винтолетов на них уставились глазницы человеческого черепа.

Вирт в ярости схватил огнемёт Свена и начал поливать мгновенно сгорающие отростки ползунов. Но

отовсюду на их место лезли другие, и казалось, им не будет конца.

— Бесполезно, Генри, — сказал Свен, положив руку ему на плечо, а другой мягко отбирая огнемёт. — Они все равно не поймут. Кто это может быть?

— Они все могли водить винтолеты, кроме Озы...

— Значит, одного мы уже не найдем...

— Это Юргенс. Он был пилотом.

Второй винтолет был пуст.

Здание лабораторного корпуса было в таком состоянии, что его не имело смысла и рассматривать.

— Смотри! — вдруг закричал Свен. — На куполе связи пятна вроде заплаток. Кто-то заделал трещины и пробоины!

— Я же говорил! Я знал!

Винтолет облетел небольшой купол.

— Где же здесь вход?

— Тут все залито пластиком. Там, где был вход, все залито пластиком. С внешней стороны. Кто-то залил вход и остался снаружи.

Что могло быть в этом наглухо задраенном куполе? Документы? Люди? Кто остался снаружи? Для чего?

— Свен, у них должны быть еще два вездехода. Эти бесполезные здесь машины должны были стоять около винтолетов.

— Но их там нет.

— Значит, кто-то решил пробиться на вездеходах к базе. Он шел на верную смерть.

Винтолет еще несколько раз облетел вокруг запечатанного купола.

Вдруг штурвал выпал из рук Свена.

— Оза! — закричал Генри.

Упершись руками и лбом в стену купола с внутренней стороны, на них смотрела женщина.

— Оза!

Цепочка накопителей энергии тянулась от Центральной станции на север и на юг километра на два. Это были огромные белые цилиндры со множеством пристроек, мачт, растяжек, лестниц и лифтов. В обычное время их изучало около десятка инженеров, следивших, чтобы количество энергии в каждом не превышало определенной нормы. От них питалась система запрета, образующая силовые поля вокруг всей территории Центральной станции. Но чтобы питать установки запрета, не было необходимости в таком количестве накопителей. Для работы установок достаточно было триллионной доли запасенной в накопителях энергии.

Николай добрался на вездеходе до одного из них, выскочил и вошел в лифт, который за несколько секунд доставил его в инженерную. Небольшой светлый зал со множеством приборов произвел на него удручающее впечатление. Как во всем этом разобраться? Но вскоре он понял, что ему и не нужно во всем разбираться. Система контроля управления накопителями была довольно проста. Он записал показания общего счетчика. Вынул ленту из самописца, регистрирующего расход в отдельные дни, часы и минуты, и спустился вниз. Ленту он сунул в карман кресла и помчался к другому накопителю. Там он произвел те же манипуляции. Потом он осмотрел третий, четвертый...

Лифт пятого цилиндра был поднят вверх. Николай несколько раз нажал кнопку, пытаясь спустить лифт вниз, но безрезультатно. Он подумал, что лифт испортился. Но вдруг лампочки на табло управления лифтом замигали. Лифт спускался с десятого яруса. Затем он остановился на пятом ярусе, где располагалась ин-

женерная. Николай попытался снова вызвать лифт, но он был занят. Внезапно лифт снова пошел вверх. Николай стукнул по табло кулаком, но ничего не изменилось. Тогда он отбежал в сторону и увидел сквозь решетчатые фермы, что лифт действительно движется. Осторожно, стараясь не греметь, он скользнул в люк вездехода и на самой маленькой скорости отвел его к четвертому накопителю. Там он вскочил в лифт и поднялся на последний, двенадцатый, ярус. Это была плоская крыша цилиндра. Скрываясь за мачтами, он подошел к краю крыши... и чуть не упал вниз с семидесятиметровой высоты. Соседний цилиндр был метрах в ста пятидесяти от него. На его плоской крыше разгуливало несколько фигур. Фермы лифта пятого накопителя были обращены в сторону Трайкова, и он заметил, что сам лифт находится тоже на двенадцатом ярусе. Если они находились на крыше хотя бы две минуты, то должны были видеть его вездеход. А он еще столько раз пытался вызвать лифт вниз.

Полуголые фигурки людей на таком расстоянии казались маленькими. Но, сравнив себя с деталями мачт, он пришел к выводу, что неизвестные почти одного роста с ним. У них были загорелые тела. Одеты они были в шорты. На ногах что-то вроде сандалий. Рубашек не было. Головы не покрыты. В руках одного из них было что-то вроде огромного листа бумаги. Через плечо у каждого висела короткая палка, очень похожая на бластер.

В самом начале было точно установлено, что на Отшельнике нет людей. Нет вообще никакой мыслящей жизни.

Тогда кто же эти люди?

Ник вызвал Эрли.

Эва проснулась сразу, освеженная спокойным, крепким сном. Несколько мгновений она не могла сообразить, каким образом оказалась здесь, но потом последние события всплыли в ее памяти. Лишь бы ей все это не приснилось, но записка, оставленная Трайковым на столике, окончательно убедила ее в том, что экипаж «Фиалки» в самом деле прилетел. У столика стоял легкий бластер. После стольких дней одиночества, наполненных неизвестностью, страхом и горем, появление даже одного человека было бы величайшим счастьем для нее.

А эти четверо, они, конечно, размотают запутанный клубок случившегося на Отшельнике. Даже если и нет... Придет «Варшава» с ее фантастической техникой, с множеством людей...

Привычным жестом она поправила прическу, некоторое время постояла у окна, вдыхая запахи травы и леса. Потом, закинув за плечо бластер, не спеша пошла к Центральной, срывая по пути травинки.

Она легко избежала по ступенькам Центральной и пошла по кольцу в пульт управления связи. Ей очень хотелось вызвать по радио Эрли и Ника, но мысль, что она может их оторвать от чего-то важного, остановила ее. Проверив настройку приемников и передатчиков, Эва отошла к окну, любуясь панорамой парка.

Что-то заставило ее оглянуться. Не было ни скрипа, ни движения воздуха, ни звука, но она почувствовала всем своим существом чье-то присутствие. Так уже было, когда она осталась одна... Мышцы сковал страх. Нужно было повернуться, но она не могла этого сделать. Все замерло. «Повернись, оглянись», — шептало что-то в ней самой. И она повернулась.

В кресле, стоящем к ней спинкой, перед пультом, вид-

нелся бритый затылок человека. Этого человека, вернее, этот затылок она узнала бы среди тысяч других. Это была голова Филиппа Эзры. В дверь, не открывая ее, вошел Юмм. Они всегда появлялись вдвоем. По движению губ было видно, что они о чем-то говорят, но звуков не было слышно.

Руки Эвы прилипли к подоконнику. Эзра оглянулся, но взгляд его прошел сквозь девушку. Он не видел ее. Юмм подошел к креслу. В руках у него был рулон не то чертежей, не то рисунков. Он развернул его и что-то сказал Филиппу. Тот отрицательно покачал головой. Тогда Эзра встал с кресла, они оба отошли в сторону, растянули перед собой лист и несколько минут продолжали так стоять, словно демонстрируя что-то невидимым зрителям. Потом рулон был свернут. Юмм показал рукой на дверь. Эзра приподнял руку и пошел к окну.

Эва дико закричала и отскочила в сторону, но они не обратили внимания на ее крик. Филипп Эзра подошел к окну, что-то там высматривая, потом сожалеюще чмокнул губами и отрицательно покачал головой. Юмм нетерпеливо переминался с ноги на ногу у двери.

Затем оба они прошли через закрытую дверь, причем Юмм сделал движение, будто открывал ее, но она даже не скрипнула.

Несколько секунд Эва стояла неподвижно, пытаясь разобраться в своих мыслях. Может ли сумасшедший понять, что он сумасшедший? Потом она вызвала Эрли.

— Эрли! Ты существуешь?!

...Нет. Он не верил, что мертвые Эзра и Юмм могут ходить по Центральной. А разве она сама поверила бы в это, если бы была здорова? Разве кто-нибудь поверит в это?

Она взяла в руки бластер и провела по нему холодной ладонью.

Женщина смотрела на них, ничем не выражая своей радости или удивления. Вирт открыл дверцу винтолета и, высунувшись наружу, крикнул:

— Оза! Это я, Генри! Оза! Это я, Генри!

Каких-то десять сантиметров прозрачного пластика разделяло их.

— Свен, надо где-то прорезать купол огнеметом. Иначе мы туда не попадем.

Свен отвел винтолет на несколько метров вдоль стены. Генри вытащил из багажника еще один огнемет. Но стрелять было нельзя. Фигура женщины передвигалась следом за ними. Огромные голубые глаза внимательно следили за их действиями. Но она ни одним жестом не показала, что узнала Генри или Свена. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она только медленно перебирала по стене руками, двигаясь, как заведенная кукла.

— Свен, давай к вершине купола! Иначе она не даст нам прорезать стену. С ней что-то случилось!

Винтолет поднялся к вершине купола, но стрелять все равно было нельзя. Женщина стояла прямо под ними.

— Свен, я обвяжусь поясом и спущусь на тросе с огнеметом, а ты разворачивай винтолет в другую сторону. Она не сможет сразу находиться с двух сторон купола. Или ты, или я успеем проделать отверстие.

Вирт заскользил по гладкому куполу вниз и остановился на уровне пола. Женщина подошла к нему. Оза! Оза! Какая она стала худенькая! Лишь огромные глаза все такие же живые. Но почему она не узнает его? Почему не подает знака, что рада видеть его?

В это время с противоположной стороны несколько

кими выстрелами Свен прожег в пластике дыру, достаточную для того, чтобы в нее смог пролезть человек. Винтолет снова поднялся на несколько метров, и Свен втянул Вирта в кабину.

Через минуту Генри был внутри купола, а Свен остался ждать в машине, держа наготове бластер, потому что слизистые мешки начали подпрыгивать вверх.

— Оза! — сказал Генри, ласково дотронувшись пальцами до ее лица. — Почему ты молчишь? Разве ты не рада? Почему ты молчишь? Что здесь произошло?

— Я ждала, — сказала женщина, — что сюда кто-нибудь придет. Стап, уходя, пообещал, что сюда кто-нибудь все равно придет.

«Оза ждала ребенка, — подумал Свен. — Неужели Генри не замечает, что у нее вполне нормальная фигура».

Но Генри заметил. Заметил еще раньше, когда увидел ее прилипшей к стене купола.

— Оза, что случилось с нашим ребенком?

— Не понимаю, — сказала женщина.

— Что с тобой?

— Со мной? Ничего. Я очень долго ждала вас. Одна. Когда Стап уехал, он заварил входную дверь снаружи, чтобы в минуту отчаяния я не могла выйти и покончить жизнь самоубийством. Но у меня и не возникало таких мыслей. Я наблюдала за ползунами и мешками.

— Оза, когда ушел Стап? На чем он ушел?

— Пять лет назад. Он был очень добр ко мне.

— Как пять лет?

— У меня все записано. Мы поддерживали с ним связь около часа. Потом он замолчал. Я думаю, он умер.

— Оза!

— Не-ет. Я не Оза. Она умерла восемнадцать лет

назад. Я ее даже и не помню. Я покажу вам, где ее похоронили.

— Оза, что с тобой? Очнись. — Генри тряхнул хрупкую фигурку за плечи, но она сняла его руки со своих плеч и сказала:

— Стап говорил, что Оза все время кого-то ждала.

— Кого?

— Генри Вирта... Он говорил, что она очень ждала.

— Я Генри Вирт. Я понимаю, ты устала за эти дни. Это, наверное, были ужасные дни. Но теперь все кончилось. Очнись, Оза! Мы полетим на Центральную. Оза, не смотри на меня так.

— Я уже говорила, что я не Оза. Меня зовут Сеона.

— Сеона? Но ведь именно так мы хотели назвать свою дочь! Оза, ты немного больна. Но это скоро пройдет. Нам нужно торопиться. Скоро зайдет солнце. Что ты хочешь взять с собой?

— Солнце? Нет, оно зайдет еще не очень скоро. Оно зайдет через полгода. Я читала в книгах, что солнце садится каждые двадцать четыре часа. А когда оно садится, все люди ложатся спать. Но здесь все по-другому. Здесь день длится полтора года. Смешно, правда? День больше года. А потом на полтора года наступает ночь, и здесь все замерзает... и темнота. После этого ползуны и мешки кажутся такими симпатичными. Хочется играть с ними. Да, ночью мне было иногда плохо. Особенно когда уехал Стап. Бедный, он погиб через час. Я так думаю.

Генри умоляюще повернулся к Свену, как бы говоря: «Не обращай внимания, это она так». Свен так же молча кивнул ему, что означало: «Хорошо. Садитесь в машину и полетим назад».

— Что ты хотела взять с собой, Оза? Мы сейчас полетим.

— Сеона...

— Ну хорошо, Сеона. Так что же?

— О, я хотела бы взять все. Ведь у меня на Центральной нет ничего. Я там ни разу не была. А мне всегда так хотелось побывать там. Но я не буду брать много, ведь вы, наверное, спешите? Несколько платьев. Хотя нет, они все равно уже износились. Я возьму вот эту книгу, комбинезон. Он еще почти новый. А тебе Стап просил передать вот это, — она сняла с руки кольцо, у которого вместо камня было небольшое, на одну минуту разговора, запоминающее устройство. Это кольцо Генри когда-то сам подарил Озе. — Стап сказал, что это очень важно. И еще, пожалуйста, поднимите вот этот ящик. В нем магнитные записи и просто бумаги. Он стоит запечатанным столько лет, что я не верю, будто его когда-то открывали. Но Стап сказал, что это будет интересно людям, которые сюда придут.

Генри поднял ящик, поднес его к стене и передал Свену. Потом повернулся к Озе. Как она изменилась с тех пор, когда он видел ее в последний раз! Она стала совсем худая. И черты лица слегка изменились, заострились. Что она ему тут наговорила? Ведь это значит, что она сошла с ума... Бедняжка. Сколько надо пережить, чтобы это произошло.

— Оза... Сеона, ничего не бойся, — он прижал ее к своей груди. — Все будет хорошо.

— Я не боялась и раньше. Я всегда ждала людей. А теперь, когда вы пришли, я совсем ничего не боюсь.

Они подошли к проему в куполе. Генри осторожно поддерживал хрупкую Озу-Сеону. Сердце его радовалось и разрывалось на части.

— Свен, помоги ей, — сказал он. Но Свен и без того уже протягивал руки, чтобы принять женщину.

Когда винтолет оторвался от купола, Генри схватил

огнемет и выпустил весь запас горючей жидкости по копошащимся внизу мешкам и ползунам.

— Зря ты это, Генри, — сказал Свен.

— Знаю, — коротко ответил Вирт.

— Да, это вы зря, — сказала Оза. — Они столько лет развлекали меня.

— М-мм, — замычал Генри и сжал голову руками.

Внизу снова расстилалась ненавистная грязно-зеленая сельва.

Свен вел вертолет на предельной скорости. Надо было скорее добираться до Центральной. Они и так опаздывали к сеансу связи. Эрли и Ник сейчас думают черт знает что.

— Что же здесь все-таки произошло? — спросил Генри. У него язык не поворачивался называть ее Сеоной.

— Я этого не знаю. Это было еще до меня. Но Стап рассказывал, что была буря. Страшная буря. И сельва прорвалась к нам. Их тогда на базе было четверо. Пилот Юргенс погиб сразу. Они даже не могли вытащить из винтолета его останки. Потом умерла Оза, — при этих словах Генри сжался в комок. — Был еще один человек. Его звали Вытчек, но я его тоже не помню. Он сказал, что тело Озы будет похоронено по-человечески, что ползунам до нее не добраться. И они похоронили ее. Только после этого Вытчек уже не вернулся. Стап не смог сдержать ползунов. И мы остались вдвоем. Потом ушел и Стап. Он хотел прорваться к Центральной. Лучше бы он ушел зимой. А он ушел в самый разгар лета, когда солнце уже полгода не заходило за горизонт.

— Опять солнце, — прошептал Генри.

— Возьми себя в руки, — тихо сказал ему Свен.

— Да, солнце...

Через минуту Свен сказал Генри:

— Между прочим, солнце за эти четыре с половиной часа действительно не сдвинулось с места.

— И ты гоже, — устало пробормотал Генри.

— Можешь убедиться сам.

Но Генри только крепче прижал к себе Озу.

— Как приятно тепло человеческого тела, — сказала она.

Винтолет приближался к полупрозрачной пелене.

16

Эрли бежал по кольцевому коридору, когда впереди раздался выстрел. Стреляли в отсеке связи. Там находилась только Эва. Неужели она не выдержала?

Эрли подскочил к двери и остановился. В двери зияла дыра, противоположная стена коридора тоже была разворочена. Эрли осторожно потянул ручку двери. В отсеке было тихо. Он осторожно сделал шаг вперед и сказал шепотом:

— Эва, это я — Эрли.

Ему никто не ответил.

Он сделал еще несколько шагов. Перед ним стояла Эва с бластером в руке. Она медленно опустила бластер, и он с грохотом упал на пол.

— Эрли, увези меня отсюда. Еще немного, и я не выдержу.

— Я не имею права.

— А если бы... ты бы хотел этого? Лэй все время говорила о тебе. Но она не любит тебя. Нет. Мы были друзьями. И она мне все рассказывала. Все. Достаточно много, чтобы я стала думать о тебе. Я знала, что ты прилетишь. И я ждала тебя. Может быть, Лэй сделала это нарочно, чтобы кто-то любил и тебя. Она была добрая. Ей самой ничего не надо было.

— Я всегда делал то, что она хотела. А она ничего

не хотела для себя, — сказал Эрли. — Я бы увез тебя отсюда, если бы это было возможно.

Она подбежала к нему, обхватила его плечи руками и, заглядывая снизу в лицо, сказала:

— Правда, Эрли?

Эрли чуть отстранил ее от себя и сказал:

— На Центральной находятся какие-то чужие люди. Несколько минут назад мне об этом сообщил Ник. Он сейчас за ними наблюдает.

— Ты не поверил мне про Эзру и Юмма. Так ведь?

Он кивнул.

— А я только что стреляла в них. Но они ушли. Они вроде теней.

— Хорошо, Эва. Когда-нибудь мы выясним, что это было такое. Садись и приготовься слушать. Скоро должна быть связь с Виртом. А я поговорю с Ником.

Эрли вызвал Трайкова. Тот сразу же откликнулся, словно ждал его:

— Эрли! Где ты сейчас?

— В помещении пульта связи. Где эти люди?

— Часть на крыше пятого накопителя. Что они там делают, я не могу понять. Остальные поехали к шестому.

— Поехали? На чем?

— У них что-то вроде вездехода.

— Я не знаю, что делать, Ник. Оставаться тебе там или возвращаться сюда. Если бы знать, что они затевают, вообще кто они такие?

— Я пока останусь здесь. Если что, вызову тебя... Одно могу сказать твердо: это не наши, своих я всех знаю.

— Ну хорошо. Будь осторожен, Ник.

Эрли выключил радио и сказал устало:

— У меня голова идет кругом. Я не могу разобраться в том, что произошло. Если это вообще возможно.

— Я понимаю, Эрли, — сказала Эва.

В эту минуту их вызвал Вирт.

— База уничтожена, — спокойно заговорил Генри. — Практически уничтожена. Там все разрушено.

— Люди?

— Одна... Оза, — сказал Генри шепотом.

— Почему ты говоришь так тихо?

— Она сидит рядом. Эрли, я не могу об этом говорить громко.

— Что с остальными?

— По-видимому, их уже нет в живых. Во всяком случае, Юргенса. Мы его видели.

— Генри, возвращайтесь скорее. Когда будете подходить к Центральной, обойдите ее с юга и заходите на посадку над самыми деревьями, прямо к центральному подъезду.

— Понял, — ответил Свен.

— Дело в том, что на Центральной появились какие-то люди. Кто они, я не знаю. Ник наблюдает за ними. Лучше, чтобы они вас не видели. Поняли?

— Слишком много загадок за один день, — сказал Свен.

— День еще не кончился.

— Ну хорошо, через двадцать минут мы будем у вас, — сказал Генри. — Отключаюсь.

Эрли передал микрофон Эве.

— Ну вот... Они нашли Озу. С ней тоже что-то произошло. Генри даже не хотел при ней говорить вслух. А троих уже нет.

Эва медленно поднялась с кресла, глядя в сторону Эрли. Тот удивленно посмотрел на нее. Что случилось? Девушка подняла правую руку и зажала ею рот, сдерживая крик ужаса. Эрли подошел к ней, чувствуя за спиной неприятный холодок. Он медленно повернулся

и почувствовал, как зашевелились волосы на голове, а тело сковал липкий страх.

Дверь помещения была закрыта, а из нее высовывалась фигура Филиппа Эзры. Он словно стоял на пороге в раздумье. Потом он решительно вошел в комнату и направился к передатчику. Эрли подтолкнул Эву за выступ стены, но она вцепилась в его плечо побелевшими пальцами. А он и сам был готов сейчас вцепиться в кого-нибудь, чтобы избавиться от сковавшего его страха.

Эзра сделал несколько переключений на лицевой панели передатчика — ни одна ручка, ни один тумблер не сдвинулись с места, но Эзра манипулировал ими так, словно действительно что-то переключал. Потом он протянул руку к микрофону и поднес ее ко рту, держа пальцы так, словно в руке действительно был микрофон. Но тот остался на столике. Сказав несколько слов в воображаемый микрофон, Эзра, по-видимому, не получил ответа и бросил его на столик. Несколько секунд он стоял, облокотившись на спинку кресла, барабанив пальцами по панели передатчика. Его действия не сопровождались ни единым звуком. Затем он погладил лысый череп ладонью и несколько раз прошелся по комнате, заглядывая в открытые окна.

Эрли стоял затаив дыхание. Да, это был самый настоящий Филипп Эзра. Лысый. С большой головой. В неглаженных, как всегда, брюках. В широкой, свободной блузе с большим вырезом на шее. На ногах зеленые ботинки, которые он не снимал даже на пляже.

Эзра словно ожидал кого-то. Но кого? И вообще, каким образом он мог возникнуть, появиться, если Эва и Эрли уже видели его останки.

За дверью словно кто-то позвал его, он что-то беззвучно крикнул и тут же вышел через закрытую дверь.

— Эрли, — прошептала Эва. — Это последнее. У меня не было никогда галлюцинаций.

— Это не галлюцинация. Это действительно был он. Сначала я подумал, что мне конец... сумасшествие. А теперь я думаю, что это действительно было. Я пойду за ним.

— Эрли, а я?

— Эва, ты будешь сидеть здесь. С минуты на минуту прилетят Свен и Генри. Пусть сразу же идут сюда. Им и Нику пока ничего не рассказывай. Я очень быстро вернусь.

Он открыл дверь и выглянул в коридор. Фигура Эзры мелькнула в левой его части, которая вела к выходу. Стараясь не шуметь, Эрли быстро двинулся в ту же сторону, прошел несколько коридоров и подземных переходов. Его всюду сопровождала полоска вспыхивающих светильников, а Эзра шел в темноте и прекрасно ориентировался.

Так они дошли до эскалатора, ведущего в главный пульт управления, и поднялись наверх. Дверь по-прежнему была открыта, как ее оставил Эрли, но Эзра сделал движение, словно открывал ее. Внутрь они вошли друг за другом. Эрли ожидал увидеть здесь Юмму и не ошибся. Вместе Эзра и Юмм начали делать какие-то вычисления на математической машине, надавливая клавиши и перебивая друг друга, но, Эрли это ясно видел, клавиши не двигались.

Потом они развернули рулон бумаги, на нем была изображена какая-то инженерная схема.

Эрли, закусив губу, дотронулся до локтя Филиппа Эзры. Рука прошла сквозь пустоту, не встретив сопротивления.

С юга донесся приглушенный звук приближающегося винтолета. Не оборачиваясь, Эрли вышел из главного пульта.

Свен посадил винтолет чуть ли не на ступеньки подъезда Центральной станции. Оза удивленно оглядывалась, не решаясь выйти из машины. Генри спрыгнул на траву и помог ей сойти на землю. Яркое солнце, мягкая зеленая трава, в траве — яркие цветы, тенистые кроны деревьев над всем этим. Оза с восторгом прошептала:

— Я читала, что такое есть, что такое бывает. Но я не представляла, как это чудесно.

Генри обнял ее за плечи и повел вверх по ступеням. Свен повесил за спину два бластера и последовал за ними.

В коридоре, ведущем к отсеку связи, они встретили Эрли.

— Я рад, Генри! — Он пожал руку женщине. — Здравствуй, Оза!

— Я Сеона. Ведь Оза умерла.

Эрли мельком взглянул на Генри и, кажется, все понял. Генри стоял, опустив голову и держа Озу за руку.

— Ну хорошо. У нас мало времени. Пойдемте в отсек связи. Нам надо решить, что же делать дальше.

Свен вошел в пульт связи раньше других и предупредил Эву, что женщина хочет, чтобы ее называли Сеоной. Когда они тоже вошли, Эва поднялась им навстречу и сказала просто:

— Здравствуй, Сеона!

— Здравствуй...

— Меня зовут Эва. Это Эрли. Ну а других ты уже знаешь.

— Эва. Это очень красиво. Что мне сейчас делать?

— Сеона, тебе понравится смотреть в окно, — сказал Генри. — Я уверен. — Он осторожно отвел ее к

окну и усадил в кресло. — Смотри, как там красиво! И нет никаких ползунов и мешков.

Оза затихла в кресле.

Эрли вызвал по радио Трайкова. У него ничего существенного пока не произошло. Эрли попросил его оставаться на месте, но по радио принимать участие в их разговоре.

После этого каждый кратко рассказал о том, что он видел, какие у него возникли мысли, предположения, причем особое внимание уделялось самым странным, самым необъяснимым моментам.

— Прошло пять часов, как мы сели на Отшельник, — сказал Эрли. — Здесь все странно и непонятно. Но я уверен, что у каждого есть какая-то гипотеза, предположение. Кто выскажется первым?

— Прошло семь с половиной часов, — поправил его Свен.

— Нет, прошло пять часов, — жестом остановил Эрли. — Это нетрудно установить. Так кто первый?

— Ты, Эрли, и начинай.

— Нет. Я буду последним. Начни ты, Генри.

Вирт несколько секунд помолчал, потом сказал:

— Я не знаю, отчего умерли Эзра и Юмм и что повлекла за собой их смерть. Но на базы просто прорвалась сельва. Был какой-то ураган, разрушивший установки запрета и здания, а остальное dokonчила прорвавшаяся сельва. Так, во всяком случае, произошло на второй базе. Уверен, что и на всех остальных то же.

— Одновременно? — спросил Эрли.

— Не думаю, — ответил Генри. — Ураган захватывал одну базу за другой.

— Ураган на всем Отшельнике? — удивился Свен. — Маловероятно. Здесь никогда не было даже сильного ветра.

— На нашей памяти действительно не было. И тем

не менее ураган был, — возразил Эрли. — Я видел, что творится вокруг территории Центральной. Завалы высотой в сотню метров. Ураган шел с севера, и, судя по этому завалу, буря была страшная, и она могла пронестись на много тысяч километров к югу. А родиться ураган мог за несколько тысяч километров от Центральной. Поэтому предположение о том, что базы были разрушены ураганом, мне кажется, объясняет многое. Хотя бы то, что в противном случае люди могли бы добраться до Центральной на винтолетах. Однако этого никто не сделал. Ураган был. Это факт. Неясно только, почему он возник. Что ты еще можешь сказать, Генри?

— Больше ничего. Ураган и сельва. Никто не был готов к этому.

— Хорошо. Свен, ты.

— От Центральной до второй базы я насчитал четыре энергетических барьера. На обратном пути при прохождении каждого нас выплевывало, как пробку из воды. Видимо, барьеры экранируют электромагнитные волны. Поэтому базы не смогли связаться с Центральной.

— Связь прекратилась сразу же после того, как что-то произошло в главном пульте, где были Эзра и Юмм, — вступила Эва. — Потому что, когда я спустилась сюда и попыталась с кем-нибудь связаться по радио, мне уже никто не ответил.

— Получается, что энергетические барьеры возникли одновременно с началом урагана или чуть раньше, — высказался Свен.

— Пожалуй, одновременно, — донесся из динамика голос Николая. — Иначе они успели бы эвакуироваться на Центральную. Но что-то им помешало. Ураган?

— Да, я слышала, как Эзра, когда еще был жив, требовал, чтобы все немедленно возвращались на Центральную.

— Так, значит, был приказ о немедленной эвакуации! Почему ты раньше не сказала? Значит, некоторые уже знали, что будет катастрофа!

— Это было, когда я выходила из помещения главного пульта.

— Значит, сигнал о немедленном возвращении они получили одновременно, — сказал Свен. — А ураган шел с севера. Тогда почему же не успели эвакуироваться базы, расположенные ближе всего к Центральной, особенно южные? Нельзя же предположить, что ураган возник везде одновременно.

— Нет, нельзя, Свен. Я видел завалы только с северной стороны. Значит, ураган шел с севера.

— Тогда надо предположить, что скорость его распространения была несколько тысяч, даже десятков тысяч километров в час. В это я не могу поверить.

— И все же придется, Свен, — сказал Эрли. — Только так можно объяснить, почему, получив сигнал немедленного возвращения, они не успели взлететь.

— Но зато ничто не может объяснить такую скорость распространения урагана.

— Согласен. Но я бы придерживался именно такой версии, — сказал Эрли. — Итак, сразу же после того, как Эзра послал на базы сигнал о немедленном возвращении, возникли энергетические экраны, начался ураган, и немедленно сельва прорвалась на все базы. Что ты еще можешь сказать, Свен?

— Мне непонятен один момент. Но это относится к нам. Мы были в полете почти шесть часов. Я рассказывал, что мы делали на второй базе. Это нельзя было сделать за полчаса.

— Иногда человек делает столько за час, сколько в другое время он не сделал бы и за сутки, — начал Эрли, но Свен его перебил.

— Хорошо. Запишем это в раздел не поддающихся

объяснению явлений. И еще. Пока мы были там, солнце за два часа не сдвинулось с места ни на одну угловую секунду.

— Секунду ты бы не заметил.

— Ну это я так. Короче, оно не сдвинулось с места.

— Солнце не заходит там полтора года, — тихо сказала Оза, не повернув головы и продолжая смотреть в окно. — Я же вам говорила.

Все замолчали.

— Свен, — сказал Генри, — лучше скажи, что тебе это показалось. Так будет лучше.

— Это мы учтем, — сказал Эрли. — Но это ничего пока не объясняет. И ничем само не объясняется. Что еще, Свен?

— Пока ничего.

— Эрли, признайся, что ты считал меня немного не в себе, когда я говорила об Эзре и Юмме.

— Да, я не верил, что такое может быть на самом деле.

— Может быть, и Свен и Сеона говорят правду. Может быть, это им не показалось.

— Я очень прошу вас, — тихо произнес Генри.

— Эва, теперь ты.

— После того как я увидела останки Эзры и Юмма и осталась одна, я несколько раз встречала их самих. Они ходят по Центральной. Особенно часто они появляются в помещении отсека связи, то есть здесь... Я сегодня даже стреляла в них. Не выдержали нервы. Заряд прошел сквозь Эзру, пробил дверь и стену в коридоре, но он спокойно ушел. Эрли видел их тоже.

— Да, я их видел. Но я не могу объяснить, что это такое. У тебя все, Эва? Пусть тогда скажет Ник.

— Я проверял накопители энергии и увидел их возле пятого накопителя. Они и сейчас там. Я их отчетливо вижу. Похоже, что они что-то монтируют. Я уверен,

что они не имеют никакого отношения к тем людям, которые здесь жили и работали раньше. Они все очень смуглые и поджарые, у каждого за спиной какое-то оружие. И еще у них есть вездеход. Он непохож на наш. У него две башни, и из каждой торчит по несколько стволов.

— Что ты думаешь обо всем этом?

— Я предположил, что это какие-то пришельцы. На Отшельнике нет разумной жизни. Нет даже млекопитающих. Значит, они откуда-то прилетели. Может быть, это те, которые были здесь до нас? Они выжидают, когда все люди разлетятся по базам, создают между базами энергетические барьеры, чтобы прервалась связь по радио. Если они в силах создать такие мощные силовые поля, то они могут создать и невиданный ураган, который и разрушил базы. Дальнейшее делает сама сельва. Планета чиста, и вдруг прилетаем мы, когда они уже считают себя хозяевами. И теперь они снова что-то замышляют. Может быть, они хотят взорвать накопители энергии. Тогда на сотни километров вокруг ничего не останется. Вот такая у меня смешная гипотеза.

— Гипотеза интересная. Но почему бы им не уничтожить нас более простым способом? Просто расстрелять из своего оружия.

— Не знаю. Может быть, их слишком мало, и они боятся. Может быть, они не выносят вида крови. Я же сделал только предположение.

— Да, Ник, в твою гипотезу укладывается наибольшее количество фактов. Но не все. Остаются Эзра и Юмм, неподвижное солнце и разность в ходе часов.

— Эрли, но ведь здесь могут происходить два разных события, никак не связанных друг с другом, — сказала Эва. — Разность в ходе часов может быть вызвана чем-нибудь другим.

— Ну а то, что в помещении главного пульта все

превратилось в пыль? Примерно на десять-двадцать метров по обе стороны от условной линии экватора. Ведь там все выглядит так, будто за эти несколько дней прошло несколько столетий. Я проверил все до самой границы установок запрета. Это тоже не входит в гипотезу Ника.

— Я же не претендую на абсолютную истину...

— Я понимаю, Ник.

— Может быть, здесь все-таки происходят два события, — сказала Эва.

— Да, придется пока так и считать, Меня только смущает факт, что они совпали по времени. Они должны быть как-то связаны.

18

Эва кипятила чай и делала бутерброды прямо в помещении пульта связи. Все уже давно не ели. Оза оставалась у окна. Иногда Эва вступала с ней в разговор, но он очень быстро заканчивался. Эва несколько раз садилась напротив нее на подоконник и украдкой разглядывала. Она и раньше знала Озу. Внезапно возникшее предположение не давало ей покоя, но она боялась высказать его вслух. Что-то ее удерживало.

В противоположном углу помещения Эрли разбирал содержимое ящика, привезенного со второй базы. Эрли стопку за стопкой перекладывал диаграммы. Бумага часто ломалась, и он действовал очень осторожно. Если бы даже все регистрирующие приборы на второй базе работали день и ночь, то и в этом случае неоткуда было взяться такому количеству документов. Это сразу бросилось ему в глаза. Он все перекладывал пачки графиков, надеясь найти что-нибудь вроде письма, какое-нибудь объяснение. Ящик был уже почти пуст, но ничего подобного он так и не нашел... Тогда он начал

развязывать пачки, и первая же из них выпала у него из рук. В углу каждой диаграммы стояла дата. Но это были очень странные даты. Первая попавшаяся гласила: «2195-й день со дня катастрофы». Он начал перебирать всю пачку и наконец дошел до 20-го дня. Более ранних дат на диаграммах не было. В одной пачке были записи скорости ветра, в другой — температуры, в третьей — давления, затем ускорения времени для двух датчиков, разнесенных всего на десять метров. Это же было ничтожное расстояние для такого исследования.

Здесь были такие цифры! Особенно в первые дни. Да, в первые... Потому что из диаграммы было совершенно очевидно: на второй базе с момента катастрофы прошло не менее пятнадцати лет. Потом записи обрывались. Не было и записей первых дней, видимо, потому, что люди боролись с сельвой за свое существование. Они выжили, и сейчас их труд помогал Эрли разбираться в происшедшем здесь.

Теперь многое стало на свои места. Теперь ясно, почему Свен утверждал, что солнце за время их пребывания на второй базе не сдвинулось ни на одну дуговую секунду. Ясно, почему они утверждали, что пробыли в полете шесть, а не четыре часа. Они могли пробыть на второй базе несколько дней, а по возвращении узнали бы, что на Центральной прошло всего четыре часа. Потому что за одни сутки, за один оборот Отшельника вокруг своей оси, на широте второй базы проходило полтора года.

— Эва, — позвал он девушку.

Она подошла к нему и села рядом.

— Эва, все, что говорила Сеона, правильно. Она действительно прожила там двадцать лет. Ты удивлена?

— Я не поняла. Но вот что я тебе скажу. Эта девушка не Оза.

Теперь Эрли удивленно посмотрел на нее.

— Она очень похожа на Озу. Удивительно похожа. Но это не Оза. Генри был слишком взволнован встречей с ней, ведь это было просто чудом, что она осталась в живых. А потом он думал, что Оза лишилась рассудка. Он скоро и сам заметит разницу... Так, говоришь, она прожила там двадцать лет? Когда я поняла, что это не Оза, я подумала: может быть, те чужие для каких-то своих целей воспроизвели Озу, жену одного из оставшихся в живых людей. Другого я не могла придумать. А раз ты говоришь... Значит, это дочь Озы. И все, что она говорит, правда.

— Да, кое-что проясняется. Но много и темных мест. Эва, введи в математическую машину эти данные и программу об ускорении времени на разных широтах Отшельника. Кажется, получится что-то ужасное. Я сейчас спрошу у Генри, где они пересекли энергетические пояса. Может оказаться, что это никакие не энергетические пороги и барьеры.

Эрли вышел из отсека связи и, пройдя несколько комнат, открыл дверь лаборатории записи информации. Генри должен был прослушать здесь записи переговоров с Центральной, сделанные, когда они несколько раз пересекали энергетический барьер.

Генри сидел, уронив голову на монтажный столик. Вокруг него валялись запоминающие кристаллы и магнитная проволока, крутилась пустая кассета магнитофона.

— Генри, — тронул его за плечо Эрли, — я хочу тебе сказать... Ты должен быть мужественным... Это не Оза, Генри.

Вирт поднял бледное, уставшее лицо и несколько раз кивнул головой:

— Я уже знаю, Эрли. Это моя дочь, Сеона. В кольце Озы был запоминающий кристалл. Это кольцо мне

передала Сеона. Оза мне все рассказала. Правда, наша встреча длилась всего одну минуту.

— Здесь, Генри, все кого-то или что-то потеряли.

Эрли постоял еще мгновение, молча вышел, но тотчас же вернулся:

— Я хотел спросить тебя, Генри, на каких широтах вы пересекали энергетические барьеры?

Генри назвал широты и добавил:

— Только это были не энергетические барьеры.

— Догадываюсь.

— Это были границы областей, в которых время течет по-разному. Чем дальше от экватора, тем оно течет быстрее. Слушай.

Он остановил крутящуюся кассету, вставил в нее проволоку и снова включил магнитофон. В комнате раздался резкий высокий вой.

— Это самая нижняя частота голоса Ника. А теперь слушай.

Он переключил скорость. Из динамика донеслось:

«Вызываю Вирта! Я — Трайков. Вызываю Вирта! — Слова повторялись много раз. — Что у вас произошло?»

— За первым порогом время течет в двадцать раз быстрее, чем у нас. Во сколько раз оно быстрее за вторым, не знаю. На второй базе оно течет в пятьсот раз быстрее.

— Вот почему вас прижимало на каждом пороге. Время течет быстрее, и поэтому нужно иметь большой импульс энергии, чтобы попасть в него. Вот почему без всякой видимой причины перевернулась «Фиалка». У нее был слишком маленький импульс энергии, — рассуждал Эрли.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Вирт.

— Я передам эти данные Эве, она введет их в вычислительную машину. Когда мы получим результат, то

сообщим обо всем Свену и Нику. А что ты скажешь Сеоне?

— Я дам ей послушать вот это, — ответил Генри и разжал ладонь, на которой лежало кольцо с камнем. Он взял в другую руку небольшой аппарат записи и считывания с кристаллов, и они оба вышли в коридор.

Эрли передал Эве необходимые для решения задачи данные. Генри сел рядом с Сеоной. Она улыбнулась ему. Было видно, что она чувствует себя неловко, как каждый человек, очутившийся пусть среди хороших, но все же незнакомых людей.

— Сеона, — сказал Генри, — я не буду тебе ничего объяснять. Меня зовут Генри Вирт. Послушай это. — Он вставил кольцо в зажим и включил аппарат. Раздался печальный тихий голос:

— Здравствуй, Генри. Любимый мой.

Эрли взял Эву за руку, и они вышли из зала.

— Я хотел выяснить возраст останков Эзры и Юмма, — сказал Эрли. — Это нужно сделать обязательно.

— Я помогу тебе.

— Нет. Я это сделаю сам. Это не очень сложно. Только я не знаю, где находится лаборатория.

— Тебе придется пройти в северное крыло по этому коридору. Там есть табличка.

— Эва, скоро будут готовы результаты вычислений. Проследи.

— Сейчас мне неудобно входить туда. Я провожу тебя.

— Чудачка. Тут и провожать-то некуда. Все рядом.

— Все равно.

Они успели пройти несколько десятков шагов, когда открылась дверь, из которой показалась голова Генри.

— Куда вы ушли? — крикнул он им вдогонку.

— Иди, Эва. Я скоро вернусь.

Эрли шел по коридору неровными шагами, иногда запинаясь от усталости. Там, где коридор пересекал линию экватора, он не утерпел и заглянул в инженерный зал. Он знал, что увидит там, и не ошибся. Этому залу тоже было несколько сот лет. Всюду лежала столетняя пыль. Метрах в двухстах дальше по коридору он отыскал нужную лабораторию и взял в руки небольшой приборчик. Затем на эскалаторе поднялся на верхний ярус Центральной, несколько секунд постоял возле прозрачного купола, пытаясь разглядеть фигурки Свена и Ника на четвертом накопителе, но ничего не увидел.

В главном пульте ему встретились все время о чем-то спорящие Эзра и Юмм. Но он на них уже не обращал внимания. Они жили в каком-то ином измерении времени.

Анализ останков двух людей показал, что они умерли полторы тысячи лет назад. Через пять минут Эрли был в зале связи. Генри в зале не было. Оказывается, его вызвал к себе Свен. Неизвестные что-то затевали. Генри уехал к четвертому накопителю на втором вездеходе.

Эва встретила его в страшном замешательстве.

— Эрли! У них на двадцатой базе прошло около шестисот лет. Их давно уже нет в живых!..

19

Свен и Ник вскочили в лифт и понеслись вниз. Николай на ходу передал:

— Эрли! Появился их вездеход. Они спускаются с накопителя. Впечатление такое, что они сейчас двинутся к Центральной. Мы тоже спускаемся к вездеходам.

— Отступайте к Центральной. Постарайтесь, чтобы они вас не обнаружили.

Но их уже обнаружили. Двухбашенный вездеход с десятком дул, направленных в разные стороны, внезапно выскочил из-за четвертого накопителя. Генри бросил свою машину вперед, наперерез, чтобы дать возможность Свену и Нику укрыться за броней своей машины. Неизвестные, очевидно, не ожидали встречи с кем-либо, и их вездеход резко остановился, закачавшись на рессорах. Генри проехал вперед. Тяжелый бластер лежал у него рядом на сиденье, но на ходу он все равно не смог бы им воспользоваться. Вездеход не был боевой машиной.

Неизвестные несколько минут никак себя не проявляли. Словно в их вездеходе никого не было. Все было тихо. За это время Свен успел поставить свою машину рядом с машиной Генри. Затем вездеход продвинулся немного вперед. То же самое проделали Свен и Генри. Расстояние между машинами сократилось до нескольких метров. Николай обо всем происходящем передавал Эрли.

— Отступайте назад, к Центральной! — кричал Эрли.

— Но тогда они подойдут туда вместе с нами, — ответил Ник.

— Пусть подходят! Здесь нас будет в два раза больше.

— Хорошо.

Неизвестные не проявляли агрессивных намерений. Наоборот, одно за другим исчезли из башен дула неизвестного оружия. Затем один из люков вездехода открылся, и из него показался человек с бронзовой кожей, золотящейся в лучах заходящего солнца. Он что-то крикнул, но слов нельзя было разобрать.

— Эрли, нам тоже выйти? — спросил Трайков.

— Подождите! Генри вам рассказал, что еще нам удалось выяснить?

— Вкратце.

— Так вот слушайте. Эти неизвестные тут совершенно ни при чем. Когда Эзра передал базам сигнал об эвакуации, было уже поздно. Скачком ускорение времени на полюсах Отшельника достигло огромной величины. На двадцатой базе время начало течь в двадцать тысяч раз быстрее, чем у нас, на Центральной. А у южного полюса в двадцать тысяч раз медленнее. К экватору градиент медленно убывал. Это и вызвало невиданный ураган. Воздух из области быстротекущего времени вытеснялся в соседнюю, где время текло медленнее. Ураган практически мгновенно охватил все северное полушарие. Затем плавная кривая изменения ускорения времени сменилась ступенчатой. Там, на границах, и сейчас бушуют бураны. Все базы оказались разрушенными почти мгновенно. Остальное сделала сельва. Неизвестна причина такого временного скачка. А теперь еще эти неизвестные. С баз они сюда добраться не могли, потому что, если кто там и уцелел после урагана, их уже нет... Несколько десятилетий или столетий. Эти неизвестные не имеют отношения к Отшельнику.

Человек с бронзовой кожей уже стоял перед вездеходом Генри и что-то показывал знаками.

— Кажется, он просит впустить его в машину, — сказал Генри. — Впустить? У него нет оружия. И вообще, мне кажется, они настроены миролюбиво.

— Пусть сначала объяснит, что им нужно.

Генри до половины высунулся из люка и попытался знаками спросить, что им нужно, но у него ничего не получилось. Тогда он просто спросил:

— Что вам нужно на Центральной?

Бронзовый человек подошел совсем близко к вездеходу. Генри повторил свой вопрос.

— Козалес! Нужно Козалес!

Генри на мгновение остолбенел, потом справился с охватившим его удивлением и передал в микрофон:

— Эрли! Им нужен ты.

— Я? Они что, говорят на нашем языке?

— Во всяком случае, я его понял.

— Возьми его в машину и езжай скорее сюда. Свен пусть пока со своей машиной останется на месте. Вездеход неизвестных лучше пока не пускать сюда.

— Я понял, — ответил Генри и знаком показал человеку, что он может влезть в его машину.

Через несколько минут они были возле главного входа в Центральную станцию. Оба молчали. Генри провел неизвестного в зал связи. Неизвестный немного испуганно переступил порог и сказал:

— Здравствуйте! Мне нужен Козалес.

— Это я, — ответил Эрли, поднимаясь навстречу ему.

Неизвестный быстро подошел к нему и протянул руку. Эрли недоверчиво пожал ее.

— Мы добирались сюда около трехсот лет, — сказал неизвестный, — во всяком случае, в Большом городе прошло триста лет. Нас послал Констак. Его, правда, нет уже в живых. Он умер давно-давно. Но он оставил нам программу действий. И до нас были экспедиции. Но, очевидно, они не дошли, раз это еще существует, — и он развел руками.

— Что существует? — переспросил Эрли.

— Эта станция. Мы должны взорвать ее. Так говорится в программе Констака.

— Кто такой Констак и что это за Большой город?

— Констак был великий ученый. Разве вы его не знаете?

— Как же я могу знать его, если вы сюда добирались триста лет? Меня тогда еще и не было. Ну а что это за Большой город? Планета?

Неизвестный отрицательно покачал головой.

— Солнечная система?

— Нет...

— Тогда что же? Галактика?

— Нет... Нужен глобус.

Но глобуса, к сожалению, поблизости не оказалось.

— Понимаете, это бывшая база. Когда-то от Центральной до нее можно было добраться за десять часов. А теперь нужно триста лет. Мы не физики. Мы только выполняем программу Констака. Там сказано, что если мы не сможем взорвать накопители сами, то должны найти Козалеса. У нас есть письмо. Только оно очень старое. Его нужно читать очень осторожно. Его писал сам Контак.

— Каким видом транспорта вы добирались от Большого города до Центральной?

— Мы шли на вездеходах. У нас было пять вездеходов. Дошел только один. Остальные погибли.

У Эрли голова пошла кругом. Да ведь они с двадцатой базы! Но за триста лет там все должны были умереть. Откуда же они тогда взялись?

— Контак — это Конрад Стаковский?! — крикнул он.

— Да. Это Конрад Стаковский. Но он обычно называл себя Контак.

— Свен! — крикнул Эрли в микрофон. — Веди сюда свой вездеход. И вездеход этих людей сюда. Это наши! Они с двадцатой базы!

— Как с двадцатой? Что, опять новая гипотеза?

— Нет, Свен, старая! Теперь все ясно. Веди их скорее сюда!

Бронзовый человек смущенно оглядывался вокруг.

— Сколько человек в вездеходе?

— Одиннадцать. Я двенадцатый. Восемь человек погибли.

— Как вас зовут?

— Энрико.

— Вы, наверное, чертовски голодны? Да и мы тоже. Эва и Сеона! Я хочу просить вас...

Девушки уже все поняли: они включили и настроили автоматы для приготовления еды.

Вскоре в Центральную ввалилась шумная ватага бронзовых людей. Свен и Ник недоверчиво шли позади с бластерами за спиной.

— Выбросьте эти игрушки, — сказал им Эрли.

Когда все немного поутихло, Энрико рассказал:

— После того как на базе получили сигнал об эвакуации, там сразу же возник невиданной силы ураган. База была разрушена. К счастью, это была самая многонаселенная база. На ней было четырнадцать человек. В первые же минуты недосчитались одного... Остальные успели укрыться в подвальных помещениях станции. Выйти из этих подвалов удалось только через пять лет. И только через тридцать лет они более или менее очистили территорию базы от сельвы, но перед ними встала проблема голодной смерти. Конрад Стаковский к этому времени умер. Постепенно они нашли способ перерабатывать ползунов и мешки во что-то съедобное. Потом наступила сорокалетняя зима и ночь.

— Но ведь все, кто был на этой базе, должны были умереть?

— Конрад Стаковский с самого начала знал, что произошло на Отшельнике, и наказал, чтобы кто-нибудь обязательно добрался до Центральной. Те, кто жил на базе с самого начала, не могли и мечтать об этом. И женщины рожали детей. Через триста лет, когда мы уезжали, там было уже около шестисот человек. Сейчас,

наверное, гораздо больше. Но Отшельник должен погибнуть. На Отшельнике образовался генератор времени. Его излучающее кольцо проходит по экватору. Как только время на полюсе Отшельника сравняется со временем, которое прошло в этом кольце, наступит насыщение и Отшельник взорвется. Когда это произойдет, Стаковский не знал.

— Через пятнадцать дней, — сказал Эрли. — Этому излучающему кольцу полторы тысячи лет.

— Нужно взорвать его на возможно большем расстоянии. Для этого нужно взорвать накопители энергии, взорвать Центральную. Мы выяснили запасы энергии. Этого достаточно, но мы не знаем схемы соединения накопителей. На базе этого никто не знал. Там не было инженеров. А ждать пятнадцать дней нельзя. Надо взорвать Центральную как можно раньше. Большой город еле сводит концы с концами. Им там приходится очень плохо.

— Можно забросить им продовольствие на винтолете, — сказал Свен.

— Нет, — ответил Эрли. — Энергетический барьер там очень высок.

— А «Фиалка»?

— «Фиалка» может садиться только на малой скорости. Кроме того, там нет посадочной площадки.

После обеда все немедленно принялись за работу. Основная часть людей под руководством Эрли грузила на «Фиалку» различные ценные приборы, оборудование, материалы исследований, все необходимое для того, чтобы колония Отшельника после уничтожения Центральной смогла просуществовать до прихода «Варшавы».

Схема соединения накопителей не была найдена. Это значительно усложнило задачу. Пробуя распутать

этот клубок, они могли провозиться и не пятнадцать дней.

И тут Эрли вспомнил, что было изображено на рулоне бумаги, которую он видел у Эзры и Юмма. Теперь он не сомневался, что они живут в каком-то ином измерении времени, где, кроме Центральной и их двоих, никого и ничего не существует. Они понимают, что с ними произошло, потому что они руководили этим экспериментом. А то, что это был эксперимент, Эрли догадывался. Оба они представляли последствия эксперимента, когда он вышел из-под их контроля.

Эзра и Юмм чаще всего появлялись в главном пульте и в зале связи, как бы предполагая, что там должны быть люди. Они часто разворачивали теперь уже не существующую для других схему, как бы приглашая срисовать ее. К закату солнца это удалось сделать Свену.

А в полночь все было готово для взрыва.

Трайков должен был подняться на «Фиалке» и оставаться на орбите спутника Отшельника до тех пор, пока где-нибудь не будет подготовлена посадочная.

Остальные должны были лететь на винтолетах. Их нужно было обязательно сохранить. Конрад Стаковский разработал программу взрыва накопителей энергии таким образом, чтобы ускорение времени, положительное или отрицательное, исчезло не скачком, а плавно. Нужно было избежать второго разрушительного урагана.

В начале первого ночи стартовала «Фиалка». Вскоре они услышали спокойный голос Трайкова:

— Все в порядке.

После этого с Центральной ушли два грузовых винтолета с людьми. Их вели Эрли и Свен. Остальные винтолеты взлетели без пилотов. В них была заложена программа полета.

Вместе с Эрли летели Эва и несколько человек с двадцатой базы.

— Вспомнил! — вдруг услышали они голос Трайкова. — Вспомнил, где я видел эти качели! Они же изображены на стенах Центральной! На самом экваторе ровная полоска, параллельная земле. А чем дальше к северу или к югу, тем больше угол наклона этих качелей. И знак угла разный. У северного полюса положительный, у южного — отрицательный.

— Жаль, что поздно возвращаться, — сказал Эрли. — Странно. Ведь все видели их, а до сознания не доходило.

Винтолеты летели плотной группой, удаляясь по экватору на восток и забирая чуть-чуть к северу.

20

Они удалились от Центральной километров на пятьсот, когда раздался взрыв. Ночное небо озарилось яркой вспышкой.

Через час в эфире раздались слова:

— Почему эвакуация! Эзра, что там у вас?

Это говорили с девятнадцатой базы, расположенной почти у самого южного полюса. У них там с момента катастрофы прошло несколько минут.

Эрли нервно улыбнулся.

— Скажи им, Эва, чтобы все оставались на своих местах. Генри передаст им сообщение.

Потом они летели по направлению к двадцатой базе.

Эрли включил автопилот и вытащил из кармана два письма. Одно было от Конрада Стаковского, второе — от Лэй.

«Здравствуй, Эрли! — писала Лэй. — Мне так хотелось бы увидеть тебя еще раз...»

Он сложил письмо, хотел разорвать его, но передумал и положил на колено сидевшей рядом Эвы.

— Когда-нибудь прочтешь, — сказал он.

Она отрицательно покачала головой.

«Эрли! — писал Конрад Стаковский. — Мы все же добились, чего хотели. Мы можем управлять временем. Я уверен, что ты продолжишь наше дело. Представляю себе установку, на одном полюсе которой время будет ускоряться, а на другом замедляться. Эксперименты, на которые раньше людям нужны были годы, теперь можно будет проводить в считанные секунды. Я даже не могу себе представить, как далеко шагнет вперед человечество, приручив время, заставляя его течь по своему усмотрению.

...Очень жаль, что это открытие повлекло за собой катастрофу. Но я уверен, что ты продолжишь работу, я постараюсь помочь тебе...

Если же страсть журналиста пересилила в тебе физика, вот начало твоей книги.

Мы так и не узнали, что за цивилизация оставила на Отшельнике свой след. Может быть, и не было никакой другой цивилизации? Может быть, через двадцать лет эта установка будет сооружена на Земле и окажется перенесенной сюда на Отшельник, сдвинутая во времени. Ведь на Земле уже давно ведутся работы, связанные с попытками управлять временем. Эзра и Юмм жили этой идеей. Мы долго не могли понять, что представляет собой Центральная, ее накопители энергии, базы. А потом мы открыли излучающее кольцо Отшельника и постепенно пришли к выводу, что на этой установке можно экспериментально проверить возможность взаимного превращения пространства и времени. Основная часть экспедиции занималась изучением Отшельника, пытаясь выяснить, кто же все-таки побывал на Отшельнике. В одном из многочисленных помещений

Центральной были найдены рабочие записи. Обычные рабочие записи, из которых немного что поймешь, но все же. И мы поняли, что кто-то уже пытался заниматься экспериментами с пространством и временем. Самое странное было в том, что рабочие записи были сделаны на земном языке. И в нескольких местах стояла твоя подпись. Я разговаривал с Лэй. Она сказала, что у нее не было никаких твоих записей, никаких документов, ничего твоего. Я не мог понять, где бы ты мог заниматься подобными экспериментами. Мне о них ничего не было известно.

К нашему эксперименту мы готовились долго и тщательно. Через четыре дня после того как «Фиалка» стартовала с Отшельника, Эзра настоял на том, что можно начинать эксперимент.

На Центральной остались только Эзра, Юмм и Эва. Остальные на винтолетах вылетели на базы. Это должен был быть колоссальный эксперимент, и нам не хватало людей.

Одиннадцатого в семь ноль-ноль все двадцать баз доложили, что готовы к проведению эксперимента. Эксперимент начался в семь пятнадцать. Эзра отдавал команды по внешней связи и включал накопители энергии. Юмм немедленно обрабатывал результаты эксперимента на вычислительной машине и вносил корректирующие изменения в программу эксперимента.

Примерно до восьми часов все шло, как в предварительных небольших экспериментах... Накопители израсходовали семьдесят процентов энергии, а изменения кривизны пространства в локальной области Отшельника не наблюдалось. Эзра начал нервничать. Примерно в восемь часов ноль три минуты приборы отметили искривление пространства. Ускорение времени равно нулю. Эзра решил прекратить эксперимент. Юмм настаивал на продолжении. Через минуту выяснилось,

что их спор бесполезен. Эксперимент вышел из-под контроля. Эзра выключил накопители, но искривление пространства оставалось. Это подтвердили все двадцать баз. Затем искривление пространства исчезло, но началось ускорение времени, особенно заметное на экваторе. На полюсах ускорения времени не было. В восемь часов десять минут ускорение времени прекратилось, и приборы зарегистрировали искривление пространства. Ускорение времени было небольшим. Одна секунда за час.

Эзра передал всем, что эксперимент вышел из-под контроля и все должны подготовиться к возвращению на Центральную.

Раскачивание системы пространство-время продолжалось еще двадцать две минуты... Потом ускорение времени стало стремительно нарастать. Связь между базами и Центральной прервалась. Прошло уже пять лет, а мы еще не вышли из подземелья. Эрли, а что если это были твои будущие рабочие записи? Ведь тогда нам не надо искать другую цивилизацию, ведь тогда все это сделали мы сами. Эрли, ты должен научиться управлять временем...»

Впереди уже была видна вторая база.

— Эрли, — сказал Генри. — Я хочу задержаться здесь на несколько минут... Ты понимаешь меня?

— Да, Генри, — и он выключил микрофон.

Четырнадцать винтолетов застыли на одном месте, а один, сделав крутой вираж, пошел на посадку. В лучах восходящего солнца он казался маленьким золотым жуком.

СОДЕРЖАНИЕ

Билет в детство	5
Оборотная сторона	19
На дворе двадцатый век	56
Город мой :	72
Самый большой дом	84
Қачели Отшельника	99

Колупаев В. Д.

К61 Качели Отшельника. Повесть. Рассказы.

192 с. с ил. (Б-ка советской фантастики) 100 000 экз.

В новую книгу В. Колупаева вошли повесть «Качели Отшельника», об освоении людьми планеты иной солнечной системы, о научном эксперименте, который приводит к неожиданным последствиям, о мужестве и стойкости людей в освоении внеземных миров, и рассказы о космосе, о путешествиях во времени.

к 70302—093
078(02)—74 159—74

P2

Колупаев Виктор Дмитриевич

КАЧЕЛИ ОТШЕЛЬНИКА. Повесть. Рассказы.

Редактор **Б. Ключева**

Художник **Г. Перкель**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Е. Брауде**

Корректоры **Г. Трибунская, К. Пипикова**

Сдано в набор 12/XII 1973 г. Подписано к печати 1/IV 1974 г. А07660. Формат 70×108^{1/32}. Бумага № 1. Печ. л. 6 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 100 000 экз. Цена 28 коп. Т. П. 1974 г., № 159. Заказ 2501.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

В 1974 году
в Библиотеке советской фантастики
выйдут следующие книги:

Дм. Биленкин, Проверка на разумность.

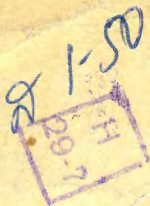
М. Грешнов, Волшебный колодец.
Сборник Фантастика-73, 74.

В. Шефнер, Скромный гений.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

28 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Библиотека советской фантастики

ВИКТОР КОЛУПАЕВ

КАЧЕЛИ ОТШЕЛЬНИКА

